

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Ни
Научный журнал

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2 (35) 2019

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
Дискурс*Ни

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Ни
Екатеринбург – 2019

**«ДИСКУРС-ПИ»
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2 (35) 2019
Сентябрь 2019**

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации:

ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 19.10.2019 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 11,7

Тираж 300 экз.

Заказ № 000000

Отпечатано в типографии ИП Крючкова С.Г.
620062, г. Екатеринбург,
ул. Первомайская, 77ж

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**

www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
в Объединенном каталоге «Пресса России»**

Цена свободная

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, член-корреспондент РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Сагади Булекбаев – Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Аты, Казахстан

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Ольга Малинова – Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

Михаил Малышев – Автономный университета штата Мехико, Толука, Мексика

Виктор Мартьянов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Сянмэй Сюй – Институт по изучению партийной истории и литературы при ЦК КПК, Пекин, КНР

Лидия Тимофеева – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 23.00.00 Политология, 09.00.00 Философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

**«DISCOURSE-P»
SCIENTIFIC JOURNAL
№2 (35) 2019
September 2019**

Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malysheva Street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-54425 from June 10, 2013
given by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

Passed for printing on October 19, 2019
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 11,7
Issues – 300
Order # 000000

Printed by typography
of individual entrepreneur S.G. Kryuchkova
ul. Pervomajskaya 77 Zh
Ekaterinburg, 620062, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
ul. S. Kovalevskoy 16
Ekaterinburg, 620990, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors
to adhere to the style
of scientific discourse**

**Subscription index
in the United Catalog «Russian Press» 71227**

Free price

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Sagadi Bulekbaev – Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Alexander Chumakov – Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Olga Malinova – Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail Malyshev – Autonomous University of Mexico, Toluca, Mexico

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasilii Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Lydia Timofeeva – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

Xiangmei Xu – Institute for the Study of Party History and Literature at the CPC Central Committee, Beijing, China

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following groups of scientific specialties: 23.00.00 Political science, 09.00.00 Philosophical Sciences

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

№ 2 (35)

Дискурс политики памяти

Русакова О.Ф., Русаков В.М.

Дискурс постправды
как медиатехнология политики постпамяти10

Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю.

Политика национальной памяти на постсоветском пространстве:
подходы и практика28

Рубцова В.Ю.

Производство прошлого: картина изменений.....42

Денисов Ю.П.

Репрезентация образа Великой Отечественной войны
в выступлениях В.В. Путина в начале первого срока
президентских полномочий: мемориальный поворот49

Игошина П.А.

Политико-культурный феномен исторической памяти
(на примерах колумбийской акции «Объединяя отсутствующих»
и российской – «Бессмертный полк»)58

Тропы метода

Каюмов А.Т., Маслова А.В.

Неполнота чистого разума: эстетика, ratio, intuition70

Яркова Е.Н.

Теория клипового мышления
или эскиз картины регресса человеческого разума77

Орлов Б.В.

Проективная эстетика как новый дискурс86

Парадигмы и процессы

Глушкова С.И., Мартынов К.Э.

Современный дискурс прав человека:
основные проблемы и противоречия98

Старостин А.Н., Сулонов П.Е., Шиллер В.В. Профилактика экстремистских проявлений: теоретические основания и практические модели	107
Колесников П.М., Аль Ахмад А.Х., Сакаев В.Т. Возможные пути урегулирования сирийского вооруженного конфликта в контексте международного права	118
Воробьева М.В. Доходность литературы: О писателях-халтурщиках и их заказчиках в дискурсе советской сатиры и литературной критики второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов	127

2 (35)

Memory Policy Discourse

Rusakova O.F., Rusakov V.M.

Post-Truth Discourse
as a Media Technology of the Politics of Postmemory10

Gribovod E.G., Kovba D.M., Moiseenko Y.Y.

The Policy of National Memory in the Post-Soviet Space:
Approaches and Practice.....28

Rubtsova V.Y.

Production of the Past: A Picture of Changes42

Denisov Y.P.

Representation of the Image of the Great Patriotic War
in V.V. Putin's Speeches at the Beginning of the First
Presidential Term: A Memorial Turn49

Igoshina P.A.

Political-Cultural Phenomenon of Historical Memory
(Based On the Examples of the Colombian Action "Uniting Absentees"
And the Russian "Immortal Regiment").....58

Tropes of Method

Kayumov A.T., Maslova A.V.

Imperfection of Pure Intelligence: Aesthetics, Ratio, Intuition70

Yarkova E.N.

The Theory of Clip Thinking
or the Sketch of the Regress of Human Intelligence.....77

Orlov B.V.

Projective Aesthetics as the New Discourse86

Paradigms and Processes

Glushkova S.I., Martynov K.E.

Modern Discourse of Human Rights:
Main Issues and Contradictions98

Starostin A.N., Suslonov P.E., Shiller V.V.

Prevention of Extremist Manifestations:
Theoretical Bases and Practical Models 107

Kolesnikov P.M., Al Ahmad A.H., Sakaev V.T.

Approaches for the Peaceful Settlement of the Syrian Armed Conflict
within the International Law..... 118

Vorobyova M.V.

Profitability of Literature: On Hack-Writers and Their Customers
in the Discourse of Soviet Satire and Literary Criticism
in the Second Half of the 1920s – The First Half of the 1930s 127

УДК 321
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

ДИСКУРС ПОСТПРАВДЫ КАК МЕДИАТЕХНОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ ПОСТПАМЯТИ*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Уральский федеральный университет,
кафедра политических наук,
доктор философских наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье рассматриваются стратегические установки, базовые черты, принципы и медиатехнологии дискурса постправды, дается пошаговый анализ процесса его развертывания в медиасфере. Раскрывается методологическая взаимосвязь медиатехнологий дискурсов постправды и постпамяти. Отмечается, что дискурсы постправды и постпамяти конфронтационны рационально-научному дискурсу, не приемлют принципы объективно-критического рационально-научного познания, обслуживают политические интересы властвующих неолиберальных элит, нуждающихся в легитимации своего господства. Авторы обращаются к анализу дискурса Голодомора как медиатехнологии постпамяти.

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–68 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

Ключевые слова:

Постправда, постпамять, травмированная память, медиатехнологии, неолиберальный дискурс, контр-рациональный дискурс, Голодомор.

Дискурс постправды как комплексная медиатехнология

Дискурс-анализ феномена постправды сравнительно недавно оказался в фокусе изучения представителей гуманитарных и политических наук. Особенно усилилось внимание к дискурсу постправды после того, как в 2016 г. термин «постправда» (*post-truth*) был выбран составителями Оксфордского словаря словом года. Понятие «*post-truth*» в данном словаре определяется как «обстоятельства, при которых факты объективной реальности оказывают меньшее влияние на общественное мнение, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям»¹.

В современных исследованиях утверждается, что термин «постправда» впервые был использован в 1992 г. американским драматургом С. Тезичем в одной из статей журнала «The Nation». В ней автор, используя данное понятие, описал «синдром Уотергейта» – известный скандал, закончившийся отставкой президента Р. Никсона².

Определенный вклад в понимание дискурса «постправды» внесла книга Р. Кейса, изданная в 2004 г. [22]. Автор, описывая эпоху постправды, определяет её как размывание границ между ложью и правдой, вымыслом и фактами, нечестностью и честностью. При этом отмечается, что для описания сегодняшней жизни глагол «обманывать» уже не используется: он заменяется более «мягким» и политкорректным термином «приукрашивать».

Далее в литературе стали применять различные варианты термина «постправда». Так, в 2005 г. историк Э. Элтерман ввел в оборот словосочетание «президентская постправда» и описал, как лидеры Соединенных Штатов на протяжении многих лет проводили политику дезинформации населения страны [15].

В 2016 г. в журнале The Economist вышла статья «Политика постправды: искусство лжи»³. В ней утверждается, что политические деятели всегда так или иначе искажали информацию, а СМИ лишь способствовали распространению неверных фактов. Благодаря СМИ слухи разносятся с очень высокой скоростью и быстро начинают казаться похожими на правду. В противовес термину

¹ “After much discussion, debate, and research, the Oxford Dictionaries Word of the Year 2016 is post-truth – an adjective defined as ‘relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief’ // URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>.

² Kreitner R. Post-Truth and It’s Consequences: What a 25-Year-Old Essay Tells Us About the Current Moment // 2016. URL: <https://www.thenation.com/article/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/>.

³ Kreitner R. Post-Truth and It’s Consequences: What a 25-Year-Old Essay Tells Us About the Current Moment // 2016. URL: <https://www.thenation.com/article/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/>.

«постправда» в статье было предложено использовать его антоним – «pro-truth», который означает борьбу за правду.

Отметим, что префикс «пост-» употребляется в исследованиях и по отношению к другим политическим явлениям сходного толка. Например, К. Крауч использовал термин «пост-демократия», описывая публичные предвыборные дебаты, которые представляют собой хорошо контролируемый спектакль, который ставят профессиональные команды-соперники, обладающие опытом и техникой убеждения. На таких спектаклях обсуждается лишь узкий круг вопросов, заранее очерченный этими командами [17].

Среди отечественных исследователей, поднявших на теоретический уровень проблематику постправды, можно отметить С.В. Чугрова [14, с. 42–59]. В своей статье автор отмечает, что благодаря распространению дискурса постправды в информационном пространстве уменьшается роль фактов, аргументов, логичных доказательств в формировании общественного мнения, поскольку их попросту игнорируют. С.В. Чугров показывает, кто на самом деле выигрывает и проигрывает от действия политики постправды, описывает технологии воздействия ложной информации на текущую политику. Автор утверждает, что в современную эпоху такая бесспорная ценность либерального общества, как свобода, может деградировать, стать фикцией. Опасности подвергаются и другие ценности – демократические институты и процедуры, а также – система международной безопасности.

Значительный вклад в понимание феномена и дискурса постправды внес сборник трудов, изданный в Санкт-Петербурге по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» [9]. Материалы данной конференции легли в основу коллективной монографии «Политика постправды и популизм» [8].

Специальным предметом исследования в отечественной литературе является комплекс медиатехнологий, направленный на конструирование дискурса постправды. Так, к примеру, Г.В. Лукьянова анализирует группу технологических приемов, производящих в соответствии с заданными идейно-политическими установками определенное медиавоздействие на целевую аудиторию. К ним она относит прайминг, фрейминг и установление повестки дня. Автор также отмечает, что в эпоху глобализации и повсеместного распространения сети Интернет появляются новые медиатехнологии создания и распространения постправды. К ним относятся: 1) эмоционализация политики (акцент на чувства и эмоции); 2) персонификация политики (личность политика оказывается важнее продвигаемой им идеологии); 3) развлекательность политики (упрощение чересчур сложных тем, их схематичная или юмористическая подача) [5, с. 132–133].

Сходные черты медиатехнологий дискурса политики постправды отмечают авторы специального выпуска научного журнала «Современный дискурс-анализ», в котором представлены материалы Международной научно-практической конференции «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования» [13]. Так, к примеру, в статье А.П. Короченского «Медиакритика в эпоху пост-журналистики» перечисляются следующие стратегии пост-журналистики, порождающие дискурс постправды: предпочтение медиатекстов с высокой эмоционально-драматической нагрузкой; функция развлекательности выходит на передний план в ущерб информацион-

ной; геймификация, связанная с широким использованием игровых и спектаклярных подходов; деградация фундаментального требования традиционной журналистики проверки информации на истинность; распространённость практики опубликования фейковых новостей, основанных не на фактах, а на вымысле и др. [13, с. 32–33]. Автор делает вывод: «Названная практика благоприятствует созданию общественной ситуации, обозначаемой как *пост-правда*, когда апелляция к личным убеждениям людей и их эмоциям более действенна, чем ссылка на объективные факты. Примером такого рода может служить освещение в западных массмедиа «отравления Скрипалей», когда по всему миру в течение полугода распространялись не подкрепленные фактами утверждения о применении российскими спецслужбами боевого отравляющего вещества на территории Великобритании» [13, с. 33].

Широкое распространение медиатехнологий дискурса постправды в современном информационном пространстве приводит к следующему методологическому консенсусу в сфере реальной политики, а именно: считается излишним прилагать специальные усилия, чтобы тестировать факты на достоверность, перепроверять их, а при рассмотрении публичных заявлений политиков задаваться вопросом «кому это выгодно»? При этом публично транслируемая ложь уже только в силу своей высокой медийной тиражируемости априори получает информационно-политическую легитимацию. Это означает, что тот, кого уличают во лжи, вряд ли может опасаться негативных последствий и может и дальше спокойно продолжать продуцирование постправды.

Сегодня дискурс постправды взят на идеологическое (а точнее – пропагандистское) вооружение современными элитами⁴ целого ряда стран, стоящими на доктринальных позициях неолиберализма [12; 16]. Это связано с широким внедрением в информационную политику новых принципов освещения событий, входящих в противоречие с рационалистической логикой, апеллирующей к доказательной базе. Для внедряемого в идейно-политическую сферу дискурса постправды базовой чертой является принцип приоритета политического интереса над доказательной базой. Это означает, что ради защиты стратегических интересов государства, включая разработку стратегии информационной безопасности страны, политики готовы использовать технологии конструирования несуществующих фактов и игнорирования контраргументов. Приводимая рациональная аргументация всячески третируется неолиберальными СМИ, которые противопоставляют ей эмоционально заряженные яркие медийные образы и мемы. В данном случае применяется еще один известный принцип дискурса постправды: впечатление важнее логики.

В условиях нарастания информационно-политической конфронтации между антироссийски настроенными неолиберальными элитами стран условного Запада и руководством современной России, дискурс постправды выступает важным медиа-инструментом формирования в массовом сознании западной

⁴ Broun Wendy. Monday, Jun 15, 2015. Neoliberalism poisons everything: How free market mania threatens education – and democracy. Reducing everything – including people – to markets makes democracy impossible, UC Berkeley's Wendy Brown tells Salon // URL: http://www.salon.com/2015/06/15/democracy_cannot_survive_why_the_neoliberal_revolution_has_freedom_on_the_ropes.

публики представлений об исключительно враждебном и агрессивном характере российской политики [1, с. 64–76]. При этом применяются медиатехнологии демонизации и дегероизации противника. В ход пускаются разнообразные приемы, находящиеся за гранью рационального мышления: конструирование фейковых событий и новостей, безапелляционное навешивание ярлыков, бездоказательные обвинения и упреки, сделанные на том основании, что, якобы, оппоненты своими действиями покушаются на ценности либеральной демократии, подрывают устои мирового порядка, сложившегося в условиях господства идеологии и практики неолиберализма. В случае, когда оппонентам удастся привести аргументы, опровергающие выдвинутые обвинения, уличить своих противников во лжи, распространители дискурса постправды, чтобы «сохранить лицо», прибегают к понятию «альтернативные факты», маскируя тем самым фейковую информацию под некий легитимный вариант виртуальной реальности⁵.

В целом, дискурс постправды предполагает замену рациональной аргументации технологиями производства иррациональных эмоциональных эффектов и реализации в медийно-политическом пространстве известного принципа «цель оправдывает средства». Иначе говоря, дискурс постправды целиком и полностью отвечает целям и задачам существующей политической конъюнктуры. Кроме того, данный дискурс в последние годы активно применяется в масштабных информационных войнах, и направлен в основном на создание негативного образа России и позитивного имиджа ее противников. Для постоянной подпитки общественного мнения информацией о субстанциональной враждебности и агрессивности России в неолиберальных СМИ применяется технология сценарного конструирования сюжетной линии медийной пьесы под условным названием «разоблачим и накажем врага».

Осуществляемая на основе технологий постправды медиа-война, если представить ее в виде некоего долгоиграющего сериала, состоящего из целого ряда сценарных шагов, может выглядеть следующим образом:

Шаг первый – использование конфликтной ситуации или яркого информационного повода для провозглашения грозного и впечатляющего обвинения в адрес заранее назначенного виновника, который нарушил базовые принципы общественной и международной жизни. При этом в медиaprостранство массово вбрасываются стереотипные устрашающие картинки и мемы типа «Russian did it» («Это сделали русские»).

Шаг второй – организация массивной и синхронизированной информационной атаки с использованием шокирующих видеоматериалов и ссылок на «авторитетные» источники с расчетом на то, что обвиняемая сторона не сможет быстро и организованно ответить на предъявляемые ей обвинения в якобы совершенном с большой очевидностью именно ею ужасном преступлении (принцип «Highly likely»).

Шаг третий – вопреки принципу презумпции невиновности, без проведения какого-либо предварительного расследования, организуются международные акции с громкими обвинениями противника, целью которых является

⁵ Vincent F. Henfricks, Mads Vestergaard. Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation. Chapter 4. Alternative Facts, Misinformation, and Fake News – 2019: Springer Open. P. 35–48 / URL: <https://www.researchgate.net/publication/330045782>.

создание единого фронта представителей мировой элиты против «неприемлемых» действий политического противника. В итоге, заручаясь поддержкой широких международных кругов, формируется устойчивое общественное мнение о безоговорочной виновности противника. На данном этапе активно вовлекаются в процесс обвинения надгосударственные политические институты и структуры (Совет Европы, ПАСЕ, ООН, G7 и др.).

Шаг четвертый – включение карательного инструмента наложения санкций с целью ослабления политического влияния противника на международной арене, подрыва его экономической, военно-стратегической и информационной мощи.

Шаг пятый – в случае, когда обвиняемая сторона выступает с требованиями проведения объективного расследования и доказательств истинности исходной версии, используется беспроблемный прием ссылок на некие секретные документы и разведанные, которые нельзя публично обнародовать, но которым следует доверять, поскольку стоящие за ними организации стоят на страже защиты государственных интересов и безопасности страны.

Шаг шестой – при ослаблении внимания публики к основному сюжету обвинения в целях подогрева к нему общественного интереса, в полном соответствии с жанром «мыльной оперы» в политическую пьесу вводятся дополнительные персонажи, олицетворяющие собой либо новых участников преступления, либо его жертв.

Шаг седьмой – когда баланс информационных сил оказывается не в пользу стороны обвинения, редакторским коллективам СМИ дается «отмашка» относительно закрытия темы. При этом пауза между предшествующей и новой информационной атаками должна быть непродолжительной.

Классическим вариантом данного пошагового развертывания дискурса постправды является так называемое «дело Скрипалей», созданное правительством Великобритании [11, с. 463–464].

Взаимосвязь медиатехнологий дискурсов постправды и постпамяти

Дискурс постправды, культивируемый в современном информационном пространстве, при определенном смещении внимания институтов масс-медиа к проблематике исторической или национальной памяти [6; 7] обнаруживает свою внутреннюю связь с технологиями политики, обозначаемыми понятием «постпамять». Понятие «постпамять» (англ. *postmemory*) было введено в широкий научный оборот профессором Колумбийского университета Марианной Хирш [21]. Согласно исследователю, приставка «пост» при обозначении особенностей исторической памяти современников означает не только временную отдаленность от исторических событий, предьявляемых в рассматриваемых документах и видеоматериалах. Она, в первую очередь, означает, что при передаче исторической памяти от поколения к поколению важную роль играют эмоциональные механизмы эмпатии, связанные с новейшими мультимедийными технологиями формирования образа прошлого.

В работах определенной группы исследователей дискурс постпамяти рассматривается в контексте разработки направления, обозначаемого как *trauma studies* (исследования исторической травмы) [18; 19; 20]. В рамках данного

направления было сформулировано понятие «травмированная память». Этим понятием обозначается память поколений, выживших в исторических катастрофах и конфликтах.

Стратегической задачей дискурса травмированной постпамяти является создание с помощью медиатехнологий эффекта эмоционального потрясения, связанного с возникновением у публики состояния острого сопереживания и внутреннего негодования по поводу трагических событий прошлого.

Целенаправленно политикой травмированной постпамяти активно занимаются институты национальной памяти, существующие в ряде стран Восточной Европы. Данные институты используют мультимедийные инструменты, которые конструируют в массовом сознании травмирующие образы коммунистического прошлого, возлагая при этом всю ответственность за трагедии истории на Советский Союз [6, с. 11]. Параллельно данному процессу осуществляется формирование медиаобразов альтернативной истории, противопоставляемой советским и российским официальным версиям. В процессе создания образов альтернативной истории активно применяются уже названные нами медиатехнологии дискурса постправды, которые трансформируются в особые разновидности дискурса постпамяти.

Если кратко сформулировать суть дискурса постпамяти, то ее можно обозначить следующим образом: дискурс постпамяти – это способ конструирования альтернативной истории посредством применения технологии разделения участников исторических событий на две категории: «нация-преступник» и «нация-жертва». При этом основная стратегия дискурса постпамяти заключается в том, чтобы всеми возможными средствами (прежде всего – медийными) создать впечатляющие образы прошлого, способные вызывать у публики эмоциональный шок, чувства сострадания к нации-жертве и ненависти к нации-преступнику. Идеологически данная технология подкрепляется концепцией двух равнозначных тоталитарных режимов – нацистского и советского. Те нации, которые объявляются пострадавшими от обоих режимов, представляются в роли «двойной жертвы», что предполагает особо трепетное и щадящее отношение к их травмированной памяти. Главными исполнителями и распространителями технологии «жертвостроительства» выступают институты национальной памяти. Они же настойчиво включают в официальный политический дискурс термин «оккупация», применение которого способно существенно усилить у представителей «нации-жертвы» чувство ненависти к тоталитарному советскому режиму и к «нации-преступнику» [6; 7; 10].

В технологический арсенал политики постпамяти входит конструирование альтернативных, и даже идейно-враждебных советской коммемораторной политике новых политических символов, праздничных дат, официальных ритуалов, пантеонов героев и т. п., которые призваны окончательно вытеснить из массового сознания семиотические образы советского прошлого и наполнить его по-новому идеологически заряженным контентом. Такого рода манипулятивные процедуры формируют у публики своеобразное видение прошлого, альтернативное научной методологии исторического познания. Согласно логике дискурса постпамяти, исторической правдой должна считаться только та интерпретация прошлого, которая соответствует текущей политической конъюнктуре и оказывает наибольшее эмоциональное воздействие на массовую аудиторию. Вполне понятно,

что без тотальной поддержки данной установки со стороны целого комплекса современных медиатехнологий дискурс постправды не смог бы справиться с задачами своего активного продвижения в национальном и глобальном информационном пространстве.

Отдельно подчеркнем общий *контр-рациональный медиатехнологический характер дискурсов постправды и постпамяти*. Следует отметить, что основные установки медиатехнологической обработки массового сознания посредством дискурсов постправды и постпамяти нацелены на замещение рационально-логических компонентов в мышлении публики эффектами эмоциональных потрясений и чувственных переживаний. В итоге производство впечатлений становится для технологов постправды и постистории более значимыми факторами, чем научное изучение реальной доказательной базы.

Производство впечатлений давно уже превратилось в целую массмедийную индустрию, которая находит свое методологическое подкрепление в определенных способах создания контента, которые в значительной степени противоречат рационально-научному дискурсу⁶. Это во многом обусловлено смещением в массмедиа технологических акцентов в сторону создания шокирующих дискурсов сенсационности, скандальности, формирования ярких развлекательных шоу-образов, поощрения гедонизма, нарциссизма, некритического подражания «героям» сетевой рекламы. Понятно, что данные виды медийного влияния на массовое сознание вовсе не предполагают подключение внимания публики к рациональному типу мышления, тем более – к обращению к научным видам аргументации.

Обозначим исходные схематизмы масс-медийного дискурса контр-рациональной логики: а) установка на недоверие к доводам и аргументам официальной науки, ибо приоритетной и более значимой считается информация, размещенная в социальных сетях; б) категорическая неприемлемость рационально обоснованной критики всевозможных мифов и стереотипов массового сознания, распространяемых развлекательными медиаканалами; в) пропаганда псевдонаучного знания, популяризация лженауки.

Серьезный вред научному подходу к истории наносит использование медийными каналами формата «ток-шоу – дуэли». Яркий тому пример – программа «Суд истории», где споры об истории превращаются в развлекательную и часто скандальную медиа-схватку двух публицистов-гладиаторов, а вовлечение зрителей в полемику происходит посредством присылаемых ими СМС. Итоги сражения подводятся на основе подсчета поданных голосов «за» или «против». При этом объективно-научный подход к анализу доводов, приводимых участниками дуэли, подменяется массовым мнением о том, кто произвел на публику наиболее яркое впечатление [7, с. 6–23].

Наряду с некоторыми ток-шоу на историческую тематику дискурс постправды получает свое медийное распространение в ходе проведения разного рода коммеморативных кампаний и политических акций, направленных на создание так называемой альтернативной исторической памяти и правды. Рассмотрим характерные признаки таких акций на примере «долгоиграющей» политической кампании, проводимой властями Украины под названием «Голодомор».

⁶ <https://newtonew.com/science/post-truth-and-its-discontents>.

«Голодомор» как дискурс постпамяти и медиатехнология

Активное включение в мировое информационное пространство дискурса Голодомора по времени приходится на тот период, когда после распада СССР перед постсоветскими государствами встали задачи укрепления своего национального суверенитета, формирования новой национальной идентичности и осуществление нациестроительства. Многими политическими деятелями эта задача была понята как требование радикальной отстройки от наследия советского прошлого, а также – от России как преемницы СССР. Считалось, что путь к формированию новой нации лежит через конструирование идеи национальной исключительности, которая, в свою очередь, обосновывается особыми страданиями и травмами, понесенными народом страны от советского строя. При этом возникает соблазн виктимизации собственной истории, соблазн извлечения политической и иной выгоды от создания образа нации-жертвы. На Украине данный соблазн был реализован посредством суммы медиа-политических технологий, позволивших придать проекту «Голодомор» глобальную информационную значимость. Мощным эмоциональным усилителем дискурса Голодомора стала ментальная схема, по сути, уравнивающая трагедии Голодомора и Холокоста путем использования технологии под условным названием «слияние близнецов». Данная технология предполагает, что события, имеющие разную историческую природу, намеренно подводятся под общий вербальный знаменатель, то есть обозначаются одним и тем же устрашающим термином. В случае проведения исторической параллели между Холокостом и Голодомором таким термином стало понятие «геноцид».

Базовым историческим основанием для разработки концепта Голодомора стал общепризнанный факт существования в СССР голода в 1932–1933 годах, в результате которого погибли миллионы людей. Однако чтобы информационно эффективно использовать данную трагедию в целях формирования новой украинской государственности, потребовались огромные политические усилия по мобилизации разного рода ресурсов (административных, кадровых, финансовых, медийных и др.).

Политико-маркетинговое раскручивание масштабной и «долгоиграющей» пропагандистской кампании «Голодомор» началось еще до появления украинского государства на постсоветском пространстве. Концепт Голодомора как политики геноцида украинского народа был впервые запущен в глобальную медиасферу украинской диаспорой США и Канады. При ее непосредственном участии стали формироваться документальные базы данных, появились первые публикации, основанные на собранных материалах, развернулись международные дискуссии, посвященные данной теме [8, с. 193–206], созданы мемориалы⁷.

Если кратко зафиксировать ключевые вехи процесса разворачивания на Украине и за рубежом медийно-политической кампании «Голодомор», то можно указать следующее: впервые на Украине термин «голодомор» вводится в официальный оборот в 1993 году с указом президента Л. Кравчука «О мероприятиях в связи с 60-летием голодомора в Украине» [2, с. 28–29]; в 1998 году

⁷ Первый мемориал памяти жертв голодомора был установлен в 1983 г. в Канаде (г. Эдмонтон).

президент Л. Кучма установил официальную мемориальную дату – «День памяти жертв голодомора» (позже – «День памяти жертв голодомора и политических репрессий»); 14 мая 2003 г. состоялось специальное заседание Верховной Рады, участники которого приняли Обращение к украинскому народу, призывав публично осудить Голодомор на Украине как факт геноцида⁸; 29 ноября 2006 г. президент Украины В. Ющенко подписал закон о признании Голодомора актом геноцида⁹ и предложил ввести административное наказание за его отрицание¹⁰; в том же году был создан Украинский институт национальной памяти (УИИП), главными задачами которого стали: 1) обеспечение (в том числе массмедийное) проведения ежегодных мемориальных мероприятий, посвященных Голодомору; 2) разработка концепции исторического образования на Украине на основе идеи «нации-жертвы»; 3) пропаганда идеи Голодомора как геноцида украинского народа посредством сбора новых документальных доказательств совершенных советской властью преступлений перед жителями Украины¹¹; в 2007 г. в Киеве открыт Музей советской оккупации¹², главная экспозиция которого содержит раздел под названием «Украинский холокост (1932–1933 гг.)»¹³.

В 2008 г. в связи с 75-й годовщиной Голодомора по инициативе В. Ющенко разворачивается мощная идеологическая кампания по коммеморации жертв Голодомора и противодействию пропаганде, отрицающей концепцию геноцида украинского народа во время голода в СССР в конце 1930-х гг. В рамках данной кампании в стране издается Национальная книга памяти жертв Голодомора, в школах в обязательном порядке проводятся соответствующие уроки памяти, в регионах происходит массовое возведение памятных крестов, мемориальных комплексов, разрабатываются памятные знаки [4], снимаются социальные ролики¹⁴.

Официальным ответом России на беспрецедентную по своим масштабам украинскую юбилейную кампанию стало Заявление Государственной Думы Российской Федерации «Памяти жертв голода 30-х годов на территории СССР» от 2 апреля 2008 г. В документе отмечалось следующее: ГД разделяет с народами бывшего СССР скорбь в связи с 75-летием страшной трагедии – голода 30-х гг., охватившего значительную часть территории Советского Союза; голод

⁸ <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/789-15>.

⁹ <https://lenta.ru/news/2006/11/29/sigh/>.

¹⁰ Президент Украины предлагает карать отрицание «голодомора» как геноцида // URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=10997>.

¹¹ Георгий Касьянов. К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006–2016) // URL: http://history.org.ua/LiberUA/Kas10LINP_2016/Kas10LINP_2016.pdf.

¹² Это был пятый по счету музей советской оккупации, открывшийся в постсоветских государствах. Ранее аналогичные музеи были созданы в Вильнюсе, Риге, Таллинне и Тбилиси. Главная его экспозиция называется «Забвению не подлежит: хроника коммунистической инквизиции». Советский период истории Украины трактуется там не только как «оккупация», но и как «колонизация».

¹³ <http://naspravdi.info/novosti/noch-v-muzee-okkupacii-ukraina>.

¹⁴ <https://yandex.ru/video/preview?filmId=635474845855447877&text=2008%20год%20введение%20в%20школах%20дней%20памяти%20голодомора&noreask=1&path=wizard#/videowiz?filmId=9292796752581949087>.

был вызван насильственной коллективизацией, в результате которой пострадали многие регионы страны; депутаты ГД решительно осуждают режим, пренебрегший жизнью людей ради достижения экономических и политических целей, и заявляют о неприемлемости любых попыток возрождения в постсоветских государствах тоталитарных режимов, пренебрегающих правами и жизнью своих граждан. В Заявлении особо подчеркивалось: «...Нет никаких исторических свидетельств того, что голод организовывался по этническому признаку. Его жертвами стали миллионы граждан СССР, представители различных народов и национальностей. Эта трагедия не имеет и не может иметь международно установленных признаков геноцида и не должна быть предметом современных политических спекуляций»¹⁵.

Таким образом, 2008 год можно считать определенной вехой, обозначившей начало нового периода обострения идейного противостояния и дискурсивного размежевания двух официальных трактовок голода в СССР в начале 30-х гг. – украинской и российской. В последующие годы дискурсивно-политический конфликт еще более усугубился.

Апофеозом украинской пропагандистской кампании, проводимой Ющенко, стал Суд (трибунал) над руководителями советского государства, обвиняемых в организации геноцида на Украине. Суду были предъявлены 253 тома собранных доказательств. 13 января 2010 года Апелляционный суд Киева констатировал, что советские политические деятели – Сталин, Молотов, Каганович, Постышев, Косиор, Чубарь и Хатаевич – совершили преступление геноцида, предусмотренное ч. 1 ст. 442 Уголовного кодекса Украины (геноцид), и закрыл уголовное дело на основании п. 8 ч. 1 ст. 6 КПК Украины, в связи с их смертью¹⁶.

Далее, в 2015 г., уже при президенте П. Порошенко создается Министерство информационной политики Украины (МИП), одной из функций которого стало концептуальное и информационное обеспечение мероприятий, посвященных памятным датам. Так, к 85-й годовщине Голодомора МИП совместно с УИНП выпустил брошюру под названием «Украина. Геноцид голодом. 1932–1933», текст которой был напечатан на украинском, английском, немецком, французском и испанском языках. Были также представлены новые серии роликов социальной рекламы, в том числе анимационного характера, посвященные теме Голодомора¹⁷. Порошенко продолжил международную кампанию по признанию Голодомора геноцидом зарубежными организациями и структурами, предлагая сравнение данной трагедии с Холокостом¹⁸. В 2017 г., возложив всю ответственность за репрессии на Украине в 30-е гг. исключительно на кремлевских руководителей,

¹⁵ [https://ru.wikisource.org/wiki/Заявление_ГД_РФ_\"Памяти_жертв_голода_30-х_годов_на_территории_СССР\"](https://ru.wikisource.org/wiki/Заявление_ГД_РФ_\).

¹⁶ Большевицкие лидеры признаны виновными в организации геноцида в Украине // URL: <https://korrespondent.net/ukraine/politics/1035457-bolshevistskie-lidery-priznany-vinovnymi-v-organizacii-genocida-v-ukraine>.

¹⁷ МИП представил мероприятия к 85-й годовщине Голодомора // URL: <http://mip.gov.ua/ru/news/2745.html?PrintVersion>.

¹⁸ Порошенко призвал приравнять «голодомор» к холокосту: а был ли этот «голодомор»? // URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/59327bfa8e557d35dc6148c0/poroshenko-prizval-priravniat-golodomor-k-holokostu-a-by-l-eto-golodomor-5a19fe662f578c33be1a082c>.

Порошенко призвал руководство России покаяться за совершенный геноцид украинского народа¹⁹.

В целом, проводимая украинскими президентами, УИМП, МИП и разнообразными государственными и общественными структурами широкая пропагандистская кампания по достижению международного признания Голодомора актом геноцида оказалась вполне успешной. С 1993 по 2018 гг. такое признание было получено от 16-ти государств: первой страной стала Эстония (20 октября 1993 г. Парламент Эстонии выступил с соответствующим заявлением), шестнадцатой – США (4 октября 2018 г. Сенат США единогласным решением принял соответствующую резолюцию). Однако в официальных документах таких авторитетных международных организаций, как ООН (совместное заявление делегаций от 07.11.2003), ЮНЕСКО (резолюция Генеральной конференции от 01.11.2003), ОБСЕ (заявление от 30.11.2007), Европарламент (резолюция от 23.10.2008), ПАСЕ (резолюция от 28.04. 2010) термин «геноцид» по отношению к Голодомору на Украине не применялся²⁰.

Можно также говорить об определенных достижениях украинской медиаполитики, направленной на создание разнообразных документальных и художественных фильмов, сетевых продуктов, трактующих трагедию Голодомора в официальном идеологическом ключе. Сегодня в Интернете можно найти несколько десятков видеороликов, рекламирующих украинскую версию Голодомора. На сайте УИМП размещен перечень электронных источников и полноформатных фильмов, рекомендуемых к просмотру²¹.

Одним из лидеров по количеству просмотров в Интернете стал фильм «Оккупация – Голодомор. Украина» (2012)²². Данный медиа-продукт – один из 14-ти фильмов документального цикла «Оккупация», созданного Общественным телевидением Грузии. В нем под тревожную музыку голос за кадром уверенно вещает о том, что организованный советской властью Голодомор преследовал своей целью отнять у украинского народа национальное самосознание, убить государственную самостоятельность Украины и подорвать тысячелетние традиции украинского крестьянства. При этом регулярно на экране появляется зловещая картинка с изображением красной звезды, в центре которой расположена нацистская свастика. Такой образный ряд прозрачно намекает на глубокое внутреннее родство двух тоталитарных режимов.

Из художественных фильмов о Голодоморе, вышедших недавно, УИМП настоятельно рекомендует к просмотру фильм польского режиссера Агнешки Холланд «Гарет Джонс» (2018). В нем речь идет о реальном факте биографии независимого британского журналиста, который по стечению обстоятельств оказывается живым свидетелем Голодомора на Украине. Согласно режиссеру,

¹⁹ Порошенко хочет, чтобы Россия покалась за голодомор // URL: <https://ria.ru/20171125/1509591613.html>.

²⁰ Страны, которые признали Голодомор геноцидом // URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-society/2584131-strany-kotorye-priznali-golodomor-genocidom.html>.

²¹ Інформаційні матеріали Українського інституту національної пам'яті до Дня пам'яті жертв голодоморів 28 листопада 2015 р. // URL: http://comin.kmu.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=125165&cat_id=114334.

²² <http://ru.youtube-video.info/watch/JZmAK5sKv6g>.

именно личный опыт непосредственной причастности иностранного журналиста к трагическим событиям украинского Голодомора способен стать той идеологически нейтральной оптикой, посредством которой только и возможно раскрытие подлинной исторической правды²³.

Несмотря на стремление А. Холланд предложить публике некий политически неангажированный взгляд на трагические события голода на Украине в начале 1930-х гг., заявленный в качестве альтернативы пропагандистскому дискурсу постправды, картина, по сути, оказалась еще одним вариантом экранного воплощения позиции УИИП. Этим, в частности, объясняется проведение весной 2019 г. в Киеве при поддержке УИИП и Института журналистики Киевского национального университета имени Тараса Шевченко промокампании фильма «Гарет Джонс» с целью популяризации вклада британского журналиста в распространение правды о Голодоморе.

Понятно, что проводимая Украиной многолетняя кампания «Голодомор» имела в виду вовсе не выявление всей исторической правды о голоде 1932–1933 гг., не установление действительно ответственных юридических и физических лиц за историческую трагедию, а создание соответствующего информационного поля, которое позволило бы политически спекулятивно и конъюнктурно интерпретировать советское прошлое. По сути, дискурс Голодомора представляет собой комплекс идеологических конструктов, устанавливающих монополию властей Украины на интерпретацию голода 1932–1933 годов, которая, в свою очередь, явилась продуктом целенаправленных действий многих групп политиков, публицистов, ученых, общественных деятелей, а также – большого числа государственных институтов и медиа-каналов [2].

Дискурс Голодомора как репрезентация политики постпамяти оказался вновь актуальным на Украине с избранием нового президента страны Владимира Зеленского – известного шоумена. Об этом, к примеру, свидетельствует сделанное В. Зеленским 19 августа 2019 г. предложение премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху о признании Голодомора актом геноцида украинского народа. В своем обращении к Нетаньяху Зеленский подчеркнул, что у еврейского и украинского народа – общая трагическая историческая судьба, поскольку им пришлось не только пережить Холокост и Голодомор, но также еще и пострадать от «тоталитарного советского режима». Вот подлинные слова из речи Зеленского, приведенные на официальном сайте президента Украины: «У Украины и Израиля – давние и тесные исторические связи. Наши народы вместе пережили все трагедии новейшей истории – Голодомор и Холокост, Вторую мировую войну, тоталитарный советский режим»²⁴.

Подводя некоторые итоги представленного нами анализа дискурса постправды и политики постпамяти как его разновидности, сделанного с акцентом на значимую роль современных медиатехнологий в осуществлении данных дискурсивных практик, можно констатировать следующее:

²³ <https://mediananny.com/intervju/2327838/>.

²⁴ Глава государства призвал Израиль признать Голодомор актом геноцида украинского народа // URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/glava-derzhavi-zaklikav-izrayil-viznati-golodomor-aktom-geno-56861>.

– дискурсы постправды и постпамяти призваны обслуживать интересы вполне определенных политических сил (прежде всего, неолиберального толка), а потому – не имеют отношения ни к исторической науке (на которой они паразитируют), ни к исторической правде (к которой они апеллируют), поскольку являются не чем иным, как идейно-пропагандистским инструментарием конфронтационной политики и информационной борьбы;

– единственно адекватной средой функционирования этих дискурсивным конструктов является медиасфера, ибо современные медиатехнологии активно занимаются манипулированием массовым сознанием, продуцированием «альтернативных фактов» и фейковых новостей (*fake news*), созданием эмоционально впечатляющих медиа-эффектов, что приводит к вытеснению рациональных компонентов из массового восприятия предлагаемого медиа-контента;

– дискурс постправды, как и методологически адекватная ему политика постпамяти, нацелен на эксплуатацию стереотипов и шаблонов массового сознания, культивирует наиболее низменные предрассудки в угоду своеобразно понятым «национальным интересам», действует в соответствии с заданными политическими установками, когда становится выгодным представлять свой народ в качестве жертвы коммунистического режима и проводить радикальную отстройку от советского прошлого. Все это – крайне опасный горячий материал, вбрасываемый в массовое сознание, который оборачивается растущей ненавистью, враждой народов и конфликтом поколений.

1. Берендеев М.В. Медиадискурсы и образы стран в условиях политики постправды // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. Том 13. № 4. С. 64–76.

2. Касьянов Г. Голодомор и строительство нации / Pro et Contra, май-август 2009 (т. 13). С. 24–42.

3. Короченский А.П. Медиакритика в эпоху пост-журналистики // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала) № 3 (20). Т. 1. Белгород: Политерра, 2018. – 246 с. С. 32–33.

4. Кульчицкий С. «Почему он нас уничтожал? Сталин и украинский голодомор»: Украинская пресс-группа, 2007. – 207 с.

5. Лукьянова Г.В. Медиатехнологии конструирования постправды // Всероссийская научно-практическая конференция «Политика постправды и популизм в современном мире». Санкт-Петербург, 2017. с. 132–133.

6. Миллер А.И. Россия: власть и история // Pro et Contra, май-август 2009 (т. 13). С. 6–23.

7. Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / отв. ред. Миллер А.И.; Ефременко Д.В. М. – СПб: Нестор-История, 2018–224 с. С. 4–10.

8. Политика «постправды» и популизм [Текст] / под ред. О.В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2018. – 216 с.

9. Политика постправды в современном мире. Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участи-

ем «Политика постправды и популизм в современном мире» 22–23 сентября 2017 года / под ред. О. В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – 282 с.

10. Портнов А. В. Упражнение с историей по-украински / Андрей Портнов. – М.: ОГИ; Полит.ру; Мемориал, 2010. – 224 с. – (История vs Политика). С. 193–206.

11. Русакова О. Ф. Неолиберальный пострациональный дискурс: политика постправды и доктрина Fusion // Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6–8 декабря 2018 г. / Под общ. Ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 620 с. С. 463–464.

12. Русакова О. Ф., Хмелинин А. А. Неолиберальный дискурс: стратегии и технологии конструирования новой субъектности // Научный Ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Выпуск 12. Екатеринбург, 2012. С. 259–271.

13. Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Материалы Международной научно-практической конференции (специальный выпуск журнала). – № 3 (20). – Т. 1. – Белгород: Политерра, 2018. – 246 с.

14. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59.

15. Alterman E. 2005. When Presidents Lie: A History of Official Deception and Its Consequences. N.Y.: Penguin. 447 p.

16. Broun Wendy. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015. – 296 p.

17. Crouch C. 2004. Post-democracy. Cambridge, UK: Polity. 123 p.

18. Dawson G. Trauma, Postmemory, Place: Bloody Sunday, Derry, 1972–2003 // The Politics of Cultural Memory / Ed. by L. Burke, S. Faulkner and J. Aulich. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230–252.

19. Geschier S. Narrating the Holocaust to Younger Generations: Memory and Postmemory in the Cape Town Holocaust Centre // International Journal of Historical Learning, Teaching and Research. 2006. Vol. 6 // <http://centres.exeter.ac.uk/historyresource/journal11/Geschier.pdf>.

20. Hirsch M. “What We Need Right Now Is to Imagine the Real”: Grace Paley Writing against War // PMLA. 2009. Vol. 124. No. 5. P. 1768–1777.

21. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2012. – 320 p.

22. Keyes R. 2004. The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. St. Martin's Press. 325 p.

References

1. Berendeev M. V. Mediadiskursy i obrazy stran v usloviyax politiki postpravdy // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS. 2017. Tom 13. № 4. S. 64–76.

2. Kas'yanov G. Golodomor i stroitel'stvo nacii / Pro et Contra, maj-avgust 2009 (t. 13). S. 24–42.

3. Korochenskij A. P. Mediakritika v e'poxu post-zhurnalistiki // Sovremennyj

diskurs-analiz. Diskurs sovremennyx mass- media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (special'nyj vypusk zhurnala) № 3 (20). T. 1. Belgorod: Politerra, 2018. – 246 s. S. 32–33.

4. Kul'chickij S. «Pochemu on nas unichtozhal? Stalin i ukrainskij golodomor»: Ukrainskaya press-gruppa, 2007. – 207 s.

5. Luk'yanova G.V. Mediatexnologii konstruirovaniya postpravdy // Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire». Sankt-Peterburg, 2017. s. 132–133.

6. Miller A.I. Rossiya: vlast' i istoriya // Pro et Contra, maj-avgust 2009 (t. 13). S. 6–23.

7. Miller A.I. Vvedenie. Metodologicheskie problemy izucheniya politiki pamyati – reshennye, nereshennye i nerazreshimye // Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / otv. red. Miller A.I.; Efremenko D.V. M. – SPb: Nestor-Istoriya, 2018–224 s. S. 4–10.

8. Politika «postpravdy» i populizm [Tekst] / pod red. O. V. Popovoj. – SPb.: Skifiya-print, 2018. – 216 s.

9. Politika postpravdy v sovremennom mire. Sbornik materialov po itogam Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire» 22–23 sentyabrya 2017 goda / pod red. O. V. Popovoj. – SPb.: Skifiya-print, 2017. – 282 s.

10. Portnov A. V. Uprazhnenie s istoriej po-ukrainski / Andrej Portnov. – M.: OGI; Polit.ru; Memorial, 2010. – 224 s. – (Istoriya vs Politika). S. 193–206.

11. Rusakova O. F. Neoliberal'nyj postracional'nyj diskurs: politika postpravdy i doktrina Fusion // Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoj porjadok: Materialy VIII Vserossijskogo kongressa politologov, Moskva, 6–8 dekabrya 2018 g. / Pod obshh. Red. O.V. Gaman-Golutvinoj, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeevoj. – Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2018. – 620 s. S. 463–464.

12. Rusakova O. F., Xmelinin A. A. Neoliberal'nyj diskurs: strategii i texnologii konstruirovaniya novoj sub"ektnosti // Nauchnyj Ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Vypusk 12. Ekaterinburg, 2012. S. 259–271.

13. Sovremennyy diskurs-analiz. Diskurs sovremennyx mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (special'nyj vypusk zhurnala). – № 3 (20). – T. 1. – Belgorod: Politerra, 2018. – 246 s.

14. Chugrov S.V. Post-truth: transformaciya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 42–59.

15. Alterman E. 2005. When Presidents Lie: A History of Official Deception and Its Consequences. N.Y.: Penguin. 447 p.

16. Broun Wendy. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015. – 296 p.

17. Crouch C. 2004. Post-democracy. Cambridge, UK: Polity. 123 p.

18. Dawson G. Trauma, Postmemory, Place: Bloody Sunday, Derry, 1972–2003 // The Politics of Cultural Memory / Ed. by L. Burke, S. Faulkner and J. Aulich. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2010. P. 230–252.

19. Geschier S. Narrating the Holocaust to Younger Generations: Memory and Postmemory in the Cape Town Holocaust Centre // *International Journal of Historical Learning, Teaching and Research*. 2006. Vol. 6 // <http://centres.exeter.ac.uk/historyresource/journal11/Geschier.pdf>.
20. Hirsch M. "What We Need Right Now Is to Imagine the Real": Grace Paley Writing against War // *PMLA*. 2009. Vol. 124. No. 5. P. 1768–1777.
21. Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*. N.Y.: Columbia University Press, 2012. – 320 p.
22. Keyes R. 2004. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. St. Martin's Press. 325 p.

UDC 321

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.1027

POST-TRUTH DISCOURSE AS A MEDIA TECHNOLOGY OF THE POLITICS OF POSTMEMORY

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasily Matveevich,

Ural Federal University,
Department of Political Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article discusses the strategic settings, basic features, principles and media technologies of post-truth discourse, provides a step-by-step analysis of its deployment in the media sphere. Reveals the methodological relationship of media discourses of post-truth and postmemory. It is noted that discourses of post-truth and postmemory are confrontational to rational-scientific discourse, do not accept the principles of objective-critical rational-scientific knowledge, serves the political interests of the ruling neoliberal elites in need of legitimization of their domination. The authors appeal to discourse analysis of the Holodomor as media technology of postmemory.

Keywords:

post-truth, postmemory, traumatized memory, media technologies, neo-liberal discourse, counter-rational discourse, Holodomor.

УДК 323.23+327
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.2841

ПОЛИТИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПОДХОДЫ И ПРАКТИКА*

Грибовод Екатерина Григорьевна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Ковба Дарья Михайловна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
кандидат политических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Моисеенко Ян Юрьевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН: проект № 18–6–6–8 «Стратегические установки и технологии реализации политики национальной памяти на постсоветском пространстве в контексте информационной безопасности России».

Аннотация

В статье выделяются структурно-функциональный и иные подходы, применение которых позволяет выявить разные ракурсы и оптики исследования политики национальной памяти. На примере Республики Беларусь и Республики Казахстан рассматриваются ключевые этапы формирования национальной политики памяти после распада СССР, выделяется инструментарий и основные особенности. В заключение сделан вывод о том, что национальную политику памяти на постсоветском пространстве (на примере рассмотренных стран) можно определить как гибридную модель, которая объединяет элементы советской политики памяти и современных практик памяти, конструируемых с помощью национальной историографии, символической и культурной политики.

Ключевые слова:

политика памяти, национальная память, постсоветское пространство, идентичность, нация, историография.

Прежде чем приступить к изучению политики национальной памяти на постсоветском пространстве, необходимо предварительно выделить перспективные с научной точки зрения способы концептуализации данного феномена. Проведение этой интеллектуальной операции может стать основой для формирования солидного методологического фундамента для решения ряда теоретико-политических и политико-прикладных вопросов в области изучения существующих практик политики национальной памяти.

Ряд современных специалистов отмечает недостаточную разработанность категориального аппарата исследований политики национальной памяти, существование определенных пробелов в систематизации аналитических подходов к изучению данного феномена, в создании типологии механизмов формирования разных политик памяти [19, с. 167–195].

В рамках настоящей статьи нами предпринята попытка аналитического рассмотрения некоторых подходов, на основе которых, как нам представляется, можно выстроить концептуальную модель феномена национальной памяти, выступающего предметом специального политологического исследования.

Политики национальной памяти: структурно-функциональный подход

В качестве исходного определения политики памяти мы берем следующее: политика памяти – это сфера публичных политических стратегий, связанных с выработкой способов запечатления (включая способы интерпретации) прошлого в массовом сознании, а также – совокупность различных практик и норм, регулирующих функционирование коллективной памяти [21, с. 18].

Данное определение логично предполагает возможность применения *структурно-функционального подхода* к изучению политики национальной

памяти. На его основании можно выделить следующие базовые компоненты данного феномена: 1) стратегические установки, отвечающие целям и задачам использования прошлого для легитимации проводимого политического курса; 2) дискурсивно-символический и нарративный капитал политики памяти, выполняющий функции означивания и переозначивания прошлого; 3) институциональная и нормативная базы политики памяти; 4) основные акторы политики памяти, в состав которых входят политические силы и профессиональные деятели из разных сфер общественной жизни, заинтересованные в том или ином понимании прошлого; 5) масс-медийные агенты (ведущие политические комментаторы, журналисты, сетевые политологи) и система медиатехнологий политики памяти, формирующие массовые представления о прошлом; 6) «осажденный» план политики памяти, то есть идеологические эффекты и трансформации, произведенные в массовом сознании и в коммеморативных практиках.

В случае, когда в коммеморальных практиках акцентируется внимание на национальных аспектах, тогда в качестве неотъемлемого структурного компонента политики памяти следует рассматривать *фактор национальной идентичности*.

В XXI веке, который еще называют веком «столкновения идентичностей», «борьбы за идентичность» [8, с. 12–13], политика памяти оказывается важным инструментом мобилизации социально-политических, историко-символических и медиатехнологических ресурсов, направляемых на создание заданной политическими элитами той или иной модели национальной идентичности. В этой связи национальную идентичность следует рассматривать в качестве системообразующего ядра политики национальной памяти, ее центрального интенционального компонента.

На личностном уровне процесс формирования национальной идентичности посредством определенных практик политики памяти представляет собой, во-первых, адаптацию индивида к новым ценностям, интерпретациям и образам прошлого, к новым коммеморативным нормам и поведенческим моделям, а во-вторых, индивид, вовлеченный в процедуры формирования национальной идентичности, сам начинает транслировать модели ее публичной и межличностной репрезентации. При этом фактор конформизма здесь играет существенную роль, независимо от того, является ли предлагаемая модель идентичности вполне реальной или же виртуальной [26].

В целом, политика национальной памяти представляет собой источник смысловых, образных и мифических компонентов, необходимых для психо-социо-культурной и политической интеграции индивида в национальную общность. Для активизации и повышения эффективности данного процесса используется еще один весьма значимый механизм (или компонент) политики памяти, а именно – *фактор эмоционального заражения*.

Хорошо известно, что самыми сильными по эмоциональной заряженности образами, входящими в арсенал политик национальной памяти, являются образы врага и национальных героев. Именно эти структурные компоненты способствуют созданию чувства национальной идентичности, сопричастности индивидов к общим переживаниям героического и трагического прошлого своего народа. Использование бинарной формулы *враг/герой* в официальной идеологии

и практиках коммемораций направлено на решение задач консолидации общества и легитимации существующего политического режима [10].

Героическое прошлое, культивируемое политикой национальной памяти, — это еще и способ формирования у граждан чувства гордости за свою историю, свой народ, свое государство, свою нацию. Чтобы данное чувство не иссякало, чтобы оно глубоко укоренилось в коллективной памяти, его требуется непрерывно подкреплять посредством систематически осуществляемых коммеморативных практик, к которым относятся: регулярное проведение символических ритуалов, связанных с памяtnыми датами, почитанием героев; возведение памятников, создание мемориальных комплексов, исторических экспозиций; организация коллективных посещений памятных мест и др. [15].

Важное значение для поддержки чувства национальной идентичности в массовом сознании имеет образ врага, олицетворяющего угрозу существования для народа и государства. Данный образ оказывается особенно востребованным у идеологов политики памяти, когда с героизацией прошлого возникают проблемы, когда значимые и большие периоды национальной истории оцениваются в категориях драмы и трагедии. В данном случае образ врага направляет на себя «огонь» негативной энергии, накопившейся у людей в результате тяжелых переживаний. Он как бы освобождает массы от их ответственности за трудную историческую судьбу.

Хотелось бы обратить внимание еще на один существенный аспект структурно-функционального подхода к политике национальной памяти, а именно, — на рассмотрение данной политики как некоей модели политико-исторического хронотопа, то есть — с позиции выявления темпоральных и пространственных компонентов данной политики. С нашей точки зрения, структурной единицей хронотопа политики памяти выступает событие прошлого, которое характеризуется определенным местом и временем. Однако само по себе обращение к событиям прошлого для политики памяти не имеет существенного значения, поскольку важнее всего является то, каким образом данное историческое событие может быть интерпретировано с позиций актуального настоящего и перспектив будущего. Таким образом, у политики памяти — два основных темпоральных вектора — современность и будущность. Что касается топосферы политики памяти, то ее пространственное существование обозначается посредством ею же создаваемых мест памяти, архитектурных ансамблей, топонимических ориентиров, транспортных узлов (к примеру, широко практикуется название аэропортов в честь знаменитых соотечественников) и др.

Кратко остановимся на проблеме разграничения феноменов «политика памяти» и «историческая политика», относительно которой в научной литературе уже не одно десятилетие ведутся дебаты [24, с. 44–46]. Мы считаем, что именно структурно-функциональный подход может позволить вскрыть и продемонстрировать функциональные отличия данных моделей политических практик относительно предпринимаемых способов воздействия на процесс становления национальной (государственной) идентичности. Понятно, что и политика памяти, и историческая политика являются действенными механизмами, с помощью которых формируется та или иная политическая повестка, как в локальных, так и в макро-масштабах. Однако если детализировать данный процесс, то стано-

вится очевидным, что оба этих инструмента различным образом расставляют приоритеты в функциональном применении своих структурных компонентов. Здесь дело не в том, что политика памяти и историческая политика якобы апеллируют к различным предметным областям. Основное отличие – в системах механизмов обращения с прошлым. Историческая политика сконцентрирована на когнитивных факторах, то есть на способах осмысления и репрезентации прошлого с позиции определенных идеологических установок, выступая, по сути, важной составляющей политической пропаганды, тогда как политика памяти использует самые разнообразные инструменты обращения с памятью (не только когнитивно-идеологические, но и хронотопные, и семиотические), что позволяет говорить о более объемном арсенале ее инструментария, связанного с управлением коллективной памятью по сравнению с механизмами исторической политики.

Кроме структурно-функционального подхода, стоит также выделить *дискурсивный подход* к изучению политики национальной памяти, который раскрывает проблему на ином уровне погружения: здесь идет работа, связанная с анализом конкурирующих дискурсов, образующих конфликт между разными интерпретациями прошлого, а также – с исследованием процесса борьбы за доминирование в идеологической сфере разных дискурсов [22]. Весьма важен *компаративный подход* для проведения качественных сравнительных исследований различных коммеморальных практик [18]. Он работает «рука об руку» с дискурсивным подходом, но при этом вносит свой вклад в анализ механизмов управления памятью, отделяя историческое тело фактов от их интерпретаций и выявляя возможные манипуляции историческими данными.

Большой интерес для исследователей политики национальной памяти представляют процессы, развернувшиеся на постсоветском пространстве. Вполне естественно, что после распада СССР в бывших союзных республиках начался процесс государственного строительства, потребовавший выявления новых оснований национальной идентичности и обращения к инструментам политики памяти. Отметим, что указанный тип памяти рассматривается нами как «властный ресурс для легитимации существующей политической системы и нормативно-ценностных ориентиров и контуров, а также для институционализации определенной политической практики, транслируемой через медийные и немедийные каналы» [4, с. 126]. Модели, сложившиеся в постсоветских государствах, различались по символическому и дискурсивному наполнению, социально-политическому контексту и видам применяемых стратегий. Имеющиеся национальные различия предполагают проведение сравнительного анализа политик национальной памяти, который, в свою очередь, требует выделения их общих черт.

Применение структурно-функционального подхода к изучению политик национальной памяти, практикуемых на постсоветском пространстве, позволяет выделить следующие области исследования:

- субъект и объект политик памяти (основной субъект или актор – правящая элита; объекты – население государства, международная аудитория);
- основные функции – легитимация политики властных элит, самоутверждение национальных элит, утверждение основ новой государственной идентичности, конструирование «значимого другого»;

- главные проводники политики памяти: система образования (школы, вузы и т.п.), СМИ, кинематограф, театры, музеи, библиотеки, институты национальной памяти и т.п. (по сравнению с советским периодом в этой сфере произошли значительные изменения: удельный вес влияния на массы театра, живописи, библиотек и музеев снизился; высвободившаяся энергия влияния перераспределилась в пользу СМИ и относительно новых субъектов – шоу-бизнеса, рекламных и торговых компаний [14, с. 10]);

- ресурсы политики памяти (в основном, административные, партийно-политические, институционально-пропагандистские, финансовые).

В современных условиях усиления процессов информационного противостояния и медиатизации политики важное методологическое значение при изучении политики национальной памяти приобретает *инструментально-технологический подход*, который предполагает обращение особенно пристального внимания исследователей к методам, приемам и технологиям, которые используют в ходе своей деятельности профессиональные акторы политики памяти в целях оказания определенного влияния на массовое сознание. Опираясь на данный подход, можно выделить целый ряд технологических приемов политики национальной памяти, применяемых в государствах, ранее входивших в состав СССР. К ним относятся:

- 1) воскрешение одних фактов прошлого и сокрытие других, оживление символов досоветской эпохи, обращение к мифологическим и архаическим истокам;

- 2) переписывание учебников истории, создание новых прецедентных текстов, альтернативных советской историографии;

- 3) эксплуатация негативного образа России вплоть до объявления ее оккупантом и колонизатором (в этом плане характерным является стремление правящих элит постсоветских государств, в том числе Казахстана, Беларуси и Таджикистана, к экономическому шантажу России, их умении «сидеть на двух стульях», декларируя, с одной стороны, дружеские и союзнические отношения с Россией, а, с другой, – свою западную ориентацию [24, с. 133]);

- 4) переименование населенных пунктов, улиц, площадей и других территориальных и географических объектов;

- 5) изменение номенклатуры государственных праздников и других массовых мероприятий, трансформация символического наполнения праздничных дат и церемоний [6];

- 6) смена алфавита (переход на латиницу как элемент вестернизации и европоцентристской коммуникации, как демонстрация языкового разрыва с советским режимом, который якобы насильственным образом внедрял кириллицу [11, с. 66]);

- 7) создание фондов изучения национальной истории (выделение целевых грантов, организация конференций и других научных мероприятий, продвигающих идеи нового национально-государственного и геополитического позиционирования страны);

- 8) снос и установление новых памятников, создание мемориалов и мемориальных кварталов, произведений монументального искусства и других объектов материально-культурного наследия, работа с которыми имеет глубокий символический смысл, связанный с формированием национальной идентичности.

Особенности политики национальной памяти в Республике Беларусь и Республике Казахстан

Рассмотрим подробнее особенности политик национальной памяти, сложившихся в Республике Беларусь и Республике Казахстан. Данные примеры интересны тем, что несмотря на схожесть используемых в них инструментов политики памяти, существуют различия в ориентациях политического курса элиты данных стран.

Политика национальной памяти в Белоруссии представлена тремя основными этапами: 1) 1991–1994 гг.; 2) 1994–2003 гг.; 3) с 2003 по настоящее время. После распада СССР в этой стране начался процесс государственного строительства, основанный на «многовековых традициях государственности» [25, р. 254]. В период с 1991 по 1994 годы появилась программа национального возрождения путем переосмысления прошлого. Россию позиционировали скорее как хищническое, а не как освободительное государство. Национальная академия наук и некоторые известные общественные деятели пропагандировали про-белорусский национальный этос. До 1994 г., то есть до выборов президентом страны А.Г. Лукашенко, в официальной белорусской историографии были распространены антисоветские и антироссийские интенции: прославление Великого княжества Литовского, негативные оценки периода российской империи с конца XVIII в. по причине проведения политики денационализации белорусского народа. В учебниках истории того времени подчеркивалась уникальность белорусской идентичности, её отличие от российской, а также – тесная связь белорусской культуры с католическим Западом и его историей.

После 1994 г. в белорусской историографии начался поворот в сторону возвращения к советским традициям. В школах вновь ввели учебники истории советского типа. Промежуток 1994–2003 гг. был периодом идейно-политических конфликтов, раскола между приверженцами «национальной» и «ненациональной» версиями политики памяти, идентичности и истории [2, с. 49]. Ведущие белорусские писатели высказывались против попыток «повернуть ход истории вспять и посягать на интеллектуальную и духовную свободу народа» [25, р. 254]. В дискурс белорусской политики национальной памяти возвратились следующие идеи: идентичность народа связана с восточнославянским и русским пространством; советская власть была «выгодной» для Белоруссии; Вторая мировая война является важным событием в общей истории России и Белоруссии. Такой поворот логично соотносился с идеей создания российско-белорусского союза (Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве 1995 года и Договор о Союзе Беларуси и России 1997 года).

В 1995 г. в соответствии с результатом проведенного в стране национально-го референдума русский язык стал одним из государственных языков Республики Беларусь. Центральное место в политике национальной памяти заняла память об общей с другими бывшими советскими республиками исторической судьбе, общем социалистическом наследии и в особенности – память о Великой Отечественной войне. Были сохранены ритуалы прежней мемориальной культуры (например, официальное празднование годовщины Октябрьской революции), а также элементы государственной символики советского периода (так,

новый государственный бело-красно-белый флаг и герб «Погоня», учрежденные в 1991 г., уже в 1995 г. были заменены на красно-зеленый флаг и на герб, символика которых копирует символику БССР) [2].

Начиная с 2003 г. белорусская политическая элита стала постепенно выстраивать новую модель государственного правления, которая стала задавать соответствующие ориентиры для политики национальной памяти. В октябре 2004 г. в результате проведенного референдума в конституцию страны были внесены поправки, снимающие ограничение на количество президентских сроков. Это нормативно обеспечивало укрепление традиций белорусского авторитаризма, включая процедуры его символического увековечивания в коммеморативных практиках.

Исследователи политики памяти в Казахстане в основном выделяют два периода: советский период (до 1991 года) и постсоветский период [3; 16]. Отметим, что формирование политики памяти в советский период являлось составным элементом «общесоюзной политики памяти» [3, с. 430].

После распада СССР начинает складываться новая политика памяти Казахстана, направленная на поиск государственно-национальной идентичности, на выстраивание новой концептуальной модели исторического прошлого и культурного наследия страны, на формирование постсоветского исторического сознания у населения. Так, в 1997 году столица Казахстана была перенесена из Алма-Аты в Акмолу, которая позднее была переименована в Астану [5]. В 2019 г. Астана была переименована в честь национального лидера страны Н. Назарбаева в Нур-Султан [1]. Вводятся новые государственные праздники, например, День столицы, который отмечается 6 июля [6], День благодарности (учрежден в 2016 г. для «укрепления межэтнического согласия») [23 с. 63]. Кроме того, важным инструментом формирования национальной политики памяти является языковая политика, которая четко прописывает главный вектор геополитического позиционирования страны. Принятие в качестве государственного того или иного языка, той или иной разновидности алфавита свидетельствует о том, в пользу какой исторической общности делается цивилизационный выбор. В этой связи весьма красноречиво выглядит запущенный в Республике Казахстан в 2017 г. процесс перехода с кириллицы на латиницу, который планируется завершить к 2025 году [13].

После провозглашения независимости вектор политики памяти в Казахстане смещается в сторону реализации проекта национального возрождения, возврата к значимым событиям и именам досоветского прошлого [17; 20]. В стратегических установках политики памяти республики, касающихся её советского прошлого, в настоящее время конкурируют две концептуальные позиции. Одна – продвигает нарратив колониального захвата казахских земель со стороны России и эксплуататорского характера отношения советской власти к казахскому населению. Другая – фиксирует внимание на позитивном характере влияния советской власти на развитие Казахстана.

Доводы в пользу негативной оценки советского периода сводятся, в основном, к следующим суждениям: 1) после образования союзной республики Казахстан не получил ни политической, ни экономической самостоятельности; все вопросы решались вне пределов Казахстана, в том числе – выбор место-

положения столицы или алфавита; 2) социалистический эксперимент привел к гибели половины населения, утрате идентичности, сужению системы образования на родном языке, в результате чего к 60-м годам XX века казахский язык фактически перестал функционировать в системе государственного управления и образования; 3) освоение целины привело к экологической катастрофе (выветривание почвы и пыльные бури).

В числе основных аргументов, защищающих позитивную, в целом, оценку социалистического прошлого республики, выделяются следующие: 1) В 1960–1980-х годах казахстанцы стали одним из наиболее образованных народов в мире, грамотность составляла 99%, почти половина взрослого населения получила высшее образование; 2) при поддержке России была создана Академия наук Казахстана, объединявшая десятки научно-исследовательских институтов; 3) все ныне действующие крупные промышленные предприятия независимого Казахстана – «Казахмыс», «Кармет», Соколовско-Сарбайский горно-обогатительный комбинат, металлургические заводы Усть-Каменогорска и другие – были построены в советский период; всё, что в настоящее время овеществлено в заводах, фабриках, зерновых комплексах, театрах, киностудии «Казахфильм», вузах, поликлиниках, больницах, – по большей части – наследие советской эпохи [9].

Особенностью формирования политики национальной памяти в постсоветских государствах становится переосмысление советского наследия и коммунистической идеологии. Тенденция декоммунизации, характерная для ряда постсоветских государств (Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Украина), не прошла стороной и Казахстан. Однако, как отмечают исследователи, данная тенденция не была ярко выражена и не стала доминирующей в дискурсе политики национальной памяти Казахстана. Тем не менее, целый ряд символических репрезентаций политики декоммунизации в республике Казахстан был произведен, а именно: демонтаж памятников В.И. Ленину, Ф.Э. Дзержинскому и другим деятелям советской власти, их перенос с центральных улиц на окраины городов; переименование улиц и публичных мест, названных когда-то в честь деятелей советской власти; демонтаж мемориальных табличек; перепрофилирование музеев и зданий; создание новых учебников и литературных произведений, освещающих ранее замалчиваемые трагические эпизоды в истории Казахстана (годы коллективизации, казахский голодомор, период массовых репрессий и др.). Происходит смещение коммеморативного внимания с фигур советских руководителей республики на фигуры национальных героев и революционеров (памятники казахским революционерам не были перенесены) [3].

Отметим, что общезначимым моментом в политиках памяти Республики Беларусь и Республики Казахстан является сохранение некоторых советских символических ритуалов и праздников, в первую очередь – ежегодное празднование победы СССР в Великой Отечественной войне 9 мая, которому предан государственный статус. В последние годы в память о Великой Отечественной войне в республиках проводится акция «Бессмертный полк» [6, с. 48–49]. В 2017 г. состоялись официальные торжества, посвященные 100-летию Октябрьской революции [12].

В целом, политики памяти Белоруссии и Казахстана в разной степени дистанцируются от советского прошлого: в Белоруссии данный процесс про-

текает медленнее и менее масштабно, чем в Казахстане. В то же время, в обеих республиках курс на декоммунизацию прокладывается очень осторожно, без радикальных политических решений и практик. В качестве одного из инструментов политики национальной памяти руководители этих государств используют известную технологию «сидения на двух стульях», которая выражается в следующем: стремление политических элит соблюсти некий неустойчивый баланс между использованием ценных элементов наследия советского прошлого и принципами государственного суверенитета и национальной идентичности.

В заключение отметим, что выработанные в Белоруссии и Казахстане национальные модели политики памяти можно охарактеризовать как гибридные, поскольку в них сочетаются в клиповом порядке разнонаправленные идеологические векторы – просоветский и антисоветский, пророссийский и прозападный. Более подробный анализ структурных конфигураций моделей указанного типа – предмет дальнейших методологических исследований современных политик национальной памяти.

1. Астану официально переименовали в Нур-Султан // URL: <https://ria.ru/20190323/1552049461.html>.

2. Брабочкин А. Политика памяти в пространстве Минска: между забвением и идеей «множественности памятей» // *Історія, пам'ять, політика. Збірник статей / Упоряд. Г. Касьянов, О. Гайдай.* – К.: Інститут історії України НАН, 2016. С. 9–52.

3. Галлиев А.А. Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // *Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая.* 2016. Т. 2. № 3.1. С. 430–440.

4. Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // *Научный журнал «Дискурс-Пи».* 2018. № 2 (31). С. 123–132.

5. День столицы отмечают казахстанцы // URL: <https://www.zakon.kz/4926894-den-stolitsy-otmechayut-kazahstantsy.html>.

6. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: автореф. дисс. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Ефремова Валентина Николаевна; [Место защиты: Ин-т философии РАН]. – Москва, 2014. – 22 с.

7. Жаркынбаева Р.С. Великая Отечественная война как элемент исторической памяти казахстанцев // *PRIMO ASPECTU.* 2018. № 1 (33). С. 48–55.

8. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН.М.: Издательство «Весь Мир», 2017. – 992 с.

9. Казахи и русские: чего было больше в нашей общей истории – хорошего или плохого? // URL: <https://camonitor.kz/31637-kazahi-i-russkie-chego-bylo-bolshe-v-nashey-obschey-istorii-horoshego-ili-plohogo.html>.

10. Козырев Г.И. Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России // *Социологические исследования.* 2018. № 1. С. 52–58.

11. Космарский А.А. Смыслы латинизации в Узбекистане (конец XX – начало XXI века) // *Вестник Евразии.* 2003. № 3. С. 62–85.

12. Красный день календаря // URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3625>.
13. Куда язык доведет: почему Казахстан перешел на латиницу // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml.
14. Макаров А.И. Политика памяти как элемент региональной культурной жизни // Власть. 2008. № 12. С. 8–10.
15. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с. С. 27–53.
16. Медеуова К.А. К вопросу о типологии практик памяти в Казахстане // Үлкен Алтай әлемі – Мир Большого Алтая. 2016. Т. 2, № 3–1. С. 450–458.
17. Медеуова К.А. «О чем хотят помнить в городах» (анализ современной коммеморативной политики в Казахстане) // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/196146>.
18. Мелешкина Е.Ю. Возможности качественного сравнительного анализа для исследования политики памяти и её проявлений // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с. С. 54–74.
19. Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации. Стенограмма дискуссии // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А.И., Ефременко Д.В. – М. – СПб: Нестор-История, 2018. – 224 с.
20. Практики и места памяти в Казахстане (структурно-типологический обзор) / Медеуова К.А., Ермаганбетова К., Кикимбаев М., Мельников Д., Наурызбаева З., Рамазанова А., Сандыбаева У., Толгамбаева Д., Тлепбергел А. Астана: ТОО Мастер По, 2016. – 73 с.
21. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
22. Русакова О.Ф., Фадеичева М.А., Грибовод Е.Г. Уральская школа политической дискурсологии: инновационные направления исследований // Доклады Второй Междунар. Науч.-практ. конфер., посвященной памяти Жана Бодрийяра. / Под общей ред. О.Ф. Русаковой. – 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Том. 2. Екатеринбург: Издательский. Дом «Дискурс Пи», 2007. С. 41–43.
23. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.
24. Титов В.В. Политика памяти и формирование национальной государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
25. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-soviet colonial space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 241–264.
26. Zollman K.J. Social structure and the effects of conformity // Springer Science. B.V. 2010. Pp. 317–340.

References:

1. Astanu oficial'no pereimenovali v Nur-Sultan // URL: <https://ria.ru/20190323/1552049461.html>.
2. Brabochkin A. Politika pamyati v prostranstve Minska: mezhdz zabveniem i ideej «mnozhestvennosti pamyatej» // Istorija, pam'yat', politika. Zbirnik statej / Uporyad. G. Kas'yanov, O. Gajdaj. – K.: Institut istorii Ukraïni NAN, 2016. С. 9–52.
3. Galliev A. A. Otrazhenie sovetskoj istorii v politike pamyati sovremennoego Kazaxstana // Ylken Altaj әlemi – Mir Bol'shogo Altaya. 2016. Т. 2. № 3.1. S. 430–440.
4. Gribovod E. G., Kovba D. M., Moiseenko Ya. Yu. Nacional'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii i instrumenty // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2018. № 2 (31). S. 123–132.
5. Den' stolicy otmechayut kazaxstancy // URL: <https://www.zakon.kz/4926894-den-stolitsy-otmechayut-kazahstantsy.html>.
6. Efremova V. N. Gosudarstvennye prazdniki kak instrumenty simvolicheskoi politiki v sovremennoj Rossii: avtoref. diss ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.02 / Efremova Valentina Nikolaevna; [Mesto zashhity: In-t filosofii RAN]. – Moskva, 2014. – 22 s.
7. Zharkynbaeva R. S. Velikaya Otechestvennaya vojna kak e'lement istoricheskoi pamyati kazaxstancev // PRIMO ASPECTU. 2018. № 1 (33). S. 48–55.
8. Identichnost': Lichnost', obshhestvo, politika. E'nciklopedicheskoe izdanie / Otv. red. I. S. Semenenko / IME'MO RAN.M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2017. – 992 s.
9. Kazaxi i russkie: chego bylo bol'she v nashey obshhej istorii – xoroshego ili ploxogo? // URL: <https://camonitor.kz/31637-kazaxi-i-russkie-chego-bylo-bolshe-v-nashey-obshchey-istorii-horoshego-ili-ploxogo.html>.
10. Kozyrev G. I. Obraz vneshnego vruga kak faktor legitimacii politicheskogo rezhima v sovremennoj Rossii // Sociologicheskije issledovaniya. 2018. № 1. S. 52–58.
11. Kosmarskij A. A. Smysly latinizacii v Uzbekistane (konec XX – nachalo XXI veka) // Vestnik Evrazii. 2003. № 3. S. 62–85.
12. Krasnyj den' kalendarya // URL: <https://e-history.kz/ru/publications/view/3625>.
13. Kuda yazyk dovedet: pochemu Kazaxstan pereshel na latinicu // URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/02/20_a_11657323.shtml.
14. Makarov A. I. Politika pamyati kak e'lement regional'noj kul'turnoj zhizni // Vlast'. 2008. № 12. S. 8–10.
15. Malinova O. Yu. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki // Metodologicheskije voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A. I., Efremenko D. V. – M. – SPb: Nestor-Istorija, 2018. – 224 s. S. 27–53.
16. Medeuova K. A. K voprosu o tipologii praktik pamyati v Kazaxstane // Ylken Altaj әlemi – Mir Bol'shogo Altaya. 2016. Т. 2, № 3–1. S. 450–458.
17. Medeuova K. A. «O chem xotyat pomnit' v gorodax» (analiz sovremennoj kommemorativnoj politiki v Kazaxstane) // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/196146>.

18. Meleshkina E. Yu. Vozmozhnosti kachestvennogo sravnitel'nogo analiza dlya issledovaniya politiki pamyati i eyo proyavlenij // Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A.I., Efremenko D.V. – M. – SPb: Nestor-Istoriya, 2018. – 224 s. S. 54–74.
19. Politika pamyati v Rossii, stranax ES i gosudarstvax postsovetskogo prostranstva: tipologiya, konfliktnyj potencial, dinamika transformacii. Stenogramma diskussii // Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A.I., Efremenko D.V. – M. – SPb: Nestor-Istoriya, 2018. – 224 s.
20. Praktiki i mesta pamyati v Kazaxstane (strukturno-tipologicheskij obzor) / Medeuova K.A., Ermaganbetova K., Kikimbaev M., Mel'nikov D., Naurzbaeva Z., Ramazanova A., Sandybaeva U., Tolgambaeva D., Tlepbergen A. Astana: TOO Master Po, 2016. – 73 s.
21. Rusakova O.F., Kochneva E.D. Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017. № 3–4 (28–29). S. 17–30.
22. Rusakova O.F., Fadeicheva M.A., Gribovod E.G. Ural'skaya shkola politicheskoy diskursologii: innovacionnye napravleniya issledovanij // Doklady Vtoroj Mezhdunar. Nauch.-prakt. konfer., posvyashhennoj pamyati Zhana Bodriyyara. / Pod obshhej red. O.F. Rusakovoj. – 21 noyabrya – 14 dekabrya 2007 g. Tom. 2. Ekaterinburg: Izdatel'skij. Dom «Diskurs Pi», 2007. S. 41–43.
23. Semenenko I.C., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Mezhdru gosudarstvom i naciej: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 5. S. 54–78.
24. Titov V.V. Politika pamyati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii. M.: Tipografiya «Vash format», 2017. – 184 s.
25. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-soviet colonial space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30. No. 2. Pp. 241–264.
26. Zollman K.J. Social structure and the effects of conformity // Springer Science. B.V. 2010. Pp. 317–340.

UDC 323.23+327

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.2841

THE POLICY OF NATIONAL MEMORY IN THE POST-SOVIET SPACE: APPROACHES AND PRACTICE

Gribovod Ekaterina Grigorievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: gribovod_kate@mail.ru

Kovba Darya Mikhailovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Political Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dmkovaljova@mail.ru

Moiseenko Yan Yurievich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Junior Researcher,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Annotation

The article highlights the structural-functional and others approaches, the use of which will allow to reveal different foreshortening and optics of the research of the national politics of memory. Through the example of the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan, the key stages of the formation of the national politics of memory after the collapse of the USSR are considered, the tools and key features being highlighted. In conclusion is reached that the national politics of memory in the post-Soviet space (for example, the countries reviewed) can be defined as a hybrid model that combines elements of the Soviet politics of memory and modern memory practices constructed using national historiography, symbolic and cultural politics.

Keywords:

politics of memory, national memory, post-soviet space, identity, nation, historiography.

УДК 321.022

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.4248

ПРОИЗВОДСТВО ПРОШЛОГО: КАРТИНА ИЗМЕНЕНИЙ

Рубцова Валентина Юрьевна,

Институт философии и права,
Уральского отделения Российской академии наук,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: rubcova@udmurt.city

Аннотация

В статье подчеркивается изменчивый характер образов прошлого, которые формируются при помощи определенных методов исторической политики и агентов политики памяти. Выделяются основные ракурсы обращения к прошлому со стороны политических элит и гражданских активистов. Отмечается распространенность взгляда на допустимость применения манипулятивных технологий при реализации политики памяти. Рассматриваются особенности плюралистического режима политики памяти.

Ключевые слова:

политика памяти, историческая политика, прошлое, история, память, идеология.

Прошлое – это всегда изменение, произошедшее в прошлом, будь то смена формы правления или введение новой реформы. При этом прошлое каждый раз производится и воспроизводится в настоящем [2]. Среди событий, которые стали историей, некоторые оказываются более значимыми, чем другие. Так, например, появляются новые государственные праздники и исчезают прежние, развиваются недавно возникшие практики коммеморации и свертываются прежние. В 1994 году в России появился день Конституции, который был объявлен нерабочим праздничным днем. Спустя 10 лет он лишился статуса нерабочего дня, оставшись, правда, в списке памятных дат России. Несколько иная ситуация сложилась с Днем российского флага. Изначально его празднование не предполагало официальных и масштабных торжеств. Но в августе 2019 года во всех субъектах РФ развернулось соревнование, кто наиболее массово и креативно отметит данный праздник. Эти примеры иллюстрируют, как изменчивое настоящее

влияет на появление новых смыслов у прошлого. Как правило, основным актором, контролирующим изменения воззрений на прошлое, выступает государство.

Однако такие изменения происходят не обязательно по решению государства. Существуют примеры инициативы «снизу», связанные, к примеру, с интересом к истории «жертв». С конца 1970-х годов исторические сообщества стран Европы начали обнародовать исторические места нацистского прошлого в Германии. В рамках экскурсий, выставок и рабочих лагерей, а также с помощью размещения табличек или возведения мемориалов молодые активисты просвещали себя и публику о местных событиях между 1933 и 1945 годами. Утверждая, что «задача радикального преодоления фашизма еще не выполнена», они осуждали «забытые концентрационные лагеря», распространенные по всему ландшафту ФРГ. По словам одного из современных активистов: «Мало того, что места бывших концентрационных лагерей, а также здания, в стенах которых невинные люди эксплуатировались, угнетались и были убиты, стали использовать в новых целях как любые произвольные конструкции; вершиной всего этого явилось то, что один из деятелей был достаточно бестактным, чтобы расположить в этих местах тюрьмы, военные учреждения или казармы омоновцев. Учения по применению слезоточивого газа в Нойенгамме и эксперименты со слезоточивым газом в Дахау показывают полную несостоятельность предполагаемых попыток освоения прошлого» [17, с. 261]. Данный пример показывает, насколько парадоксально формируется поле политики памяти, и как происходит конфликт между агентами в этом поле.

Помимо интереса к истории «жертв» существует интерес к истории героев. Если мы считаем, что определенное действие в прошлом следует признать героическим, мы выстроим наше понимание героизма со ссылкой на это действие. Например, если мы признаем героем Ирину Сендлер, спасшую еврейских детей от Холокоста во время Второй мировой войны, то это значит, что мы под героизмом понимаем бескорыстную защиту невинных людей от насилия. В том случае, когда мы признаем террориста-смертника героем, мы, следовательно, определяем героизм как убийство врагов и самопожертвование в борьбе со злом [16, с. 4]. Определение героизма при этом может формироваться в настоящем, после того, как события, выступающие в качестве примера, уже произошли.

Производство прошлого представляет собой процесс конструирования коллективной памяти в соответствии с определенными идеологическими установками государства. Согласно А. Ассман, данный процесс может быть описан следующей последовательностью: сбор представлений о прошлом, их интерпретация, воспроизводство представлений о прошлом [1, с. 22]. При этом далеко не все представления о прошлом воспроизводятся, к тому же представления на этапе «сбора» могут не совпадать с представлениями на этапе «воспроизводства». В итоге прошлое вписывается в идеологический контекст настоящего и ожидаемого будущего, оно актуализировано настоящим, выступает тем, каким его хотят видеть сегодня. Но и настоящее оказывается опрокинутым в прошлое, поскольку его проблемы пытаются разрешить посредством извлечения из прошлого неких уроков, а также прогнозов на будущее. Память о прошлом в значительной степени носит конвенциональный и избирательный характер. Её документальную базу (в том числе фото- и видеосвидетельства) формируют,

тематически структурируют и идеологически обрабатывают государственные и общественные институты, специально предназначенные для создания политически востребованных образов прошлого. Инструментальное отношение к прошлому открывает путь для применения манипулятивных технологий.

Политическое манипулирование прошлым связано с определенным идеологическим и информационным обеспечением. По мнению А. И. Миллера, в странах Восточной Европы сложились одинаковые черты и предпосылки данного процесса. История и память рассматриваются политическими элитами этих стран как арена борьбы с внешним и внутренним врагом. Наряду с этим бездоказательно декларируется всеобщность (тотальность), а также неизбежность применения технологий манипулирования, считается, что сам факт такой неизбежности выдает индульгенцию на манипуляции в сфере обращения к прошлому [8]. При этом арена политической борьбы проецируется на область профессиональной деятельности коллективов историков, разделяя их на конфликтующие стороны. В итоге проблема интерпретации прошлого как предмет научной дискуссии подменяется вопросом об идеологической ориентации и политических воззрений диспутантов, вследствие чего происходит не научная полемика по поводу взглядов на историю, а столкновение политических позиций историков.

Обратимся далее к методам исторической политики, с помощью которых прошлое подвергается идейно-политической обработке. А. И. Миллер выделяет пять групп методов, которые входят в арсенал способов манипулирования исторической памятью: создание социальных институтов для обеспечения популяризации определенной трактовки прошлого, выгодной той или иной социальной группе, обладающей властью; политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации; манипуляция архивами; разработка и использование новых мер контроля за деятельностью историков; политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания [8, с. 17–19].

Следует различать политику памяти и историческую политику. Это разделение повторяет разделение память/история, сделанное М. Хальбваксом [14] и П. Нора [10]. В первом случае в качестве предмета политики рассматривается прошлое, во втором случае – история как область исследования. Прошлое отличается от истории тем, что оно состоит из событий, а история опирается на анализ и критический дискурс. Соответственно в первом случае происходит политическая актуализация прошлого, во втором – мы имеем дело с историзацией политики. Политическая актуализация прошлого реализуется через практики политического использования прошлого.

Несмотря на онтологическую близость таких феноменов, как история и коллективная память, между ними есть важные отличия. Так, М. Хальбвакс отмечает, что история – это картина изменений, а коллективная память – картина сходств [15]. Это связано с тем, что история и коллективная память обращают внимание на разные свойства одного объекта, поскольку цель коллективной памяти – сохранение идентичности, а цель истории – фиксирование изменений. Под идентичностью понимается чувство принадлежности к мы-группе, благодаря которому происходит отождествление с ценностями и нормами этой группы [3]. Подобным образом индивидуальная память обеспечивает идентичность личности. Рассмотрение коллективной памяти как картины сходств

еще раз подтверждает критерии исторического ориентира, выбираемого для формирования политики памяти.

Существуют также различия между понятиями «история» и «коллективная память». В этом плане сошлемся на трактовку данных понятий О.Ю. Малиновой. Она выделяет две формы присутствия прошлого в настоящем: историю, которая представляет собой критическую реконструкцию прошлого, являющуюся результатом профессиональных исследований историков, и коллективную память – разделяемые представления индивидов о прошлом. Именно на коллективной памяти строится социальная идентичность [6, с. 368].

Политика памяти постоянно откликается на трансформации политической реальности [4; 5]. Государство поддерживает определенные интерпретации прошлого, отвечающие интересам правящей элиты. Однако даже таким образом проводимая политика памяти создает окна дискурса – возможностей иных интерпретаций прошлого. Это означает, что в условиях появления альтернативных дискурсов политики памяти складывается относительно подвижная система интерпретаций прошлого, подверженная инверсиям, т. е. сменам доминирующего дискурса. Такой режим политики памяти можно назвать плюралистическим. Он предполагает рассмотрение в качестве агентов или мнемонических акторов политики памяти [7, с. 13] не только выразителей и трансляторов официальной точки зрения относительно прошлого, но и других общественно-политических сил, формирующих образы прошлого с иных идеологических позиций. Одним из таких примеров может служить сложившаяся в идеологических кругах современной России противоречивая ситуация, связанная с неоднозначной трактовкой Октябрьской революции 1917 г. и с разночтениями относительно выбора практик коммеморации её 100-летнего юбилея. В итоге в 2017 г. параллельно происходила репрезентация двух дискурсивных стратегий политики памяти – стратегия «тихого» юбилея вкупе с примиренческой установкой и стратегия стереоскопического взгляда на значения и смыслы Октября [12]. Отмеченный пример еще раз свидетельствует о подвижности и изменчивости политических практик работы с памятью о прошлом. Коллективная историческая память – это не сумма застывших представлений о прошлом, а подвергающаяся постоянному форматированию картина прошлого, которая делает выпуклыми то одни исторические события и фигуры, то другие.

Важно также отметить, что обращение к прошлому в интересах политического настоящего осуществляется не только специально предназначенными для этого институтами и коллективами, но также (и даже прежде всего) самими лидерами государств, когда их позиция фиксируется в официальных документах и публичных выступлениях. Как главные агенты публичной политики они, апеллируя к прошлому, определенным образом формируют массовое историческое сознание. Дискурс-анализ такого рода источников позволяет выявить следующие основные ракурсы рассмотрения прошлого ведущими политиками: прошлое как пример, которому нужно следовать; прошлое как фон, оттеняющий достижения настоящего; преемственность прошлого и настоящего [6, с. 368].

В рассмотренных нами способах производства и репрезентации прошлого прошлое предстает как картина изменений. Если конструирование прошлого происходит с позиции проблем и вопросов настоящего времени, то изменения

осуществляются в сфере уже написанной истории. Конструирование прошлого выполняется как государственными институтами и их агентами в различных социальных кругах, так и гражданскими активистами. В первом случае оно связано с формированием доминирующей идеологической стратегии, во втором – с интересом к альтернативным моделям и смысловым образам прошлого.

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
2. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. с фр. – Минск: Харвест, 1999. – 1407 с.
3. Бурдьё Пьер. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – (Серия «Gallicinium»).
4. Горин Д.Г. Политика памяти в условиях социально-политической трансформации: особенности России. Среднерусский вестник общественных наук. Политология: актуальные аспекты. 2012. № 2. С. 98–104.
5. Кирчанов М.В. Приручение прошлого: историческая политика и политика памяти (европейский историографический опыт и латиноамериканские контексты). Политические изменения в латинской америке. Научный журнал. – 2016 / 3 (21). – с. 73–86.
6. Малинова О.Ю. Использование прошлого в российской официальной исторической политике (на примере анализа ежегодных президентских посланий) Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с. – с. 368–389.
7. Малинова О.Ю. Коммеморация столетия революции (й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 9–25.
8. Миллер А. Историческая политика в восточной Европе начала XXI в. Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с. – с. 7–32.
9. Миллер А. Историческая политика в России: новый поворот? Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с. – с. 328–367.
10. Миллер А. Роль экспертных сообществ в политике памяти. Политика. – № 4 (71), 2013. – с. 114–126.
11. Нора П. Всемирное торжество памяти. Неприкосновенный запас, 2005. № 2–3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.
12. Русакова О.Ф., Кочнева Е.Д. Оценки Октябрьской революции в официальном дискурсе политики памяти. Научный журнал «Дискурс-Пи». 2017. № 3–4 (28–29). С. 17–30.
13. Сыров В.Н., Головашина О.В., Линченко А.А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований. Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 135–143.
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкос-

новенный запас. 2005. № 2/3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С. Н. Зенкина – М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

16. Patryk Wawrzyński. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective, p. 1–23.

17. Cornelia Siebeck. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. The journal of social policy studies. p. 261–272.

References:

1. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / Alejda Assman; per. s nem. Borisa Xlebnikova – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 328 s.

2. Bergson A. Tvorcheskaya e'voluciya. Materiya i pamyat' / A. Bergson; per. s fr. – Minsk: Xarvest, 1999. – 1407 s.

3. Burd'e P'er. Sociologiya social'nogo prostranstva / Per. s franc.; otv. red. perevoda N. A. Shmatko. – М.: Institut e'kspperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 2007. – 288 s. – (Seriya «Gallicinium»).

4. Gorin D. G. Politika pamyati v usloviyax social'no-politicheskoy transformacii: osobennosti Rossii. Srednerusskij vestnik obshhestvennyx nauk. Politologiya: aktual'nye aspekty. 2012. № 2. S. 98–104.

5. Kirchanov M. V. Priruchenie proshlogo: istoricheskaya politika i politika pamyati (evropejskij istoriograficheskij opyt i latinoamerikanskije konteksty). Politicheskie izmeneniya v latinskoj amerike. Nauchnyj zhurnal. – 2016 / 3 (21). – s. 73–86.

6. Malinova O. Yu. Ispol'zovanie proshlogo v rossijskoj oficial'noj istoricheskoy politike (na primere analiza ezhegodnyx prezidentskix poslanij) Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s. – s. 368–389.

7. Malinova O. Yu. Kommemoraciya stoletiya revolyucii (j) 1917 goda v RF: analiz strategij klyuchevyx mnemonicheskix aktorov. Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 9–25.

8. Miller A. Istoricheskaya politika v vostochnoj Evrope nachala XXI v. Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s. – s. 7–32.

9. Miller A. Istoricheskaya politika v Rossii: novyj povorot? Istoricheskaya politika v XXI veke: Sbornik statej. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – 648 s. – s. 328–367.

10. Miller A. Rol' e'kspertnyx soobshhestv v politike pamyati. Politija. – № 4 (71), 2013. – s. 114–126.

11. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati. Neprikosvennyj zapas, 2005. № 2–3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

12. Rusakova O. F., Kochneva E. D. Ocenki Oktyabr'skoj revolyucii v oficial'nom diskurse politiki pamyati. Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi». 2017.

№ 3–4 (28–29). S. 17–30.

13. Syrov V.N., Golovashina O.V., Linchenko A.A. Politika pamyati v svete teoretiko-metodologicheskoy refleksii: opyt zarubezhnyx issledovaniy. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 407. S. 135–143.

14. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2/3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.

15. Xal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati / Per. s fr. i vstupitel'naya stat'ya S.N. Zenkina – M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 s.

16. Patryk Wawrzyński. The Past, Polish Politics of Memory, and Stereotyping: an intercultural perspective, p. 1–23.

17. Cornelia Siebeck. From Counter-Hegemonic Projects to State-Sponsored Institutions: Memorial Sites to the Nazi Crimes and The Politics of Memory in the Federal Republic of Germany. The journal of social policy studies. p. 261–272.

UDC 321.022

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.4248

PRODUCTION OF THE PAST: A PICTURE OF CHANGES

Rubtsova Valentina Yurievna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Postgraduate,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rubcova@udmurt.city

Annotation

The article emphasizes the changeable nature of the images of the past, which are formed with the help of certain methods of historical policy and agents of memory policy. The main perspectives of the treatment of the past by political elites and civil activists are highlighted. There is a widespread view on the admissibility of the use of manipulative technologies in the implementation of memory policy. Discusses the features of the pluralist regime of the politics of memory.

Keywords:

politics of memory, historical politics, past, history, memory, ideology.

УДК 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.4957

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ В.В. ПУТИНА В НАЧАЛЕ ПЕРВОГО СРОКА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ: МЕМОРИАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

Денисов Юрий Петрович,

Омская юридическая академия,
кафедра административного и финансового права,
кандидат политических наук, доцент,
Омск, Россия,
E-mail: yurden1984@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию репрезентации В.В. Путиным образа Великой Отечественной войны в два первых года его президентства. Автор исследования фиксирует поворот в российской политике памяти и момент смены исторического нарратива российским политическим лидером. В итоге делается вывод о том, что именно глава государства в начале нового тысячелетия задал импульс и вектор реализации современной российской политики памяти, одним из центральных элементов которой стала репрезентация образа Великой Отечественной войны.

Ключевые слова:

политика памяти, Великая Отечественная война, образы прошлого, политический дискурс, идентичность.

Образ Великой Отечественной войны – один из ключевых образов прошлого, бытующих в коллективной памяти граждан Российской Федерации. Его значимость подтверждается социологическими опросами. Результаты исследования ВЦИОМ, приуроченные ко Дню народного единства 2018 года, показали, что большинство россиян считают победу в Великой Отечественной войне наиболее важным историческим событием [4]. Также, согласно данным

опросов Левада-Центра, проведенных 22–28 ноября и 13–19 декабря 2018 года, 87% респондентов назвали среди событий и явлений, которые вызывают у них чувство гордости за свою страну, Победу в Великой Отечественной войне [8]. Такое восприятие свидетельствует о том, что данный образ прошлого обладает высоким консолидирующим потенциалом. Он входит в галерею тех образов, на которых зиждется национальная и политическая идентичность россиян.

Образы, объединяющие значительную часть населения, необходимы политическим лидерам и политическим элитам в процессе государственного управления. Ведь перед политическим классом стоит задача «конструирования определенного типа политической идентичности значительных по величине социальных групп с заданной моделью поведения в публичном политическом пространстве» [9, с. 174].

Известный российский политолог О.Ю. Малинова констатирует, что в эволюции исторического нарратива российской властвующей элиты можно выделить два больших периода. Первый из них соответствует периоду президентства Б.Н. Ельцина и охватывает 90-е гг. прошлого столетия. А второй период совпадает с периодом управления страной В.В. Путиным и Д.А. Медведевым. Он начинается с 2000 г. и фактически длится до наших дней [7]. Таким образом, начало нового века и нового тысячелетия представляет собой отправную точку для начала процесса репрезентации нового исторического нарратива в российском политическом дискурсе и нового этапа формирования российской идентичности.

В этой связи представляется интересным анализ образа Великой Отечественной войны в выступлениях Президента Российской Федерации в начале его первого президентского срока. Однако, переходя к данному анализу, хотелось бы вспомнить высказывание С. Холла. Он писал: «Именно потому, что идентичности конструируются внутри, а не вне дискурса, мы должны понимать их как произведенные в конкретных исторических и институциональных местах в рамках конкретных дискурсивных образований и практик, с помощью конкретных формулирующих стратегий» [22, р. 4]. Данная мысль С. Холла, на наш взгляд, коррелирует с тезисом Т. ван Дейка о том, что «порождение текстов происходит не в вакууме, а является составной частью коммуникативного контекста. Чтобы построить текст, люди должны хранить в памяти представление об этом контексте, то есть иметь контекстную модель» [2, с. 170]. В этом ракурсе в процессе анализа образов прошлого, репрезентируемых политическим деятелем, первоочередной задачей видится обращение к коммуникативному контексту, в котором происходит репрезентация.

На первый взгляд, на протяжении 90-х гг. прошлого столетия в Российской Федерации складывался достаточно негативный контекст для актуализации образа Великой Отечественной войны в российском политическом дискурсе. После распада СССР тотальная «деидеологизация» общественно-политической жизни, слом прежней социально-экономической, политической и социокультурной модели, реализация политики памяти и тактик «soft power» в России иностранными акторами, активное продвижение в средствах массовой информации и публицистике псевдонаучных «версий» истории Второй мировой войны затрудняли реализацию консолидирующего потенциала образа Великой Отечественной войны. О.Ф. Русакова и В.М. Русаков пишут в этой связи

о произошедшей в конце XX века «радикальной дискредитации всей прежней истории и позиции государства по данной проблеме» [19, с. 11].

На президентских выборах 26 марта 2000 г. В.В. Путин в первом же туре получил 52,9% голосов. Высокий уровень его поддержки гражданами страны помимо прочих причин объяснялся очевидным контрастом в политической риторике между ним и Б.Н. Ельциным [6]. При этом, как отмечает Е.Б. Шестопал, «содержание политических образов раннего путинского периода определялось тремя важнейшими трендами». Первый из них основан на ценностных трансформациях реформ из либерального в консервативный формат, второй – на контрасте «раннепутинского правления» с образом «лихих девяностых», третий – на постепенном возвращении страны к отстаиванию национальных интересов [21, с. 15].

В новом идейно-политическом контексте, связанном с курсом на преодоление наследия реформаторов 90-х гг., образ В.В. Путина предстал как образ Победителя, и ассоциировался с силой и надеждой на великие свершения. Именно с силой и с великими свершениями в российском коллективном сознании естественным образом стала ассоциироваться память о Великой Победе, одержанной в 1945 г.

Весьма символичным выглядит то, что время вступления В.В. Путина в должность Президента России фактически пришлось на период непосредственной подготовки празднования Дня Победы – 7 мая 2000 г. Это обстоятельство является знаковым в контексте российских политической традиции и культуры. Ещё Р. Уортман указывал на то, что «русские правители и их советники считали символику и образность церемоний насущно необходимыми для осуществления власти» [20, с. 18].

В этой связи стоит отметить, что речь В.В. Путина на церемонии вступления в должность Президента России в целом характеризуется активной апелляцией к исторической памяти и к образам прошлого. Слово «история» и однокоренные с ним слова употребляются в данном выступлении 7 раз. В.В. Путин в нём ни разу не произносит слов «Великая Отечественная война». Однако он акцентирует внимание на значимости «национальной памяти», обращается к «урокам истории» и артикулирует взаимосвязь между предками и потомками, между образом прошлого и образом будущего: «Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей истории мы передадим потомкам» [18]. Тему преемственности, связи времён и поколений Президент России продолжил в речи на торжественном приёме по случаю вступления в должность в Государственном Кремлёвском дворце: «Я считаю важным подчеркнуть сегодня, что история и судьба страны не начинается с избрания нового главы государства и не заканчивается с его уходом» [11].

Тема преемственности поколений звучит в контексте артикуляции в официальном политическом дискурсе темы преемственности власти. «Преемственность власти» становится одной из важнейших тем публикаций «Российской газеты» в январе 2000 г. и мощным фактором, влияющим на характер оценок политическому шагу Б.Н. Ельцина [3, с. 90].

Примечательно, что 7 мая 2000 г. В.В. Путин после своего выступления в Кремлевском дворце, спустя всего несколько часов, выступил на праздничном концерте, посвящённом 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. В нем он чётко обозначил консолидирующую, «объединительную», «примиряющую» функцию образа Победы в Великой Отечественной войне: «День Победы – это особый российский праздник. Он объединяет и примиряет. Примиряет всех в России» [10]. При этом образ Великой Отечественной войны интерпретируется как «точка опоры» (данное словосочетание употребляется в тексте выступления дважды) для современной России, источник духовных ценностей, «нравственной позиции» (данное словосочетание также употребляется в тексте выступления два раза) для современного российского человека.

«Примиряющую» функцию образа Победы в Великой Отечественной войне Президент России выразил и в своих выступлениях 9 мая 2000 г. В выступлении на военном параде на Красной площади Верховный главнокомандующий Российской Федерации 5 раз произнёс слово «мир» и производные от него прилагательные. Более частотным по употреблению в данном выступлении является только слово «победа». Оно и его производные употреблены в тексте 15 раз, что обусловлено темой и поводом для выступления. При этом Президент отмечает, что «привычка побеждать» «поможет нашему поколению выстроить сильную, процветающую страну, высоко поднимет российское знамя демократии и свободы». Он подчёркивает, что «День Победы вместе с нами отмечают в государствах Содружества» и что «радость победы у нас одна на всех», воздавая славу «солдатам той войны, создавшим прочное основание для будущих мирных побед» [14].

Мотив Победы в Великой Отечественной войне как консолидирующего начала для всего Содружества Независимых Государств звучит и в выступлении В.В. Путина на торжественном приёме, посвящённом 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне: «Только что ветераны легендарной Советской Армии прошли в одном строю вместе со своими однополчанами, вместе со своими боевыми друзьями из братских стран Содружества». Незадолго до праздничного тоста, обращаясь к ветеранам, Президент России вновь обратил внимание на взаимосвязь поколений и интерпретировал образ Победы в Великой Отечественной войне как основы для новых великих дел: «Ваша судьба и ваши подвиги – лучшая школа жизни для нас. Пример для тех, кто поднимает наше новое сильное государство» [17].

В результате создаётся образ единой великой победы, объединяющей в одно культурно-историческое целое вне зависимости от политических границ, возрастных и национальных особенностей всех потомков людей, сражавшихся в Великой Отечественной войне. Это не просто образ прошлого, пассивно бытующий в исторической памяти. Это образ прошлого, который консолидирует нации и устремляет их к новым общим свершениям.

«Примиряющие» и «консолидирующие» черты образа Великой Отечественной войны, заданные в 2000 г., спустя год вновь ярко артикулируются главой государства на мероприятиях, посвящённых празднованию Дня Победы. Это нашло своё отражение, в частности, в выступлении Президента РФ на встрече с ветеранами 8 мая 2001 г. Глагол «объединять» и производные от него формы употребляются им 5 раз. Во всех случаях речь идёт не только

об объединении русскоязычного пространства. Объединяющая функция образа Великой Отечественной войны распространяется на всё мировое пространство. День Победы В.В. Путин называет «праздником, который 56 лет назад объединил народы всей нашей планеты и по сей день остается великим символом дружбы». Он подчёркивает, что общая победа «объединила очень многих» и указывает на то, что «народы, объединившись в борьбе со страшной угрозой, доказали, что можно победить даже такого мощного врага, каким был фашизм». Вновь обращаясь к теме уроков истории, Президент, говоря об одном из таких уроков, отмечает, что «в конце 30-х годов страны Европы, Северной Америки не смогли, к сожалению, объединиться, чтобы сообща предотвратить гитлеровскую агрессию, и заплатили за это страшную цену». Далее он делает вывод: «Сегодня мы должны объединиться для борьбы с международными опасностями, которые уже реально существуют, должны вместе оценивать и опасности будущего» [13].

Консолидирующий эффект образа Великой Отечественной войны усиливается артикуляцией образа общего горя, которое она принесла всем народам мира. Президент начинает своё выступление перед представителями ветеранских организаций из различных стран СНГ, Балтии и антигитлеровской коалиции с упоминания о том, что они с ним уже встречались «при возложении венков к Могиле Неизвестного Солдата». Описывая в своём выступлении последствия войны, В.В. Путин использует словосочетания: «невероятное горе», «горе и несчастье», «общая беда». В речь главы России добавляют убеждающей силы и ощущения достоверности используемые им цифры: «В пламя Второй мировой войны было вовлечено более 60 стран мира, 110 миллионов человек были одеты в военную форму и поставлены под ружье» [13].

Вместе с тем, образ общего горя в выступлении В.В. Путина сопряжён и с темой «уроков истории». В своей речи перед ветеранами он подчёркивает, что люди «до сих пор обязаны извлекать уроки из той страшной войны» [13]. Именно актуальностью «уроков истории» он обосновывает актуальность образа прошлого. Квинтэссенция данной идеи была предельно чётко сформулирована В.В. Путиным 8 мая 2001 г. на вручении государственных наград ветеранам Великой Отечественной войны и участникам контртеррористической операции на Северном Кавказе: «Наша Победа всегда актуальна, потому что актуальны ее уроки» [12]. На следующий день, уже выступая на Параде Победы и говоря не только о победе, но и о Великой Отечественной войне в целом, Президент РФ сказал: «Ее уроки нужны нам» [15]. Дважды «уроки войны» В.В. Путин упомянул и в ходе своего выступления на приеме в честь 56-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Глава государства отметил, что они «и по сей день предостерегают нас от жестокости и нетерпимости, учат беречь дух союзничества и добрососедства» и «учат нас соблюдать традиции уважения к другим, а значит – уважения к самим себе» [16].

Итак, образ Великой Отечественной войны в выступлениях Президента РФ несёт мощную функциональную нагрузку. В нём задействован его высокий консолидирующий потенциал. Посредством данного образа выделяются уроки прошлого, служащие основой для принятия решений в настоящем. Наконец, данный образ служит одним из оснований легитимации современной политической власти в России. Продемонстрированная В.В. Путиным яркая актуализация образа Великой Отечественной войны и его идеологического потенциала в усло-

виях высокой степени персонификации российской власти [5, с. 60] послужила исходным моментом для конвертирования данного персонифицированного потенциала в решение задач повышения национального самосознания граждан страны [5, с. 60].

В своих выступлениях 2000–2001 гг. В.В. Путин фактически задал импульс и вектор реализации новой политики памяти, которая необходима любому государству и обществу. Продвигаемый им образ Великой Отечественной войны выступил ключевым образом прошлого, на котором стала выстраиваться современная российская идентичность. Заданный вектор нашёл своё развитие в «тенденции активного использования истории в государственной политике» [1, с. 126]. Так произошёл своего рода мемориальный поворот в отечественной политической жизни. Именно эти годы стали отправной точкой появления нового дискурса официальной политики памяти.

1. Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Национальная политика памяти в современной России: основные тенденции и инструменты // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2 (31). – С. 123–132.
2. Дейк Т. ван. Когнитивные модели этнических ситуаций [Текст] / Т. ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация. – М, 1989. – С. 161–189.
3. Денисов Ю.П. Репрезентация образа Б.Н. Ельцина в российском политическом дискурсе в 2000-е годы: на материалах газетной прессы и книжной публицистики: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Денисов Юрий Петрович; [Место защиты: Перм. гос. ун-т]. – Пермь, 2009. – 264 с.
4. Единство нации: что нас объединяет? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404>.
5. Казаков М.А. Персонификация как тенденция современного политического лидерства: особенности проявления и восприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2018. – № 1. – С. 54–61.
6. Кертман Л.Г. Выбрали сердцем. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin/_rating_Putin/o001201.
7. Малинова О.Ю. Стратегическая культура и фреймы коллективной памяти (на примере постсоветской России) // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 1. – С. 75–97.
8. Национальная идентичность и гордость. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.
9. Попова О.В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. – 2018. – № 2. – С. 173–194.
10. Путин В.В. Выступление на праздничном концерте, посвящённом 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (7 мая 2000 г., Москва, Государственный Кремлевский дворец). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24103>.
11. Путин В.В. Выступление на торжественном приёме по случаю вступления в должность Президента России (7 мая 2000 г., Москва, Государственный Кремлевский дворец). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24104>.
12. Путин В.В. Выступление на вручении государственных наград ве-

теранам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и военнослужащим – участникам контртеррористической операции на Северном Кавказе (8 мая 2001 г., Москва, Большой Кремлёвский дворец). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21231>.

13. Путин В.В. Выступление на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и ветеранами Второй мировой войны (8 мая 2001 г., Москва). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21233>.

14. Путин В.В. Выступление на параде, посвящённом 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (9 мая 2000 г., Москва, Красная площадь). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21421>.

15. Путин В.В. Выступление на параде, посвящённом 56-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (9 мая 2001 г., Москва, Красная площадь). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21246>.

16. Путин В.В. Выступление на приеме в честь 56-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне (9 мая 2001 г., Москва, Государственный Кремлевский дворец). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24456>.

17. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме, посвящённом 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне (9 мая 2000 г., Москва, Кремль). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21423>.

18. Путин В.В. Выступление на церемонии вступления в должность Президента России (7 мая 2000 г., Москва, Большой Кремлевский Дворец). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21399>.

19. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Великая Отечественная война и политика исторической памяти. Часть 1 // Дискурс Пи. – 2016. – № 1 (22). – С. 10–16.

20. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. [Текст] / Р.С. Уортман. – М.: ОГИ, 2004. – 606 с.

21. Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 9–20.

22. Hall S. Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall, P. Du Gay. – L.: Sage, 1996. – P. 1–17.

References

1. Gribovod E.G., Kovba D.M., Moiseenko Ya.Yu. Nacional'naya politika pamyati v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii i instrumenty // Diskurs-Pi. – 2018. – № 2 (31). – S. 123–132.

2. Dejk T. van. Kognitivnye modeli e'tnicheskix situacij [Tekst] / T. van Dejk // Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. – M., 1989. – S. 161–189.

3. Denisov Yu.P. Reprezentaciya obraza B.N. El'cina v rossijskom politicheskom diskurse v 2000-e gody: na materialax gazetnoj pressy i knizhnoj publicistiki: dissertaciya ... kandidata politicheskix nauk: 23.00.02 / Denisov Yuriy Petrovich; [Mesto zashhity: Perm. gos. un-t]. – Perm', 2009. – 264 s.

4. Edinstvo nacji: chto nas ob"edinyaet? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9404>.

5. Kazakov M.A. Personifikaciya kak tendenciya sovremennogo

politicheskogo liderstva: osobennosti proyavleniya i vospriyatiya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. – 2018. – № 1. – S. 54–61.

6. Kertman L.G. Vybrali serdцем. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/pres/putin/_rating_Putin/o001201.

7. Malinova O.Yu. Strategicheskaya kul'tura i frejmy kollektivnoj pamyati (na primere postsovetskoj Rossii) // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. – 2018. – № 1. – S. 75–97.

8. Nacional'naya identichnost' i gordost'. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>.

9. Popova O.V. Modeli identichnosti politicheskix aktorov v sovremennoj Rossii // Politicheskaya nauka. – 2018. – № 2. – S. 173–194.

10. Putin V.V. Vystuplenie na prazdnichnom koncerte, posvyashhyonnom 55-j godovshhine Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (7 maya 2000 g., Moskva, Gosudarstvennyj Kremlevskij dvorec). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24103>.

11. Putin V.V. Vystuplenie na torzhestvennom priyome po sluchayu vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii (7 maya 2000 g., Moskva, Gosudarstvennyj Kremlevskij dvorec). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24104>.

12. Putin V.V. Vystuplenie na vruchenii gosudarstvennyx nagrad veteranam Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. i voennosluzhashhim – uchastnikam kontrterroristicheskoy operacii na Severnom Kavkaze (8 maya 2001 g., Moskva, Bol'shoj Kremlyovskij dvorec). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21231>.

13. Putin V.V. Vystuplenie na vstreche s veteranami Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. i veteranami Vtoroj mirovoj vojny (8 maya 2001 g., Moskva). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21233>.

14. Putin V.V. Vystuplenie na parade, posvyashhyonnom 55-j godovshhine Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (9 maya 2000 g., Moskva, Krasnaya ploshhad'). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21421>.

15. Putin V.V. Vystuplenie na parade, posvyashhenom 56-j godovshhine Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (9 maya 2001 g., Moskva, Krasnaya ploshhad'). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21246>.

16. Putin V.V. Vystuplenie na prieme v chest' 56-j godovshhiny Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (9 maya 2001 g., Moskva, Gosudarstvennyj Kremlevskij dvorec). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24456>.

17. Putin V.V. Vystuplenie na torzhestvennom prieme, posvyashhenom 55-j godovshhine Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (9 maya 2000 g., Moskva, Kreml'). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21423>.

18. Putin V.V. Vystuplenie na ceremonii vstupleniya v dolzhnost' Prezidenta Rossii (7 maya 2000 g., Moskva, Bol'shoj Kremlevskij Dvorec). URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21399>.

19. Ruskova O.F., Rusakov V.M. Velikaya Otechestvennaya vojna i politika istoricheskoy pamyati. Chast' 1 // Diskurs Pi. – 2016. – № 1 (22). – S. 10–16.

20. Uortman R.S. Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarxii. T. 1: Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. [Tekst] / R.S. Uortman. – M.: OGI, 2004. – 606 s.

21. Shestopal E.B. Proekt dlinnoyu v chetvert' veka. Issledovanie obrazov vlasti i liderov v postsovetskoj Rossii (1993–2018) // Polis. Politicheskie issledovaniya. – 2019. – № 1. – S. 9–20.

22. Hall S. Introduction. Who Needs «Identity»? // Questions of cultural identity / Ed. by S. Hall, P. Du Gay. – L.: Sage, 1996. – P. 1–17.

UDC 32.019.51

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.4957

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN V.V. PUTIN'S SPEECHES AT THE BEGINNING OF THE FIRST PRESIDENTIAL TERM: A MEMORIAL TURN

Denisov Yury Petrovich,

Omsk Law Academy,
The Department of Administrative and Financial Law,
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Omsk, Russia,
E-mail: yurden1984@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the research of Putin's representation of the image of the Great Patriotic War in the first two years of his presidency. The author of the research records the turn in the Russian politics of memory and the moment of change of the historical narrative by the Russian political leader. As a result, it is concluded that it was the head of state at the beginning of the new Millennium who set the impetus and vector for the implementation of the modern Russian policy of memory, one of the central elements of which was the representation of the image of The Great Patriotic War.

Keywords:

politics of memory, The Great Patriotic War, images of the past, political discourse, identity.

УДК 323.17
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.5869

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (на примерах колумбийской акции «Объединяя отсутствующих» и российской – «Бессмертный полк»)

Игошина Полина Антоновна,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
факультет политологии,
студент,
Москва, Россия,
E-mail: poligoshinka@mail.ru

*Память – это медная доска, покрытая буквами,
которые время незаметно сглаживает, если порой
не возобновляет их резцом.*

Джон Локк

Аннотация

В статье в ходе определения понятия «историческая память» рассматривается становление термина в рамках исторической и социально-политической сфер научной деятельности, его использование в контексте современности, приводятся соответствующие выводы о применении данного феномена к проводимым политическим и социокультурным изменениям в мире. В качестве примеров различных возможных состояний феномена в зависимости от конкретных народов приводятся ситуации, сложившиеся в таких странах, как Колумбия и Россия. Осуществлен сравнительный анализ состояний феномена и проводимых в странах акций.

Ключевые слова:

историческая память, социальная память, коллективная память, социальный конструкт, места памяти, живая память, эпоха всемирного торжества памяти, Ла Виоленсия.

Историческая память представляется сложным политико-культурным феноменом, который связан, в первую очередь, с процессом осмысления и осознания исторического прошлого, исторического опыта. Но как демонстрирует нам современность, она также может являться и результатом манипуляций сознанием масс в политических целях.

На сегодняшний день мы сталкиваемся лицом к лицу с труднопредсказуемыми, но, очевидно, фундаментальными переменами в мироустройстве. Политические изменения способствуют таковым в контексте коллективной памяти. «Война памяти» – вот то, что во многом главенствует на мировой арене. Все чаще имеют место конфликты, связанные с интерпретациями прошлого, исторических событий, изначально казавшихся неоспоримыми. «Если после войны подавляющая часть французов и немцев считала, что главную роль в сокрушении нацистов сыграла Красная армия, то сегодня большинство в этих странах убеждено, что основной вклад в разгром Гитлера внесли США» [5]. Известный исследователь политики исторической памяти А.И. Миллер отмечал, что «во многих посткоммунистических странах некоторые из борцов против коммунистического режима были вовлечены в Холокост и массовые убийства представителей других этнических групп. Однако это не мешает их восхвалению как новых национальных героев. Так, в частности, на Украине сооружены десятки памятников Степану Бандере» [6].

Историческая политика призвана служить «утверждению и воспроизводству в массовом общественном сознании определённого исторического нарратива, задающего основу более или менее единому пониманию и эмоционально-образному восприятию национального прошлого» [15] для укрепления национального единства. Однако зачастую правящие круги превращают ее в политическое оружие – она трансформируется в политические манипуляции. Становится возможным внушать целым сообществам, что их историческая память либо не была сконструирована вовсе, либо была сконструирована неверно, а потому должна быть упразднена и модифицирована. Кроме того, такое положение дел зачастую оправдывается внутренними или внешними военными конфликтами, и до тех пор, пока представители власти не примут решения о завершении данных вооруженных столкновений, нация якобы так и не обретет историческую память. В 2008 году свет увидел так называемое «Воззвание из Блуа», написанное историками Западной Европы со стремлением и призывом остановить законодательное определение интерпретации истории, к чему во многом склонны западноевропейские парламенты: «История не должна становиться служанкой политической конъюнктуры. Ее нельзя писать под диктовку противоречащих друг другу мемуаристов. В свободном государстве ни одна политическая сила не вправе присвоить себе право устанавливать историческую истину и ограничивать свободу исследователя под угрозой наказания» [5].

Что же подразумевается под понятием исторической памяти? Во-первых, следует отметить, что сам термин завладел умами деятелей науки и культуры относительно недавно, в чем в немалой степени и состоит сложность его точного

определения на настоящий момент. Во-вторых, относительной «молодостью» понятия объясняется нечеткое смысловое позиционирование таких, казалось бы, синонимичных терминов, как «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «надивидуальная память» и т. п. [2, с. 10]. Однако бытуют мнения, что вышеперечисленное все же не взаимозаменяемо [12, с. 33].

Если проследить процесс становления обозначенных терминов, то можно заметить, что все они вполне могут рассматриваться в качестве элементов развития «исторической памяти»: как от исследования к исследованию одно поступательно сменяет другое. Следует отметить, что пристальное внимание историков к проблеме памяти было инспирировано исследованиями, проводимыми в 1920-х годах во Франции. Изначально их направленность была социально-психологической: изучалась как возможность трансформации индивидуальной памяти в коллективную, так и отрицание индивидуальной памяти как таковой. Импульсом к такого рода исследованиям послужили труды французского философа и социального психолога, представителя социологической школы Дюркгейма Мориса Хальбвакса. Он развивал идею социальности памяти: запоминание, воспоминание и пр. – то есть все процессы памяти, считающиеся преимущественно индивидуальными, на самом деле являются социально-коллективными и формируются не без участия социума. Хальбваксом был введен термин «коллективная память», объясняемый как социальный конструкт (т. е. порождение конкретной культуры или общества, существующее исключительно в силу того, что люди согласны действовать так, будто оно существует, или согласны следовать определённым условным правилам): «именно коллективы и группы, задавая и воспроизводя образцы толкования событий, выполняют функцию поддержания конституирующей их коллективной памяти» [13]. Хальбвакс утверждал, что «любая коллективная память опирается на какую-то группу, ограниченную в пространстве и времени» [14, с. 119], однако в более поздних трудах пересмотрел свою позицию, указывая, что коллективную память следует понимать в качестве культурной, « [которая] обладает значительно большим объемом, чем память какой-либо отдельной группы...» [16, р. 206]. Не менее важной идеей Хальбвакса явилась историзация коллективной памяти и связанная с этим необходимость создания истории памяти как исторического описания процесса, когда совместными усилиями люди «научаются или разучаются что-либо помнить» [14, с. 205].

За концепцией Хальбвакса, переосмысляя ее, последовали значимые, в первую очередь с точки зрения формирования понятия «исторической памяти», исследования. Если Хальбвакс считал нецелесообразным выделять индивидуальную память и коллективную во взаимной обособленности, то французский философ Поль Рикёр рассматривал работу памяти как осуществляемую и внутри, и за пределами индивидуального сознания как в отношении отдельного человека, так и общества в целом [10, с. 680]. Рикёр отмечал, что мир в конце XX – начале XXI вв. переживает так называемое «особое историческое состояние» – связь с прошлым теряется, события забываются, их свидетели умирают, как того желает закономерность жизненных процессов, в результате чего становится невозможным воскрешать в умах пройденное через «живую память» (т. е. коммуникативная память индивидов как непосредственных участников и очевидцев

пережитого может возникать в процессе межпоколенческого общения в повседневной жизни; существует на протяжении жизни трех-четырех поколений) [1, с. 51]. Данное «особое историческое состояние», по Рикёру, требует исторической реконструкции.

Следует также отметить, что некоторое время исследователи разводили понятия «память» и «история», порой даже противопоставляя их друг другу. «История пользуется в принципе иными средствами воссоздания прошлого, нежели память», – считал Хальбвакс [14, с. 187]. По Рикёру, «историография упрощает память людей; она изучает свидетельства очевидцев наравне с документами, подчас не несущими в себе никакой живой памяти... Она вообще абстрагируется от непосредственных данных памяти, конструирует свои собственные, внепамятные события. Многие события, признаваемые историческими, никогда не были чьими-либо воспоминаниями» [10, с. 689].

Путь сближения «истории» и «памяти» обрел свои очертания и позднее уже четко обозначился в XXI веке. Начало данному процессу положили труды французского историка Пьера Нора. Похожей позиции придерживался и теоретик Патрик Хаттон [12, с. 23]. История, противопоставляемая Хальбваксом памяти, с точки зрения Нора, на самом деле пронизывает ее: «...то, что сегодня называется памятью, относится не к памяти, но уже к истории», и соответственно изучение «мест памяти» совпадает с «историей истории» [8, с. 27].

Нора предложил создание «истории символических объектов», связанных с ценностями и воспоминаниями нации. Речь идет о таких объектах, как «архивы вместе с триколором, библиотеки, словари и музеи наряду с коммеморациями, Пантеон и Триумфальная арка, Стена коммунаров» [18, р. 105]. «Места памяти» представлялись Нора лишь тем немногим, что осталось от «целостной памяти» общества после усреднения таковой, утраты «живой памяти». «По мере исчезновения традиционной памяти мы ощущаем потребность хранить с религиозной ревностью останки, свидетельства, документы, образы, речи, видимые знаки того, что было... Бесконечное производство архива – это обостренное свойство нового сознания, наиболее отчетливое выражение терроризма историзированной памяти» [18, р. 120].

За последние двадцать пять и более лет все страны, социальные и этнические группы коренным образом пересмотрели свое отношение к прошлому. «Мир затопила нахлынувшая волна воспоминания» [7], настала так называемая «эпоха всемирного торжества памяти». Нора отмечал, что развитие данного процесса было во многом связано с такими масштабными событиями, как падение Берлинской стены, распад СССР, а также крах диктаторских режимов в Латинской Америке и апартеида в Южной Африке. Огромное количество освободительных движений, направленных на эмансипацию этносов, народов, даже отдельных личностей, отступление от революционных идей, например во Франции, – все это также способствовало пересмотру восприятия прошлого, истории в целом. Рождается идея национальной «памяти». Она достаточно «молода» – насчитывает около тридцати лет, однако продолжает стремительно развиваться. Нора во многом соглашается с ранее обозначенной позицией Рикёра, указывая на возникшую перед миром необходимость восстанавливать утраченное и в отдельных аспектах забытое прошлое по крупицам, мельчайшим

деталюм, знакам, следам как свидетельствам того, чем и кем мы были, и того, что же мы являем собой сейчас. Нора считал, что раньше будущее осмыслялось через категории революции, прогресса или реставрации прошлого. Но теперь, после отказа от данных моделей, будущее не определено. «Эта неопределенность ставит перед настоящим, – которое обладает небывальными техническими возможностями сохранения, – обязательство помнить. Мы не знаем, что нужно будет знать о нас нашим потомкам, чтобы разобраться в самих себе» [7]. Прошлое теперь не вправе называться гарантией будущего, а это означает, что память трансформируется в некое обещание преемственности. Ранее настоящее являлось нитью, что связывала прошлое с будущим. «Теперь же существует сплоченность между настоящим и памятью» [7].

В последние несколько лет понятия «история» и «память» действительно слились в нечто единое, вследствие чего мы уже можем говорить об исторической памяти как таковой. Одна из исследователей данного явления, российский историк Л.П. Репина, в собственном определении термина «историческая память» объединяет многие предшествовавшие концепции, в том числе обозначенные выше, указывая на то, что историческая память выступает в качестве измерения коллективной (социальной, с ее точки зрения) и индивидуальной – «как символическая репрезентация исторического прошлого» [9, с. 10]. Историческая память является как одним из способов передачи сведений и опыта прошлого, так и важнейшей составляющей самоидентификации не только личности, но общества в целом: «Зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [9, с. 10].

Говоря о проблеме конструирования исторической памяти, следует изначально обратить внимание, как минимум, на следующие моменты: источники исторической информации (то есть способы фиксации и преобразования таковой), механизмы ее трансляции и влияющие на это факторы. Среди основных источников исторической памяти выделяют историческую науку, искусство, литературу и, несомненно, личный опыт, устного или документированного характера (источники личного происхождения – это преимущественно мемуары, воспоминания, письма и пр.). Механизмами трансляции могут выступать СМИ, система образования, «места памяти» и устные коммуникации. Факторы имеют наиболее существенное значение из всего обозначенного, так как именно они во многом задают направленность и определяют дальнейшее развитие исторического сознания в том или ином ключе. Такими факторами являются идеология, религия, политика, рынок, информационные технологии. Они демонстрируют характеристики и особенности информационной среды и культуры общества на определенный исторический момент. «Роль факторов состоит в том, что они регулируют актуализацию, отбор, интерпретацию, доступность исторической информации, т. е. фактически управляют историческим сознанием и исторической памятью» [4, с. 247].

В любой культуре, в любом этносе длительное время с момента их образования наиболее частым и главным способом формирования базы для исторической памяти являлся «устный канал информации», то есть личностный опыт

людей и бытовавшие технологии передачи опыта – от очевидца к слушателю. В дальнейшем с развитием общества, технологий, учитывая разнообразные поворотные моменты мировой истории, данный способ стал подкрепляться и даже трансформироваться под влиянием, в первую очередь, вышеотмеченных факторов. Люди научились управлять исторической памятью.

Прежде чем перейти к сравнительному анализу конкретных феноменов мы будем отталкиваться от следующего определения исторической памяти: Историческая память – это неотчуждаемое массовое осознание обществом своего положения в истории не только с помощью сохранения памяти о победах и благоприятных поворотах истории существования народа, страны, но и с учетом «погибших всех кровавых расправ, счисления всех ужасов страны» [11]. Позволяя убеждать себя под влиянием различных факторов (в первую очередь политических игр и манипуляций) в том, что историческая память, доставшаяся обществу непомерными жертвами, нечеловеческими усилиями и немалым количеством времени, была ошибочной или не была сформирована в целом, мы тем самым оскверняем память тех, кого с нами уже нет, наших предков, и придаем нейтральный, а порой и негативный характер всему тому, что мы отдали и что потеряли. Историческая память изменчива, как и отношение к ней, однако следует понимать, какой ценой достался путь, сопровождавший процесс ее конструирования, осознавать, что его не вычеркнуть, не стереть.

Ярким примером общности, историческую память которого старательно пытались похоронить в потоке бесконечных вооруженных столкновений, является народ Колумбии. Развязанная в 1948 г. либеральной и консервативной партиями страны гражданская война (период носит наименование «Ла Виоленсия», что в переводе с испанского означает «насилие»), через десять лет вспыхивает вновь в виде конфликта между правительством и повстанцами из ФАРК (леворадикальная повстанческая группировка Колумбии), и завершается только 29 августа 2016 года подписанием мирного соглашения. Продолжительное противостояние уносит жизни 605 тысяч человек, лишает своих домов около 7 миллионов. Столица и регионы Колумбии более полувека наблюдали бесчисленное количество кровавых государственных переворотов. Теперь, с завершением самого продолжительного вооруженного конфликта в Латинской Америке, перед нацией поднимается вопрос самоидентификации с целью предотвращения войн подобного рода в будущем.

Современная Колумбия нуждается в реконструкции исторической памяти, в понимании того, что ее предназначение вовсе не состоит в нескончаемой битве, в состоянии братоубийственной войны. Данная потребность осознается и самими колумбийцами. По словам известной колумбийской художницы и скульптора современности Дорис Сальседо, «... у нас есть право на искусство, культуру, право думать, размышлять, осознавать, что мы, колумбийцы, имеем возможность самовыразиться иным способом, вне войны, мы можем заниматься другими вещами...» (пер. с исп. мой – П.И.) [11].

Дорис Сальседо живет и работает в столице Колумбии, и в настоящее время является одним из самых востребованных скульпторов. Ее произведения можно смело сравнить с поэтическими мемориалами жертв насилия, вооруженных конфликтов и вынужденной внутренней миграции. Посредством акций и инстал-

ляций сеньоры Сальседо общество выражает скорбь по жертвам затянувшегося смутного времени Колумбии: «Мое искусство помогает стране выразить накопившуюся печаль» [3]. В силу своего авторитета и осознания самим народом необходимости сохранения памяти скульптору под силу призвать жителей страны к всеобщему шагу в направлении реконструкции исторической памяти, призвать к миру во имя погибших или, со слов Сальседо, «отсутствующих».

Самой масштабной акцией, проведенной по инициативе и благодаря Сальседо на фоне общественной кампании в поддержку ратификации мирных соглашений между правительством страны и повстанцами ФАРК, стала «Объединяя Отсутствующих» (“Sumando Ausencias” – пер. с исп. мой – П.И.). 11 октября 2016 года главная площадь Боготы, столицы Колумбии, – площадь Боливара облачилась в белый. Дорис Сальседо покрыла ее лоскутами из белой ткани, вручную сшитыми между собой в единый многометровый саван (7000 квадратных метров). На каждом отрезке были написаны пеплом имя и фамилия жертвы 52-летней гражданской войны в Колумбии. Примечательность акции в том, что художница привлекла к ней население.

Участие в данном перформансе приняли тысячи людей – именно они указывали на лоскутах имена «отсутствующих» (сами имена выбирались случайным образом), и далее в течение всего дня приносили и укладывали прямоугольные отрезки ткани на площади, где вместе с организаторами вручную сшивали их между собой. Пепел «двигался» по мере того, как двигалась сама ткань, разносился по ветру, оставляя имена менее заметными на лоскутах: «Имена плохо видны, они почти стертые, потому что мы уже начинаем забывать о погибших в результате актов насилия и жестокости», – отмечает Дорис Сальседо в интервью в день проведения акции. Процесс соединения отрезков 10 тысячами жителей столицы был представлен актом искупления, воплощением желания народа «связать общество воедино и соткать основу для мирной жизни», «объединяя отсутствующих», объединиться самим и, сохраняя память о покинувших нас, во имя принесенной ими жертвы уберечь страну впредь от вооруженных конфликтов. Дорис Сальседо также обозначила: «Я провела всю жизнь, объединяя отсутствующих, с целью показать, что жертвы не застыли в молчании, не остались в одиночестве» (пер. с исп. мой – П.И.) [17]. И молят о мире. Это был не только шаг к реконструкции исторической памяти, но это был символический шаг в поддержку мира, «мощное художественное послание о желании колумбийского народа жить в мире» [17].

В подобного рода мероприятиях и акциях, направленных на поддержание или реконструкцию исторической памяти, вовлечение широких слоев населения имеет важнейшее значение. Еще Хальбвакс в своих работах отмечал, что «память способна выдержать испытание временем, лишь опираясь на социальный контекст» [14, с. 123]. Индивидуальные образы и представления о прошлом не являются долговечными, а без систематической групповой поддержки они и вовсе исчезают. В действительности, когда огромное количество людей собирается вместе и создает что-то «живое» (к примеру, «Объединяя отсутствующих», «Бессмертный полк» и пр.), оживает и память – те, кто есть, объединяются, связывая и воссоединяя тех, кого уже нет. Таким образом сплетаются нити исторической памяти.

Следует обратиться ко второму ранее указанному примеру – акции или движению «Бессмертный полк» в России, целью которого является сохранение исторической памяти, в частности, о поколении Великой Отечественной войны¹. Каждый год 9 мая в День Победы тысячи людей в разных городах мира (народное движение охватывает более 80 государств и территорий) образуют живую колонну, в которой шествующие по улицам городов и других поселений возвышают над собой фотографии своих родных, принявших участие в Великой Отечественной войне, но ушедших из жизни. Можно расценить данную акцию как некий акт скорби, подобный колумбийской «Объединяя Отсутствующих». Однако участники движения не говорят исключительно о боли. Они говорят скорее о радости на фоне гордости, о коллективной причастности к подвигам предков. Так люди благодарят «отсутствующих» и отдают дань их памяти.

В связи с тем, что «живая память» о событиях 40-х гг. XX вв. естественным образом постепенно покидает нас, появляется необходимость сохранения исторической памяти, собранной из личных воспоминаний каждого если не о событиях, то о своих родных, бывших свидетелями данных событий. «Бессмертный полк» – не просто единичная акция: дань памяти уже трансформировалась в традицию, которую каждый год поддерживает, «питает» все большее количество людей по всему земному шару. Пока всего лишь на день, но народы объединяются, становятся единым целым.

Следует отметить, что культурно-политический контекст российской акции коренным образом отличается от колумбийского. «Бессмертный полк» скорее всего выступает как акт коллективного поддержания уже сформированной исторической памяти, колумбийцы скорее нуждаются в реконструкции таковой, на что и направляют свои усилия известные деятели культуры, в частности Дорис Сальседо.

События и результат Великой Отечественной войны позволили России занять определенную позицию в мировой истории, которую старательно пытаются в настоящее время опровергнуть и исказить в ходе политических игр на международной арене. В связи с этим появляется необходимость постоянно напоминать о роли России в освободительной борьбе против нацизма, о том, что и как в действительности произошло 75 лет тому назад.

События крайне долгой гражданской войны в Колумбии далеко не способствовали укреплению исторической памяти страны, а наоборот, были преданы разрушению, подвергнуты попыткам стереть память о них. В российском же социуме память о трагических событиях Великой Отечественной войны не была подвергнута серьезной ревизии, несмотря на некоторые предпринимаемые попытки, совершаемые в данном направлении со стороны внутренних и внешних

¹ Движение «Бессмертный полк» зародилось в 2011 году в Томске по инициативе журналистов Сергея Лапенкова, Сергея Колотовкина и Игоря Дмитриева. В Уставе Полка были сформулированы принципы движения как некоммерческой, неполитической, негосударственной гражданской инициативы. Впервые акция была проведена 9 мая 2012 года в Томске и с каждым годом набирала все больший успех, во многом также благодаря СМИ. На момент 2016 года в акции были задействованы 42 страны – движение стало международным.

оппонентов. Помимо этого, Великая Отечественная война окончилась победой СССР и, таким образом, несмотря на огромные потери, способствовала укреплению исторической памяти российского народа. Колумбийская же историческая память нуждается в своем восстановлении и обретении устойчивости с целью предотвращения в дальнейшем продолжительных конфликтов и смут.

Очевидно, что современность демонстрирует нам необходимость не только дальнейшего рассмотрения политики памяти, но и практического сохранения таковой. Считается, что история ничему не учит, однако это происходит лишь потому, что мы позволяем ее модифицировать, видоизменять, подстраивать под те или иные политические решения. Сохранение, охранение исторической памяти является необходимым противовесом от возможных повторов тех страниц истории, куда мы до сих пор не желаем заглядывать. Помимо всего прочего, историческая память может послужить гарантом мира. Каждый народ обладает своей памятью и тем, о чем он обязан помнить и напоминать самому себе. При этом, оберегая историческую память, мы не пренебрегаем уплаченной ценой, понесенными утратами, жертвами, число которых с каждым новым днем увеличивается. «Отсутствующие» – часть исторической памяти, именно они, их отсутствие, напоминают нам о том, что наше прошлое реально, «вдыхают жизнь» в зачастую формальные исторические документы, архивные данные и даже памятники, дают нам знать, что все это было, существовало в действительности, подсказывают, насколько необходимо помнить и охранять эту память от внешнего воздействия.

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 370 с.
2. Давлетшина Д.Г. Социальная память как основа нравственности человека: Автореф. дис. канд. философ. наук. Уфа, 2006. – 18 с.
3. Интервью Дорис Сальседо при проведении тура по Боготе и своей художественной студии для журналистов газеты «Guardian» в рамках проекта «Художник и его город» от 26 июля 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/cities/video/2016/jul/26/artist-doris-salcedo-bogota-forces-work-brutal-video?CMP=embed_video.
4. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2013. – № 3 (117). С. 243–256.
5. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_option=0&.
6. Миллер А.И. Политика памяти в России, странах ЕС и государствах постсоветского пространства: типология, конфликтный потенциал, динамика трансформации (стенограмма дискуссии). [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_option=0&.
7. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас.

2005. – № 2–3 (40–41).

8. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Издательство С. – Петерб. ун-та, 1999. – 328 с.

9. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.

10. Рикёр П. Память. История. Забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

11. Устный ответ колумбийской художницы Дорис Сальседо как реакция на пост в Twitter колумбийского политика Клаудии Лопес от 11 октября 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/ClaudiaLopez/status/786024986544922624>.

12. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 424 с.

13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. – № 2–3 (40–41).

14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

15. Яхшиян О. Историческая политика на Украине в президентство В.А. Ющенко. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26739895>.

16. Hervieu-Léger D., Willaime J.-P. Sociologies et religion: Approches classiques. Paris: PUF, 2001. – 289 p.

17. Malagón Llano S. “Me he pasado toda la vida sumando ausencias”. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.semana.com/nacion/articulo/acto-simbolico-de-doris-salcedo-en-la-plaza-de-bolivar/498091>.

18. Nora P. Les Lieux De Memoire 3 Volumes. Paris: GALLIMARD, 1997. – 720 p.

References

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokix kul'turax drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. – 370 s.

2. Davletshina D.G. Social'naya pamyat' kak osnova npravstvennosti cheloveka: Avtoref. dis. kand. filosof. nauk. Ufa, 2006. – 18 s.

3. Interv'yu Doris Sal'sedo pri provedenii tura po Bogote i svoej xudozhestvennoj studii dlya zhurnalistov gazety «Guardian» v ramkax proekta «Xudozhnik i ego gorod» ot 26 iyulya 2016 goda. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.theguardian.com/cities/video/2016/jul/26/artist-doris-salcedo-bogota-forces-work-brutal-video?CMP=embed_video.

4. Mazur L.N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. 2013. – № 3 (117). S. 243–256.

5. Miller A. I. Politikapamyati v postkommunisticheskoy Evropeiee vozdejstvie na evropejskuyu kul'turu pamyati. [E'lektronnyj resurs]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_

option=0&.

6. Miller A.I. Politika pamyati v Rossii, stranax ES i gosudarstvax postsovetskogo prostranstva: tipologiya, konfliktnyj potencial, dinamika transformacii (stenogramma diskussii). [E'lektronnyj resurs]. URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=251160&show_refs=1&pubrole=100&show_option=0&.

7. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati // Neprikosnovennyj zapas. 2005. – № 2–3 (40–41).

8. Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh., Vinok M. Franciya-pamyat' / Per. s fr. D. Xapaevoj. SPb.: Izdatel'stvo S. – Peterb. un-ta, 1999. – 328 s.

9. Repina L.P. Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki). M.: GU VShE', 2003. – 44 s.

10. Rikyor P. Pamyat'. Istoriya. Zabvenie. M.: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 2004. – 728 s.

11. Ustnyj otvet kolumbijskoj xudozhnicy Doris Sal'sedo kak reakciya na post v Twitter kolumbijskogo politika Klavdivii Lopes ot 11 oktyabrya 2016 goda. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://twitter.com/ClaudiaLopez/status/786024986544922624>.

12. Xatton P.X. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Vladimir Dal', 2004. – 424 s.

13. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. – № 2–3 (40–41).

14. Xal'bvaks M. Social'nye ramki pamyati / Per. s fr. i vstup. stat'ya S.N. Zenkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2007. – 348 s.

15. Yaxshiyani O. Istoriicheskaya politika na Ukraine v prezidentstvo V.A. Yushhenko. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26739895>.

16. Hervieu-Léger D., Willaime J.-P. Sociologies et religion: Approches classiques. Paris: PUF, 2001. – 289 p.

17. Malagón Llano S. “Me he pasado toda la vida sumando ausencias”. [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.semana.com/nacion/articulo/acto-simbolico-de-doris-salcedo-en-la-plaza-de-bolivar/498091>.

18. Nora P. Les Lieux De Memoire 3 Volumes. Paris: GALLIMARD, 1997. – 720 p.

UDC 323.17

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.5869

POLITICAL-CULTURAL PHENOMENON OF HISTORICAL MEMORY (Based On the Examples of the Colombian Action “Uniting Absentees” And the Russian “Immortal Regiment”)

Igoshina Polina Antonovna,

Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Political Science,
Student,
Moscow, Russia,
E-mail: poligoshinka@mail.ru

Annotation

The article considers, in determining definition of “historical memory”, the development of the term in the historical and socio-political spheres of science, its use in the context of modernity, the appropriate conclusions on the application of this phenomenon to political and socio-cultural changes in the world are given. The situations in Colombia and Russia are used as examples of different possible states of the phenomenon depending on the distinct peoples. The comparative analysis of the states of this phenomenon and the events and actions hosted in these countries is undertaken.

Keywords:

historical memory, social memory, collective memory, social construct, realms of memory, living memory, era of the worldwide celebration of memory, La Violencia.

УДК 130.31
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.7076

НЕПОЛНОТА ЧИСТОГО РАЗУМА: ЭСТЕТИКА, RATIO, INTUITION

Каюмов Айдар Талгатович,

Московский государственный лингвистический университет,
заведующий кафедрой философских наук,
доктор философских наук, профессор,
Москва, Россия,
E-mail: atkayum@gmail.com

Маслова Анастасия Владиленовна,

Московский государственный лингвистический университет,
кафедра философских наук,
кандидат философских наук, доцент,
Москва, Россия,
E-mail: an_maslova@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу происхождения эстетики на глубинном уровне сознания человека. За основу берутся три работы выдающихся мыслителей – И. Канта, К. Г. Юнга и М. М. Бахтина, – образуя триалог, направленный на выяснение происхождения эстетических категорий, которые находятся на краю интуитивного суждения вкуса и рационального облекания его в конкретном произведении. Подчеркиваются различия в подходах и способах мышления трех рассматриваемых мыслителей, что позволит создать целостное представление о феномене эстетики.

Ключевые слова:

эстетика, способность суждения, коллективное бессознательное, интуиция, поступок, рациональность, симпатия.

Демаркация эстетики и выявление ее особенностей

Эпистемологический дискурс ограничивается обычно анализом когнитивных способностей человека, которые предназначены для лучшего познания действительности. Однако еще Сократ вывел гносеологию за пределы *cogito*, Декарт же в свою очередь вернул ее в свои изначальные рамки. Сегодня, в век преодоления Декарта, возникает новый топос философии: поиск границ рационального. Причем рациональное обозначает не только когнитивную деятельность, но напрямую связанный с рацией, практический разум. Феномен свободной автономной разумной воли выражает истину Сократа о необходимой связи знания, когниции и поступка, этика вбирает в себя в качестве своего основания разумный принцип. Но возникает вопрос, откуда берет эта разумная воля те правила, следуя которым человек становится нравственным субъектом? Априори тоже имеет свое основание, будь то в природе, генетике, образовании (как это было для Канта), традиции, там, где информация о добре и зле могла проявиться.

Закон более глубоко вложен в сознание человека, чем мы можем предполагать, это внутренняя потребность создавать правила гармонии и справедливости, которые когда-то были созданы. Для нас представляет интерес сопоставление третьей критики Канта «Критики способности суждения» с идеей К.Г. Юнга о коллективном бессознательном и концепции интерпретации художественного произведения у М.М. Бахтина в его модели взаимодействия автора и героя в процессе создания художественного произведения. Три базовых направления философской рефлексии мы попытаемся показать в их генуинном единстве, пересекая границы гносеологии, этики и эстетики, в частности, в понятии интуиции.

В стихии эстетического происходит преодоление границ рационального, открытие *intuitio*, где поступок, эстетический акт понимания произведения и суждения сливаются в единое событие бытия. Отсутствие понятия, посредством которого кажется только можно передать смысл, подразумевает безмолвную стихию сознания, где изречение становится саркофагом мысли.

Кромка рациональной оболочки мышления подобна неравномерной складке, изгибы которой вмещают подлинную границу эстетики, ее внерациональную основу. Феномен эстетического восприятия связывает глубинные пласты сознания и психики человека. К.Г. Юнг даст имя этому феномену «коллективное бессознательное», которое является, с одной стороны, аналогией с моментом суждения по Канту, и, одновременно, интуитивным когнитивным процессом. Здесь мы обнаруживаем процесс преодоления рации в эстетическом пространстве диалога-понимания.

И. Кант рассматривает эстетику как область, порожденную одной пограничной способностью человеческого сознания, которая связывает рассудок и разум в неуловимом акте суждения об искусстве. «Способность суждения своим априорным принципом в суждении о природе по ее возможным част-

ным законам дает ее сверхчувственному субстрату (как в нас, так и вне нас) определяемость посредством интеллектуальной способности. Разум же своим априорным практическим законом дает этому субстрату определение: таким образом способность суждения делает возможным переход из области понятия к области понятия свободы» [3, с. 37]. Для нас принципиально важным является момент перехода от природы к свободе, от феноменального к ноуменальному, процесс его открытия. Кант строит метаэстетическую теорию, детализируя мельчайшие акты сознания под микроскопом критической рефлексии. Он исходит из стремления понять закономерность процесса эстетического суждения, поместить его творческую силу в рамки рациональной телеологии, подчинив ее воле. Однако способность суждения тут же сама заявляет о себе, разрывая оковы разумной воли, прорываясь к свободе, о чем пишет немецкий философ. Это область чистой свободы, где наивность не является недостатком знаний, напротив, чем меньше знаний, тем прозрачнее и чище суждение.

Более того, эстетика призвана оживить душу, заставить ее узреть красоту там, где по природе есть лишь уродство и отвращение. Суждение вкуса с эпистемологической точки зрения нецелесообразно, оно не стремится к познанию, оно выражает уже схваченную сверхчувственную сущность вещи, минуя фильтр рациональности. Такова работа интуиции как когнитивной способности мгновенно проникать в суть предмета, не спотыкаясь о сомнения чистого разума.

Красота не существует сама по себе, подобно добру и злу она является конструктом разума, однако в отличие от своих этических инкарнаций, феномен красоты рефреном проходит через все культуры, на каких бы стадиях развития они бы не существовали. Категории эстетики происходят из корней культуры, граничащих с бесконечной почвой питающего их хаоса. Упорядочение этого хаоса находится за пределами стихии эстетического, подобно тому, как автор, приступающий к описанию своего отношения к герою, тут же выпадает из магического круга неслиянности и нераздельности с созданным им самим героем. Категоричную позицию относительно эмоционально-волевых составляющих высказывает М. М. Бахтин, когда совершает необходимый для объективного анализа героя водораздел между автором-творцом, автором-человеком и целым героем – «...[герой] видит свое творчество только в предмете, который он оформляет, т. е. видит только становящийся продукт творчества, а не внутренний психологически определенный процесс его» [1, с. 90]. Здесь нужно указать на необходимость изначальной этической установки на пороге вхождения в стихию героя¹. Высказывания о герое и попытки сравнить характеры автора с созданной им цельностью *post factum* происходят в ведомстве способности суждения, пересекаясь с этикой и личностной оценкой *ad hoc*. Хотя этическая установка предшествует самому творческому акту в осознании ответственности искусства, она не участвует в непосредственном сотворении образа героя.

Таким образом, перед нами предстают два направления работы интуиции. В начале это создание концепта, уплотненного до изначальной точки, аккумулирующей силу воплощения этой первичной интуиции в образе героя. Далее

¹ Под стихией героя подразумевается процесс конструирования цельной личности, которая одновременно инкорпорирована в сознание автора, но не является его проекцией.

работа интуиции продолжается в осуществлении симпатической связи автора и героя, творца и творимой им целостности. Если первичный акт выбора темы и создания концепта может быть соотнесен с понятием философской интуиции, разработанным А. Бергсоном [4], то напряженное симпатическое единство в процессе творческого акта создания произведения искусства исходит из иных установок, выходящих за пределы эпистемологического дискурса.

Sympatis

Реализация «субъективного общезначимого априорного принципа» содержит внутреннее противоречивое состояние, которое находится в субъекте и составляет, по словам И. Канта, «...сверхчувственный субстрат всех его способностей (которых не достигает рассудочное понятие), следовательно, то, по отношению к чему привести в соответствие все наши познавательные способности есть последняя цель, поставленная умопостигаемым началом нашей природы» [3, с. 186]. Таким образом сама природа посредством субъекта создает предмет эстетического созерцания, выводя его на суд бытия. Подобно тому, как язык вырывает из небытия сущность вещи, «каждая сотворенная вещь пребывает в ожидании своего имени, поскольку без него останется невидимой и нежизнеспособной...» [2, с. 49]. Свобода творчества становится лишь миражем в пустыне сознания на пути к выражению заранее данного природой смысла. Здесь мы не будем развивать тему свободы в процессе эстетического творчества, т. к. это требует отдельного исследования. В данной работе рассматривается одна грань проявления свободы – это понятие закона в эстетической деятельности. Парадоксальность действия закона лежит в его основании, в сфере воли и разума, не связанной, по Канту, с чувственным опытом апперцепирования, т. е. свободной от мира вещественного, подручного.

Закон симпатической связи играет исключительную роль не только в создании произведения, но и в акте созерцания и вынесении суждения, а также в акте самопознания. Выход за пределы самого себя для познания самого себя осуществляется в эстетической деятельности «чтобы перевести себя с внутреннего языка на язык внешней выраженности и вплести себя всего без остатка в единую живописно-пластическую ткань жизни, как человека среди других людей, как героя среди других героев...» [1, с. 111]. Эстетическое опрокидывается на познание самого себя, где происходит особого рода раздвоенность, происходящая в процессе эмпатии посредством наличия симпатической связи. Две направленности симпатии нам предстоит разобрать, одна из которых есть создание героя и замысла произведения, вторая происходит в момент вынесения суждения при созерцании и погружении в произведение.

Позиция сознания автора в акте творчества может характеризоваться словами швейцарского психолога и мыслителя К.Г. Юнга: «Он сам и есть свое собственное творчество, весь целиком слился с ним, погружен в него со всеми своими намерениями и умениями» [8, с. 104]. Однако здесь нет сотворения своей личности, но эквивокальное (двойственное) слияние, позволяющее произвести новую личность, образ в художественном произведении. Здесь происходит интуитивное соприкосновение с областью протипического, архетипического пространства сознания, той сверхчувственной сущностью,

которая мерцает в открытом бытии автора. В этот момент автор дает выражение не своему alter ego, а внутренней истине, заложенной в природе а priori. Достижение этой истины заключается в резонировании с создаваемым автором образом, с которым только и возможна интуитивная связанность. Резюмируя сказанное, приведем высказывание М. М. Бахтина, в котором соединены мысли И. Канта о сущности эстетического суждения с идеей необходимого погружения в стихию творчества К. Г. Юнга: «Не изнутри нее (внутреннее переживание жизни – прим. авторов) создается и оправдывается эстетическая форма, как ее адекватное выражение, стремящееся к пределу чистого самовысказывания (высказывание имманентного отношения к себе самому одинокого сознания), но извне навстречу ей идущей симпатией, любовью, эстетически продуктивной, в этом смысле форма выражает эту жизнь, но творящим это выражение, активным в нем является не сама выражаемая жизнь, но вне ее находящийся другой – автор, сама же жизнь пассивна в эстетическом выражении ее» [1, с. 156]. В продуктивном мышлении автора рождается новый мир, не сводимый к его актуальной внутренней психической жизни. Так работает архетип, вырывающийся наружу в творческом порыве, несмотря на то, что он лишь возможность, в эстетике он претворяется в жизнь, где автор облекает его в смысловую плоть.

Sensus communis aestheticus представляет собой обратную сторону той же медали эстетического действия, которое реализуется в момент безмолвного суждения, когда рассудок, упорядочивающий действительность, отступает перед всеобщим и одновременно индивидуальным авторским смыслом. Это то, что И. Кант назовет общим чувством или «...способностью судить о том, чему наше чувство в данном представлении придает всеобщую сообщаемость без опосредствования понятием» [3, с. 136].

Индивидуальное созерцающее сознание попадает в единое смысловое поле, связывающее другие сознания, образуя среду для беспонятийного понимания. Такая среда может быть названа коллективным бессознательным, в котором проформы активно выражают самих себя независимо от воли автора и созерцателя. Здесь мы видим два разных способа описания одного и того же двунаправленного эстетического процесса. К. Г. Юнг исходит из интуиции границы бессознательного мира и мира сознания. И. Кант в свою очередь отрицает наличие интеллектуальной интуиции, но эстетическое суждение влечет его на преодоление границ собственной мысли, подчиняющей анализ правилам ratio.

Третья позиция принадлежит М. М. Бахтину, который настаивает на наличии симпатической связи, интуитивном внутреннем диалоге автора с героем и в итоге автора через героя с созерцателем – читателем. Претворение эстетического смысла содержит в себе игру воображения, мечты, которые должны дистанцироваться от личности автора и стать иным, воплощенным в произведении.

Следующий этап эстетического анализа произведения лежит в области социологии искусства, когда мы вполне оторваны от глубинных пластов сознания автора, но сосредоточены на взаимосвязи объективированного содержания его сознания и появления новых смыслов в обществе, которые могут существовать параллельно истинным замыслам автора [5].

Epilogue

Рассмотрев три позиции разных мыслителей по отношению к эстетической деятельности и эстетике в целом, можно сделать вывод, что несмотря на стремление подчинить деятельность сознания заданным правилам, мы неизбежно выйдем на глубинный уровень душевной жизни, где происходит формирование этих правил, очерчивающий границы закона и свободы. Область эстетики является наиболее интересной для философско-психологического анализа работы сознания, где проявляется когнитивная способность интуиции. Проведенный в настоящей статье сравнительный анализ представлений об эстетике И. Канта, К.Г. Юнга и М.М. Бахтина, позволил нам выявить ряд отличительных и схожих черт подходов данных мыслителей к пониманию сущности эстетического действия.

1. Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Издательство русские словари, М.: Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
2. Бразговская Е. Чеслав Милош: язык как персонаж. М.: Летний сад, 2012. 176 с.
3. Кант И. Сочинения. В 8-ми томах. Т. 5. М.: Чоро, 1994. 414 с.
4. Маслова А.В. Дискурс, археология знания и интуиция: М. Фуко и А. Бергсон // Вестник МГЛУ. Выпуск 11 (804), 2018. С. 274–283.
5. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: Москва, 2008. 189 с.
6. Щитцова Т.В. Событие в философии Бахтина. Мн.: И.П. Логвинов, 2002. 300 с.
7. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
8. Юнг К.Г. Собрание сочинений: В 19 т. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. 320 с.

References

1. Baxtin M.M. Sobr. soch. T. 1. Filosofskaya e'stetika 1920-x godov. M.: Izdatel'stvo russkie slovari, M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. 955 s.
2. Brazgovskaya E. Cheslav Milosh: yazyk kak personazh. M.: Letnij sad, 2012. 176 s.
3. Kant I. Sochineniya. V 8-mi tomah. T. 5. M.: Choro, 1994. 414 s.
4. Maslova A.V. Diskurs, arxeologiya znaniya i intuiciya: M. Fuko i A. Bergson // Vestnik MGLU. Vypusk 11 (804), 2018. S. 274–283.
5. Ortega-i-Gasset X. Degumanizaciya iskusstva. Besxrebetnaya Ispaniya. M.: AST: Moskva, 2008. 189 s.
6. Shhitcova T.V. Sobytie v filosofii Baxtina. Mn.: I.P. Logvinov, 2002. 300 s.
7. Yung K.G. Arxetip i simvol. M.: Rennsans, 1991. 304 s.
8. Yung K.G. Sbranie sochinenij: V 19 t. T. 15. Fenomen duxa v iskusstve i nauke. M.: Rennsans, 1992. 320 s.

UDC 130.31

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.7076

IMPERFECTION OF PURE INTELLIGENCE: AESTHETICS, RATIO, INTUITION

Kayumov Ajdar Talgatovich,

Moscow State Linguistic University,
Department Of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: atkayum@gmail.com

Maslova Anastasia Vladilenovna,

Moscow State Linguistic University,
Department of Philosophy,
PhD of Philosophy, Assistant Professor,
Moscow, Russia,
E-mail: an_maslova@inbox.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of the origin of aesthetics at the deep level of human consciousness. Three works of outstanding thinkers, I. Kant, K.G. Jung and M.M. Bakhtin, are taken as a basis, forming a dialogue aimed at elucidating the origin of aesthetic categories, which are on the edge of intuitive judgment of taste and its rational externalize in a particular work. The differences in the approaches and ways of thinking of the three thinkers under consideration are emphasized, which will allow to create a holistic view of the phenomenon of the aesthetic.

Keywords:

aesthetics, ability of judgment, collective unconscious, intuition, action, rationality, sympathy.

УДК 37.032

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.7785

ТЕОРИЯ КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ ИЛИ ЭСКИЗ КАРТИНЫ РЕГРЕССА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Яркова Елена Николаевна,

Тюменский государственный университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
Тюмень, Россия,
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена фальсификации теории клипового мышления. Рассматриваются атрибуты клипового мышления: алогичность, эмоциональность, фрагментарность, нелинейность, мультиканальность, нацеленность на развлекательный контент. Утверждается, что редукция мышления «цифровых аборигенов» к клиповому мышлению недопустима, что поколение «цифровых аборигенов» составляют не только носители клипового мышления, но и носители мышления цифрового. Последнему свойственны алгоритмичность, модульность, рациональность, многозадачность, оценка информации как высшей ценности.

Ключевые слова:

клиповое мышление, цифровое мышление, цифровые аборигены.

Понятие «клиповое мышление» в современном отечественном научно-педагогическом дискурсе занимает особое место. Если попытаться составить топ популярности теорий, разрабатываемых российскими гуманитариями, то, думаю, одно из первых мест заняла бы теория «клипового мышления». При этом, судя по всему, научный приоритет в создании этой теории принадлежит отечественным ученым. Во всяком случае, попытки обнаружить англоязычные тексты, посвященные феномену «клипового мышления» («clip thinking»), не увенчались

серьезным успехом¹. Конечно, этому можно только порадоваться, поскольку одним из «слабых мест» российской социально-гуманитарной науки, является, как известно, склонность к заимствованию западных теорий, концепций. Однако радость, вызванная тем фактом, что российские гуманитарии вполне способны мыслить самостоятельно, омрачается осознанием того, что теория клипового мышления «step-by-step» превращается в некую универсальную объяснительную конструкцию, к которой апеллируют в поисках причин самых разнообразных негативных явлений и процессов. Клиповое мышление превращается в своего рода «козла отпущения», на которого сваливают все грехи. Падение качества образования, межпоколенческий ресентимент, интеллектуальная деградация молодежи, социальный цинизм, эйджизм рассматриваются как последствия диффузии клипового мышления. Чтобы не быть голословной, приведу несколько взятых наугад из Интернета заголовков: «Клиповое мышление: пришел, увидел, забыл», «Клиповое мышление и массовая деградация», «Люди с клиповым мышлением элитой не станут», «Чем опасно клиповое мышление и как с ним бороться», «Клиповое мышление искажает реальность мира», «Клиповое мышление грозит катастрофой», «Люди экрана, или Клиповое мышление молодежи», «Клиповое мышление: как молодежь воспринимает информацию».

В приведенных высказываниях особенностораживают суждения, в которых ставится знак равенства, с одной стороны, между клиповым мышлением и мышлением молодежи, с другой стороны, – между клиповым мышлением и интеллектуальным декадансом.

В настоящей статье я попытаюсь ответить на следующие вопросы. Является ли теория клипового мышления научной теорией? К какому классу объектов применима эта теория? Каковы практические последствия реализации стратегий деятельности, сформированных на основании этой теории?

Что касается методологии исследования, то сама постановка проблемы отсылает нас к концепции критического рационализма К.Р. Поппера, полагающего, что самым надежным способом демаркации науки и ненауки (мифологии, идеологии) является метод фальсификации – перманентного опровержения научных теорий.

Процедуру фальсификации теории клипового мышления логично начать с обращения к её генезису. Сторонники теории клипового мышления, говоря о ее истоках, зачастую, апеллируют к А. Тоффлеру, утверждая, что именно ему принадлежит приоритет в открытии клипового мышления [12, с. 270]. Обратимся к Тоффлеру. В работе «Третья волна» Тоффлер выделяет три глубинных сдвига или волны в жизни общества: аграрный, индустриальный, постиндустриальный. Атрибутом Третьей волны, по убеждению Тоффлера, являются демассифицирующие медиа, посредством которых люди обмениваются разнообразной информацией, представленной разнообразными образными рядами. Так рождается «клип-культура», состоящая из разорванных, противоречащих друг другу образных информационных рядов. В сущности, «клип-культура» есть продукт

¹ Относительно популярную в евро-американской науке теорию «mosaic thinking», позиционирующую постмодернистское нелинейное мышление современного молодого поколения как творческое, едва ли можно рассматривать как идентичную теории клипового мышления [17].

диверсификации информации, которая предстает в разорванном, фрагментарном виде. Люди Второй волны критикуют бедлам клип-культуры. Люди Третьей волны, напротив, чувствуют себя неплохо под бомбардировкой блицев, они учатся создавать свои собственные «полосы» идей из разорванного материала, который обрушивают на них новые медиа. Тоффлер полагает: «Сейчас мы не получаем готовую ментальную модель реальности, мы вынуждены постоянно формировать ее и переформировывать. Это ложится на нас тяжелым грузом, но это же ведет к большей индивидуальности, демассификации как личности, так и культуры. Некоторые из нас ломаются под таким давлением, отступают, испытывая апатию или гнев. Другие постоянно растут, формируют себя и становятся компетентными, грамотными людьми, способными работать на высшем уровне» [14, с. 121–129].

Итак, речь у Тоффлера идет, во-первых, не о клиповом мышлении, а о клип-культуре, порожденной нарастанием сложности и разнообразия потоков информации, присущей современным медиа; во-вторых, – не о регрессе мышления, а о его прогрессе, выражающемся в способности воспринимать определенным образом упорядоченную информацию, выстраивать хаотичные потоки информации в некие логически организованные ряды. Разумеется, теория клипового мышления не сводится к концепции клип-культуры Тоффлера, поэтому необходимо пропустить через фильтры фальсификации и другие ее идеи и принципы. Жесткое ядро этой теории сводится к следующим постулатам.

Постулат первый. Клиповое мышление – один из продуктов цифровой революции. В России оно актуализируется в 1990-е годы с появлением персональных компьютеров и Интернета. Подлинными «клиповиками» являются люди, родившиеся в эпоху компьютеров, т. е. «цифровые аборигены». И. П. Березовская пишет: «У представителей нового, цифрового поколения другие способы информационного поведения по сравнению с предшествующими поколениями, а в связи с этим и новый тип мышления – клиповое» [2, с. 135]. Именно это положение содержит главную системную ошибку, суть которой заключается в отождествлении цифровизации и клиповизации как технологий обработки информации и, соответственно, идентификации «цифрового аборигена» как «клиповика». Необходимо сказать, что это, казалось бы, небольшое недоразумение вовсе не является безобидной неточностью, поскольку, в конечном счете, оно ведет к дискредитации цифровизации, квалифицируемой как процесс, связанный с интеллектуальной деградацией. Например, В. В. Нечунаев обозначает клиповое мышление как «цифровое слабоумие», «информационную псевдодобильность» [10].

Между тем, цифровизация и клиповизация – принципиально разные стратегии обработки информации. Цифровизация – математическая обработка информации, которая фиксируется посредством последовательности нулей и единиц, что позволяет выявить и систематизировать ее алгоритмы – содержательные и формальные порядки. Цифровизация неотделима от алгоритмизации мышления. Клиповизация – фиксация неких фрагментов информации, между которыми, как правило, нет логической связи. Клиповизация подобна алогичному «потоку сознания», в русле которого происходят разнообразные ассоциативные скачки, образуя цепь несвязанных между собою аффектов. Саму идею редукции мышления «цифровых аборигенов» к клиповому мышлению, едва ли можно

считать корректной, а тем более успешно прошедшей процедуру фальсификации. Очевидно, что армию «цифровых аборигенов» составляют не только «клиповики» – носители клипового мышления, но и «цифровики» – носители мышления цифрового.

Постулат второй. Клиповое мышление – мышление образно-эмоциональное, упаковывающее разнообразную информации в некую череду эмоционально окрашенных образов. Будучи аффективным, мышление «клиповика» фокусируется не на содержательных аспектах информации, но на ее яркости, парадоксальности. С.В. Докука указывает: «Современный тип цивилизации скорее всего можно назвать «цивилизацией эмоциональной», ведь созданные клиповым мышлением образы оцениваются не с рациональных и логических, а с эмоциональных и чувственных позиций, в терминах «нравится/не нравится» [4, с. 171]. При этом в качестве специфической особенности мышления «клиповика» исследователи определяют его неспособность к рациональным, логико-понятийным стратегиям обработки информации и, конечно, к рефлексии. «Мышление включает в себя способность устанавливать связи и отношения между познаваемыми объектами, делать обобщения, рассуждать, формировать выводы на основе каких-то фактов. Феномен клипового мышления подразумевает отсутствие этих способностей, т.е. информация есть, а способов ее обработки, возможностей делать умозаключения, объединять факты не наблюдается», – пишет Н.В. Азаренок [1, с. 112]. Представляется очевидным, что мышление «клиповика» является образно-эмоциональным, не менее очевидно, что рационализм – не его стихия. Однако рассматривать современную постиндустриальную, информационную, цифровую цивилизацию как эмоциональную, тем более возводить клиповое мышление в Абсолют как мышление большинства представителей молодого поколения, в научном плане – бесперспективная затея.

Постулат третий. Клиповое мышление – мышление фрагментарное, т.е. по определению бессистемное. У «клиповика» отсутствует не только целостная картина мира, но и сама способность создания неких системно организованных моделей реальности: «...При клиповом мышлении окружающий мир превращается в мозаику разрозненных, мало связанных между собой фактов, частей, осколков информации. Человек привыкает к тому, что они постоянно, как в калейдоскопе, сменяют друг друга и постоянно требуют новых» [11].

Можно целиком и полностью согласиться с утверждением, что мышление «клиповика» фрагментарно и бессистемно. Однако едва ли это утверждение работает по отношению к мышлению «цифровика». Исследователи цифровой культуры полагают, что одна из характерных ее особенностей – фрагментарность: не континуальная (в аналоговом режиме), но дискретная (в цифровом режиме) фиксация текстов превращает их из монолитной массы в некий набор сегментов. Отсюда вытекает другая характерная особенность цифровой культуры – ее модульность, возможность декомпозиции текста, внутренней перестановки его элементов [16, с. 49–65]. Мышление «цифровика» фрагментарно, поскольку он мыслит любой контент не континуально, а дискретно, с другой стороны, оно не бессистемно, но полисистемно, поскольку модульно.

Постулат четвертый. Клиповое мышление – мышление нелинейное, соскальзывающее. «Клиповик» не способен удерживать внимание на каком-либо одном объекте, он перескакивает с одного объекта на другой, не испытывая

дискомфорта от постоянной смены воспринимаемого контента. В.В. Горобец и В.В. Ковалева указывают: «...Под клиповым мышлением понимают быстрый и достаточно поверхностный процесс, позволяющий давать быструю ответную реакцию на быстро меняющуюся (как в клипе) обстановку или информацию... В подобных условиях нет «времени мозга» на переработку сенсорной информации, ее анализ» [3, с. 95].

Можно согласиться с утверждением, что мышление «клиповика» – есть мышление соскальзывающее; напротив, мышление «цифровика» соскальзывающим не назовешь. «Клиповик» перескакивает с одного контента на другой, вследствие чего единой нити рассуждений нет и не может быть. «Цифровик» же переходит от одного контента к другому, потому что в противном случае он потеряет нить рассуждений, которая в цифровом информационном пространстве сплетается из множества нитей.

Постулат пятый. «Клиповое мышление» – мышление мультиканальное. «Клиповик» обладает уникальной способностью иметь дело одновременно с разными потоками информации: «...Современный школьник, делая домашние уроки, одновременно беседует с товарищем по «скайпу», посылает «смс», может звонить кому-то, слушать одновременно музыку или смотреть телевизор» [13]. Мышление «клиповика» мультиканально, а «цифровика» многозадачно. Оно характеризуется способностью не просто перескакивать с одного на другое, но работать одновременно с разной информацией. Технически это реализуется, например, посредством мультимониторных систем, наличие которых открывает возможность осуществления одновременно нескольких проектов (например, дизайнерских). Такого рода проектный параллелизм становится одним из источников креативных идей.

Постулат шестой. Носитель «клипового мышления» потребительски относится к информации. Последнюю он рассматривает не как значимую часть человеческого капитала, но как развлекательный контент. Для «цифровика» информация есть высшая ценность, утрата какого-либо информационного контента – невосполнимая потеря, отсюда – защита информации, изобретение все более совершенных способов ее хранения. Такое отношение к информации отражается в современной информационной этике. Л. Флориди рассматривает информационную этику как часть экологической этики. Определяя Универсум как «инфосферу», он выдвигает фундаментальные принципы информационной этики: энтропия не должна проявляться в инфосфере, следует предупреждать ее появление, энтропию необходимо удалять из инфосферы, процветанию информационных сущностей, как и всей инфосферы, необходимо способствовать посредством сохранения, культивирования и обогащения их свойств [15].

Итак, теория клипового мышления делает очевидным тот факт, что «клиповик» и «цифровик» – два разных персонажа. Где же они обитают? Представляется очевидным, что их общая обитель – Галактика Интернет. М. Кастельс выделяет четыре слоя обитателей этой Галактики. Во-первых, это создатели Интернета – техноэлита: «Исторически Интернет создавался в академических кругах и обслуживающих их научно-исследовательских подразделениях, на профессорских «командных высотах» и в аспирантских «окопах» [5, с. 57]. Понятно, что научная деятельность не может зиждиться на клиповом мышлении, следовательно, ученые – создатели Интернета – это скорее люди, мыслящие в цифровом,

но не в клиповом формате. Во-вторых, это хакеры – компьютерные программисты, взаимодействующие друг с другом в режиме онлайн в рамках независимых проектов креативного программирования. (Кастельс отличает хакеров от «крэкеров» – взломщиков кодов). Очевидно, что занятие программированием никак не может основываться на клиповом мышлении, следовательно, хакеры – «цифровики». В-третьих, – это предприниматели нового типа, которые «делали деньги из идей, в то время как отсутствие новых идей ввергало в убытки даже солидные корпорации» [5, с. 74]. Понятно, что новаторство предпринимателей венчурного типа никак не может основываться на клиповом мышлении. В-четвертых – это виртуальные общины, которые предоставляют возможность для каждого человека «найти его (или ее) собственное место в Сети, а если не получается, то создать его (или ее) собственную информацию и опубликовать ее в Интернете...» [5, с. 73]. Виртуальные сообщества – весьма разношерстная среда, здесь немало познавательных, образовательных дискуссионных сайтов, но здесь также немало сайтов, в которых процветает построенный на клиповом мышлении масскульт.

Одним из родоначальников теории прогресса считается Маркиз де Кондорсе, автор известной работы «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (1794), в которой он утверждал, что человечество умнеет от поколения к поколению [6]. Теория «клипового мышления» рисует иную картину – картину оглупления молодого поколения, регресса человеческого разума. Надо сказать, что эта теория плохо стыкуется с философией мышления, в рамках которой оценка мышления людей, принадлежащих к той или иной расе, полу, находящихся на той или иной исторической стадии развития как алогичного, неполноценного, давно признана некорректной. Рубежным в этом плане было учение об универсальности мышления человечества К. Леви-Строса [8]. Бросается в глаза определенный параллелизм между теорией клипового мышления и теорией дологического мышления дикарей Л. Леви-Брюля – главного оппонента Леви-Строса [7].

Что же такое теория «клипового мышления» – научная теория, миф, идеологическая конструкция? Думаю, что эта теория едва ли «работает» в качестве универсальной объяснительной конструкции, обращенной к мышлению целого поколения, и в этом случае она являет собой скорее идеологию, выстроенную людьми Второй волны, критикующими бедлам «клип-культуры». Вместе с тем, эта теория вполне операциональна в качестве партикулярной объяснительной конструкции, эффективной по отношению к ограниченному классу объектов. Клиповое мышление действительно существует, таковое есть основа массовой культуры. Последняя рождается значительно раньше цифровой революции как атрибут индустриального общества. Образчиком «клипового мышления» можно считать мышление таких литературных персонажей, как Эллочка-людоедка, Полиграф Полиграфович Шариков и др., знать не знавших о ПК и Интернете. Конечно, цифровизация предоставляет носителю массовой культуры невиданные ранее возможности. Миллионы Эллочек-людоедков оставляют следы своего «литературного творчества» в этом бездонном море человеческого ума

и человеческой глупости. Кого же интересует создаваемый ими информационный мусор? Разумеется, не всех, а лишь тех, кому нечем заполнить внутреннюю пустоту. В такой ситуации рекомендации бороться с клиповым мышлением посредством ограничения времени пребывания во всемирной паутине или принудительно-порционного чтения классической литературы представляются бесперспективными. Проблема внутренней пустоты – проблема мировоззренческая. Ж. Липовецки полагает, что таковая формируется в результате тотального кризиса социальных ценностей и беспрецедентного роста примитивного нарциссизма, который есть не что иное, как свободный от идеалов и высоких ценностей гедонизм [9, с. 80].

1. Азаренок Н.В. Клиповое сознание и его влияние на психологию человека в современном мире (Минск, Беларусь) // Психология человека в современном мире. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений. (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г.). Ответственный редактор: А.Л. Журавлев. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2009. С. 110–112.

2. Березовская И.П. Проблема методологического обоснования концепта «клиповое мышление» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2015. № 2 (220). С. 133–138.

3. Горобец В.В., Ковалева В.В. Клиповое мышление как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти // Мир психологии. 2015. № 2. С. 94–100.

4. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 169–176.

5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.

6. Кондорсе М.Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Издательство Государственной публичной исторической библиотеки, 2010. 230 с.

7. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.

8. Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. 384 с.

9. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль. 2001. 333 с.

10. Нечунаев В.В. Преодоление клипового мышления у современных студентов [Электронный ресурс]. URL: http://vernsky.ru/pubs/6949/Preodolenie_klipovogo_myshleniya_u_sovremennyh_studentov (дата обращения: 12.02.2019).

11. Семеновских Т.В. «Клиповое мышление» – феномен современности [Электронный ресурс]. URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/> (дата обращения: 12.02.2019).

12. Старицина О.С. Клиповое мышления vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7 № 2 (23). С. 270–274.

13. Степура В. Какой стиль мышления обеспечит Вам и счастье, и миллионы? Из дикарей цифровой эпохи в элиту XXI века (рекомендации). [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://psychologies.today/stil-myshleniya-obespechit-schaste-i-milliony/> (дата обращения: 12.02.2019).

14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: «Издательство АСТ», 1999. 261 с.

15. Floridi L. Foundations of Information Ethics // The Handbook of Information and Computer Ethics / ed. by Kenneth Einar Himma and Herman T. Tavani. Hoboken, New Jersey: Published by J. Wiley & Sons, Inc., 2008. pp. 3–24.

16. Manovich L. The Language of New Media. The MIT Press, 2001. 286 p.

17. Sharp M. Clubbers, mosaic thinking and design process. Proceedings of E&PDE 2007, the 9th International Conference on Engineering and Product Design Education, University of Northumbria, Newcastle, UK, 13.–14.09.2007. pp. 209–214.

References

1. Azarenok N. V. Klipovoe soznanie i ego vliyanie na psixologiyu cheloveka v sovremennom mire (Minsk, Belarus') // Psixologiya cheloveka v sovremennom mire. Tom 5. Lichnost' i gruppy v usloviyax social'nykh izmenenij. (Materialy Vserossijskoj yubilejnoy nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 120-letiyu so dnya rozhdeniya S. L. Rubinshtejna, 15–16 oktyabrya 2009 g.). Otvetstvennyj redaktor: A. L. Zhuravlev. M.: Izdatel'stvo «Institut psixologii RAN», 2009. S. 110–112.

2. Berezovskaya I. P. Problema metodologicheskogo obosnovaniya koncepta «klipovoe myshlenie» // Nauchno-texnicheskie vedomosti SPbGPU. 2015. № 2 (220). S. 133–138.

3. Gorobec V. V., Kovaleva V. V. Klipovoe myshlenie kak otrazhenie perceptivnykh processov i sensornoj pamyati // Mir psixologii. 2015. № 2. S. 94–100.

4. Dokuka S. V. Klipovoe myshlenie kak fenomen informacionnogo obshhestva // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2013. № 2. S. 169–176.

5. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internetе, biznese i obshhestve. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. 328 s.

6. Kondorse M. Zh. A. E'skiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma. M.: Izdatel'stvo Gosudarstvennoj publichnoj istoricheskoy biblioteki, 2010. 230 s.

7. Levi-Bryul' L. Sverx"estestvennoe v pervobytnom myshlenii. M.: Pedagogika-Press, 1994. 608 s.

8. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie. M.: Respublika, 1994. 384 s.

9. Lipovecki Zh. E'ra pustoty. E'sse o sovremennom individualizme. SPb.: Vladimir Dal'. 2001. 333 s.

10. Nechunaev V. V. Preodolenie klipovogo myshleniya u sovremennykh studentov [E'lektronnyj resurs]. URL: http://vernsky.ru/pubs/6949/Preodolenie_klipovogo_myshleniya_u_sovremennykh_studentov (data obrashheniya: 12.02.2019).

11. Semenovskix T. V. «Klipovoe myshlenie» – fenomen sovremennosti [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/> (data obrashheniya: 12.02.2019).

12. Staricina O. S. Klipovoe myshleniya vs obrazovanie. Kto vinovat i chto delat'? // Azimut nauchnykh issledovanij: pedagogika i psixologiya. 2018. T. 7 № 2 (23). S. 270–274.

13. Stepura V. Kakoj stil' myshleniya obespechit Vam i schast'e, i milliony?

Iz dikarej cifrovoj e'poxi v e'litu XXI veka (rekomentacii). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://psychologies.today/stil-myshleniya-obespechit-schaste-i-milliony/> (data obrashheniya: 12.02.2019).

14. Toffler E'. *Tret'ya volna*. M.: «Izdatel'stvo ACT», 1999. 261 s.

15. Floridi L. *Foundations of Information Ethics*//*The Handbook of Information and Computer Ethics* / ed. by Kenneth Einar Himma and Herman T. Tavani. Hoboken, New Jersey: Published by J. Wiley & Sons, Inc., 2008. pp. 3–24.

16. Manovich L. *The Language of New Media*. The MIT Press, 2001. 286 p.

17. Sharp M. *Clubbers, mosaic thinking and design process*. Proceedings of E&PDE 2007, the 9th International Conference on Engineering and Product Design Education, University of Northumbria, Newcastle, UK, 13.–14.09.2007. pp. 209–214.

UDC 37.032

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.7785

THE THEORY OF CLIP THINKING OR THE SKETCH OF THE REGRESS OF HUMAN INTELLIGENCE

Yarkova Elena Nikolaevna,

University of Tyumen,
Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia,
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the falsification of the theory of clip thinking. Attributes of clip thinking are considered: illogicality, emotionality, fragmentation, nonlinearity, multichannel, focus on entertaining content. It is argued that the reduction of thinking «digital aborigines» to clip thinking is unacceptable that the generation of «digital aborigines» are not only carriers of clip thinking, but also carriers of digital thinking. The latter is characterized by algorithmicity, modularity, rationality, multitasking, assessment of information as the highest value.

Keywords:

clip thinking, digital thinking, digital aborigines.

УДК 101.8
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.8697

ПРОЕКТИВНАЯ ЭСТЕТИКА КАК НОВЫЙ ДИСКУРС*

Орлов Борис Викторович,

Уральский федеральный университет,
кафедра истории философии,
философской антропологии, эстетики и теории культуры,
кандидат философских наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: bvo51@rambler.ru

Аннотация

Проблема «проективной эстетики» берется как вариант праксиса современной эстетики, ее «эстетической вовлеченности». Используются методологии нового типа: «шизоанализ», «концептивизм», проективизм. Проводится мысль об особой функциональной направленности эстетики – ее эстетизации и артификации – и, более конкретно, в случаях преподавания эстетики.

Ключевые слова:

проективная эстетика, ризома, концептивизм, культуроника, образовательные проекты в эстетике, глоссарий философии современной художественности.

Проективная эстетика

В современной эстетике сложилась ситуация, когда прежние методологии, хотя и существуют по-прежнему (аналитика, систематика, герменевтика и деконструкция), но отстают от схватывания ситуации темпоральности культуры и искусства, от тех новаций, которые повседневно возникают здесь-и-сейчас. Эти вызовы современности нуждаются не столько в оценке, сколько в новом теоретическом видении, причем, практически ориентированном.

Можно было бы продолжить заниматься собственно теоретической эстетикой, тем более что это очень важная тема для уточнения имеющихся эстетических

* Исследование профинансировано Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-011-00977 («Кластерная культура: исследовательские стратегии и философская аналитика»).

понятий в их перспективном развитии, вплоть до создания новых, причем неизвестно каких – в зависимости от особенностей многообразного эстетического и художественного опыта в его актуальном значении. Но это скорее, в основном теория, хотя и продвинутая в сторону специфичности феноменов эстетического и художественного как предмета эстетики, но в рамках все же теории. Мы пойдем несколько иным путем, имея в виду праксис современной эстетики, то есть ее проективность. В этой связи нами вводится понятие «*проективная эстетика*» [9; 10; 12], при этом важна не столько его концептуальная маркировка, сколько тренд в сторону схватывания особенностей *нового дискурса*. Под *дискурсом* в данном случае понимается вся сумма «говорений» на философско-эстетические темы в аспекте «эстетической вовлеченности» в праксис повседневности [16; 17; 19].

Отметим то, что представляет здесь новый теоретико-методологический контекст, лежащий в основе дискурса.

Во-первых, то, что было сделано *Делёзом и Гваттари*, в их же терминологии может быть названо «шизоанализом» [1; 2, с. 14]. Не вдаваясь во все подробности их «*шизоэстетики*», возьмем, пожалуй, главное – «принцип ризомы». Речь идет о «корневище», из которого реально все произрастает, а не из корня властных структур. «Не будите в себе Генерала!» – этот слоган из знаменитого эстетического манифеста гениальных французов противостоит креативности ризоматического соединения «осы-и-орхидеи», когда появляется новое качество (подчеркнем, именно благодаря ризоме – через сплетение с миром в его корневище – структура становится гибкой, выходя на уровень пост- и, что более важно, транс-структурности). Властная жесткость омертвляет, побег из (от) жесткой структуры («линия побега» по Делёзу – Гваттари) дает ему жизнь. Ризома ризоматична в своем существе, порождаящем и новую сущность, не существовавшую до того [11].

Во-вторых, нужно принять во внимание значимость *концептивистской методологии*: «Концептивизм... – философия «зачинающих понятий», конструктивная деятельность мышления в области концептов и универсалий. Как и конструкционизм, концептивизм признает «конструктность», концептуальную заданность «реальности», но ставит своей задачей не критику и демистификацию этих конструктов, а творческое их порождение, создание множественных моделей возможных миров, познавательных и общественных практик... Концептивизм открывает новую эпоху мышления, которая наследует кантовскому критицизму и вместе с тем выходит за рамки тех «критических» функций, которыми в значительной степени ограничила себя послекантовская философия, особенно. Если критицизм ограничивает пределы теоретического разума, то концептивизм исходит изнутри этих пределов – и переступает их, заново...» [14]. Данность современной гуманитаристики можно представить через творчество новых концептов, которые и задают понимание специфики современности, и тем самым предопределяют ее будущее. В интересующей нас теме проективной эстетики определяющими становятся, например, концепты системы «открытого» типа, так же, как и «digital on line» и др., о чем более конкретная речь впереди.

В-третьих, и это самое главное, важно мыслить *проективно*. Учитывая кардинальную смену вектора современной культуры в сторону, противоположную Пост-Пост-Пост, то есть в сторону *протеизма*, М. Эпштейн в своем

«Проективном философском словаре» говорит о важности *проективизма* современного гуманитарного дискурса, разделяет современную *культурологию и культуронику*: Культуроника – это «...конструирование новых форм действия в культуре, новых техник общения и познания, новых моделей восприятия и творчества. Если культурология мыслит **проекциями** – преломлениями предметов в знаковых системах разных культур, то культуроника мыслит **проектами**, т. е. знаковыми системами, которые еще не стали практиками и институциями какой-либо культуры и образуют план возможных трансформаций всего культурного поля» [14].

То есть проблему праксиса может решить, как нам кажется, то, что может быть названо (в духе концептивизма) «интеллектуальным дизайном». Речь идет о проектировании и соответствующей методологии, когда доминантным становится мышление проектами и конструирование реальности на этой основе. Но дизайн здесь – не техника (хотя и она важна), более значимы экзистенциальные проекты бытия, которые могут возникнуть на технической основе. Понятно, что, например, сеть Интернет в данном случае не является креативной сама по себе, в чем мы не раз убеждались, занимаясь в основном коммуникацией *par excellence*.

Итак, именно *проективность* применительно к эстетике позволяет понимать ее *практически*, то есть в аспекте «эстетической вовлеченности» [16; 17; 18; 19; 20], в отличие от классической *эстетической незаинтересованности и аналитики* Канта [6]. В этой связи *Арнольд Берлиант*, исходя в основном из *прагматики* Д. Дьюи [20], обратил внимание на включенность эстетического опыта в человеческую повседневность и ее потенциал в этой связи [16; 17; 19].

Мысль о том, что интерес к праксису сейчас особенно важен для нашей эстетики, выявилась не только в результате вдумчивого анализа того, что сейчас особенно актуально в сфере методологий, но и самой предметности эстетики, интерпретация которой напрямую зависит от ее функциональности.

То есть наш подход выглядит вот так: *функции, структура, система*, а не наоборот, если следовать традиционной логике системного подхода. Но дело даже не в этом, а в концепте «открытая система», благодаря которой все и меняется местами, и когда *ризома, концептивизм и проективизм* работают в новой системе. Здесь важнее всего оказывается ризоматичность бытия, исходя из которой концептивизм, а рядом с ним и проективизм оказываются самыми главными в придании особого статуса «функциональности», а точнее ее переводу в состояние придания ей того, что может быть названо «*протеистичностью*» (М. Эпштейн) и связанной с ней темой проективной эстетики.

Если обратиться сейчас к истории эстетики, то здесь главным остается не вопрос ее предметности, и даже не методологии, но вопрошание о том, а зачем нужна эстетика? Пока не вдаваясь во все подробности этой непростой истории, выдвинем гипотезу, согласно которой, если предметность эстетики должна в каком-то продвинутом варианте совпадать с ее переходом в вариант праксиса, то получается так, что ее сосредоточенность на *эстетическом и художественном* задает ее основной тренд функциональности. В этой связи, главным с точки зрения ее предназначения остается *эстетизация и артификация бытия* на каком-то ином его уровне, но в непосредственной связи с эстетическим и ху-

дожественным. Если под эстетическим и художественным понимать весь опыт этого типа (experience), то под *эстетизацией и артификацией* можно понимать то, что способствует хотя бы тому, чтобы сделать этот опыт смысло-жизненным, причем в уникальном, индивидуальном, подлинном, свободном, то есть в стратегии экзистенциального модуса бытия. Проблема проективности нашего бытия решается только нами самими же, когда мы сами хотя бы пытаемся не столько найти смысл нашей жизни, сколько предложить решение, обладающее эстетической и художественной проективностью бытия.

Любой философствующий на эстетические темы уже находится, вольно или невольно, в этом *дискурсе*, когда главным для него будет не только вопрос, что такое красота или что такое искусство, а их ведь «нет» (если не брать архаику теоретических споров о множественности их практик), но как привнести, например, красоту или художественность в свою собственную жизнь а, значит, и в жизнь вообще, как соединить индивидуально данное тебе, и только тебе по факту твоей собственной уникальности, со Становлением Бытия (если по Хайдеггеру) или с Потоком Творения Бытия (если по «И-Цзин»)?

То есть мы здесь опять, как и в случае спецификации эстетического и художественного, выходим на проблему нашей маргинальности (нашей заброшенности в мир) и того, что с этим делать. Метафизика и Постметафизика, в принципе, говорят о том же самом – о маргинальности и трансмаргинальности, если к этому подходить более жизненно, а не философски только – речь идет о принципе предельных оснований и о том, что за ними, то есть о «границе» нашего бытия, в которой все и происходит, «безграничье границы» и «граница безграничья», *ad marginem et transmarginem*.

Для нас наибольшей значимостью обладает вопрос о критериях того, что является *эстетизацией и артификацией* как предельности смысла, связанного с философствованием об «эстетическом прочтении» нашего бытия. Если проще, то речь идет о том, для чего – в пределе – они нужны в праксисе и что нужно с ними делать такое, чтобы они позволяли осуществлять практический переход из ранга теории в ранг праксиса, то есть в «задействованную эстетику» (это другой возможный перевод тезиса А. Берлианта).

По всей видимости, предельный эстетический смысл нашего бытия находится в *удовольствии (вкусании)*, а художественный смысл состоит в *инобытийствовании (потенциации)*, их отсутствие означает отсутствие смысла – бессмысленность, лишённую перспектив дальнейшего становления бытия, то есть его отчужденность. И значит, собственный смысл *эстетизации и артификации* состоит в том, чтобы насытить нашу жизнь их максимумом (или хотя бы минимумом) в этой практической связи, причем за счет особенностей своей персональной активности. Эстетически вкушать и потенцировать бытие и есть особая функциональность эстетики проективизма.

Эстетика проективизма предполагает ряд проектов, как относящихся к сфере теории, так и к самым реальным проектам. Эстетика окружающей среды [13; 15], сомаэстетика [29], искусство жизни [21], актуальные арт-практики [12; 22; 23], медиаэстетика [7] и т.д. предполагают наличие таких теорий, которые бы явно провоцировали создание *эстетизации и артификации* в самой реальной жизни, а не только максимально миметизировали бы ее в своих

теоретических экскурсах, которые, конечно же, все более точно оказываются синхронными происходящему сейчас – и в мире (культурном), по верному замечанию М.С. Кагана, речь идет об «эстетосфере» [4; 5], да и в самой современной эстетике тоже.

Эстетизация и артификация (если благозвучнее, то *эстезис-и-артезис* во взаимосвязи и, прежде всего, в их онтологической данности) предполагают экзистенциальное проектирование, так сказать, «эстетический дизайн», который и будет «финальным проектом» в ситуации здесь-и-сейчас реального философствования «на эстетические темы» для того, кто конкретно находится в этом опыте. Тема «финального проекта» очень важна и распространяет тему «изначального проекта» (Сартр) в сторону будущего, «финалом» здесь оказывается то, что ты можешь сейчас делать, осуществляя трансформации своего бытия на основе своей экзистенции, своего «изначального проекта». Это попытка сделать свое реальное предложение в аспекте выхода и за маргинальные пределы (трансгрессия) в сторону создания символической реальности (и это не только культура, трактуемая как эстетосфера, скорее, речь может идти о транскультуре и о бессознательном (не только о личном или коллективном, но и о «трансперсональном» (С. Гроф) [1])).

Дискурсивность эстетических проектов в преподавании эстетики

Если ближе к праксису, то речь идет о попытках превратить данную тебе в ощущениях реальность в то, что близко именно тебе в качестве *эстетических и художественных смыслов* твоего бытия (*эстезиса-и-артезиса*), то есть в то, что экзистенциально для тебя значимо, в то, как ты *хотел бы*, эстетически трансформируя свое бытие, ощущая *вкус-и-возможности* жизни.

Далее я не буду брать все реализованные проекты, остановлюсь лишь на том, что связано с темой преподавания эстетики – с ее праксисом в образовательных проектах. Речь идет о переводе интенции в проект, то есть об ее эстетической трансформации.

Творческое задание, которое мною предлагалось студентам – философам, было рассчитано не только на их представления о красоте, фундированные философски, а на рассказ, как минимум, об опыте встречи с прекрасным, о его понимании на основе имеющихся теоретических версий, а как максимум – на презентацию своего собственного (реализованного или предполагаемого) *проекта красоты* на основе данных собственного эстетического опыта.

Мои «вопросания» предполагали вариативность ответов, поэтому и «ответствования» студентов были разными. Кто-то пошел по более традиционному пути, и пытался с учетом своего опыта понять то, почему он следует той или иной парадигме, в основном предпочитая объективизм, субъективизм, экзистизм (запомнилось, например, эссе, блестяще написанное, «...о случайном прорыве экзистенции в странном месте и в странное время», о влиянии ситуации смерти (шла речь о похоронах) на появление эстезиса красоты (жены) как ее присутствия-при-бытии в «пограничной ситуации»). Кто-то писал о том, что его творческая работа в компании «ИКЕА» доставляет ему верх удовольствий. Кто-то в большей степени исходил из интертекстуализма, давая свой анализ пред-

ложенных художественных произведений. Кто-то уходил в вариант «осмеяния», кто-то предлагал свой «фэнтези»-проект киберпанка, давая другие версии, более продвинутые в сторону художественного творчества.

Меня же в большей степени интересовали проекты красоты с точки зрения их эстетизации (эстетизации). Здесь, если не брать только то, что в большей степени уходило в сторону артезиса (артификации), например, касалось музыкального воздействия (кто-то открыл свою музыкальную студию, где обучает вокалу и фортепиано детей и взрослых, или сам начал учиться музыке, или начал знакомить других с тем, как обучиться джазу на основе его собственных достижений и навыков), то получалось, что это, в большей степени, связывалось с телесным, гендерным, домом, едой, модой, упаковкой, фотографией (не как искусством), туризмом, созданием сайтов, городской средой, ландшафтным дизайном, энвайронментом.

Один из проектов «телесной» эстетизации (реализованный) состоял в том, что его автор, хрупкая девушка, поведала о том, что сбросила 28 кг веса без всяких дополнительных (медикаментозных) средств за счет желания и воли быть женщиной. К сожалению, рецептура осталась в тайне, но главное было сделано – эстетическая интенция под влиянием проекта трансформировалась в другую реальность, от безобразия – к красоте. Другие проекты (*собственные!*) были еще более интересными, но я не имею возможности их показать из-за формата публикации.

Сейчас больше об *артификации*. И с этим будет связан другой образовательный проект – проект использования потенциала электронного глоссария по философии художественности на сайте glossarya.com, специально созданного для словаря. Здесь студентам и магистрам философского факультета предлагалось задание, также отличающееся креативностью, создать свои статьи для словаря на основе своих представлений о художественности в виде тех концептов, наиболее близких для них в их понимании художественности. Студенты, слушающие спецкурс «Философские проблемы современной художественности», включающий в себя как знакомство с опытом современного искусства, так и его философские интерпретации, были поставлены в ситуацию реального интеллектуального вхождения в праксис (философский) – с возможностью публикации статей в режиме «онлайн» (с учетом концепции словаря и инструкций в этой связи). Можно даже утверждать, что именно они и создают сейчас свое видение художественности как «впервые бытия», прежде всего для самих себя – они пока и составляют основной костяк проекта глоссария.

Есть проекты, уже опубликованные на сайте, другие – всего их более пятидесяти, приблизительно 150 концептов – существуют в версии редакционной. Представленные статьи не только сориентированы в сторону новых концептов художественности, но и преследуют более общую цель – попытку создать свой собственный тезаурус, хотя бы *minimum minimumum*, своей языковой версии современной художественности. И я бы связал это с темой «финального проекта», уже ранее проговаривавшейся. Это попытка заявить о себе в ситуации неопределенности в случае нынешней художественности, попытка дать самому себе отчет в том, что – в целом (вербально, концептивно, тезауросно) – под ней понимается им самим сейчас – «как на духу».

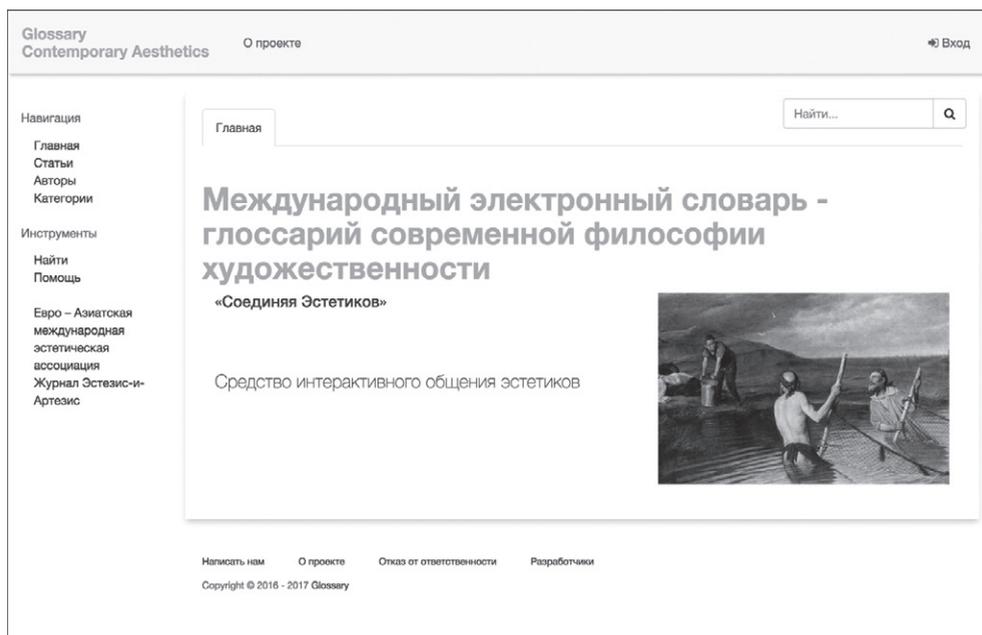

Рисунок 1 – Интерфейс (главная страница) первой версии (2016–2018) сайта словаря – GlossaryA.com.

Возвращаясь к философии, хотел бы попытаться ответить на основной предельный вопрос: а причём тут философия – ведь и так все эстетически делается, даже и у тех, кто и слова «эстетика» не знает?

У Д. Самойлова есть репрезентативная поэма «Цыгановы». В ней речь идет о том, что умирает неизвестный, простой человек, и он перед смертью задает философские вопросы о смысле своего бытия.

«И думал Цыганов:
«Зачем я жил?
Зачем я этой жизнью дорожил?
Зачем работал, не жалея сил?
Зачем дрова рубил, коней любил?
Зачем я пил, гулял, зачем дружил?
Зачем, когда так скоро песня спета?
зачем?»
и он не находил ответа».

И основной ответ, которым и заканчивается его жизнь, таков:

«Неужто только ради красоты
Живёт за поколеньем поколеньем –
И лишь она не поддаётся тленью?
И лишь она бессмысленно играет

В беспечных проявлениях естества?...»
И вот, такие обрета слова,
Вдруг понял Цыганов, что умирает...».

Философствование существует латентно и эксплицитно всегда, особенно в пограничной ситуации, интенция эстетическая здесь главная, и она совпадает с бытием.

То, что касается меня, здесь нет сомнений – проективный выход из повседневного бытия (трансгрессия) обозначен моей экзистенциальной концепцией, обосновывается ею и, конечно же, я могу и объяснить то, что происходит в нашем бытии и зачем нужны проекты, сам могу работать с ними. Сложнее случай со студентами. Студенты смогли не просто озвучить свои проекты (вербализация здесь важна), но смогли найти философскую связь между эстетической интенцией – вкушанием (вкусом), потенциацией (инобытийствованием) и праксисом: во всех разработках просматривается это философско-теоретическое начало *Эстезиса (эстетизации) -и- Артезиса (артификации)* в контексте проективной эстетики.

1. Гроф С. Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания. М.: АСТ, 2004. – 237 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Введение. М.: Астрель, У-Фактория, 2010. – 896 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
4. Каган М.С. О перспективах развития эстетики как философской науки // Серия «Symposium». Эстетика в интерпарадигмальном пространстве: перспективы нового века. Выпуск 16. / Материалы научной конференции 10 октября 2001 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 96 с. С. 4–5.
5. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
6. Кант И. Критика способности суждения. Т. 5 / Собр. соч. в 6 томах. М.: «Мысль», 1966. – 564 с.
7. Медиа: между магией и технологией. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – 330 с.
8. Орлов Б. Методологические парадигмы и синтагмы современной эстетики: к проекту словаря по философии художественности // Научный журнал «Дискурс-Пи», № 3–4 (20–21), 2015. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2015. с. 32–41.
9. Орлов Б. Проективная эстетика: новая теория и методология. К проекту создания портала российской эстетики как медийного кластера / Первый российский эстетический конгресс. 17–19 октября 2018, Санкт-Петербург. Тезисы докладов. СПб.: Российское эстетическое общество, 2018. С. 191–193 (соавт. Петров Е.С.).
10. Орлов Б. Эстетика проективизма в неклассической философии искусства: актуальные арт-практики / *Studia Culturae*. 3 (33) 2017. Научный журнал по культурологии, эстетике и философии культуры. С. 53–60 (соавт. Лисон

вец И.М.).

11. Орлов Б.В. Психосоциоаналитический дискурс в современной культуре / Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Второй международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийера / под общ. ред. О.Ф. Русаковой. 21 ноября – 14 декабря 2007 г. Т. 1. (Серия «Дискурсология». Вып. 5) – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2007. С. 60–62.

12. Орлов Б.В. Эстетические проекты красоты в городской среде / Эстетика человеческой среды: VIII Овсянниковская международная эстетическая конференция (ОМЭК VIII). М.: Издательские решения, 2017. С. 146–151 (соавт. Лисовец И.М.).

13. Экологическая эстетика: проблемы и границы. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2014. – 257 с.

14. Эпштейн М. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. Под ред. Г.Л. Тульчинского и М.Н. Эпштейна. Предисл. М.Н. Эпштейна. СПб., Алетейя, 2003. – 512 с. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_contents.html (дата обращения: 02.03.2016).

15. Эстетика человеческой среды: VIII Овсянниковская международная эстетическая конференция (ОМЭК VIII). М.: Издательские решения, 2017. – 336 с.

16. Berleant A. Aesthetic engagement / XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 10.

17. Berleant A. Art and Engagement, Philadelphia: Temple University Press, 1991. – 261 p.

18. Berleant A. Sensibility and Sense: The Aesthetic Transformation of the Human World. Exeter: Imprint Academic, 2010. P. 274–306.

19. Berleant A. The Aesthetics of Environment. Philadelphia: Temple University Press, 1992. – 256 p.

20. Dewey J. Art as experience. Library of Congress Catalog. New York: First Perigee Printing, 1980. – 355 p.

21. Dziemidok B. Filozofia sztuki. Lyblin: Wydawnictwo UMCS, 2017. – 164 s.

22. Lisovets I. Contemporary art and modern aesthetics: urban art practices / Revisions of Modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 100–101.

23. Milani R. The art of the city. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2017. – 184 p.

24. Orlov Boris. Communicative trend of contemporary aesthetics: problem of the glossary / XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture”, Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 251–254.

25. Orlov Boris. Methodological paradigms of contemporary aesthetics and projective philosophy of art / Revisions of modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 285–29.

26. Orlov Boris. Project of the International Electronic Dictionary /

XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture” Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 65.

27. Orlov Boris. Projective Aesthetics as the Possible World / XXI International Congress of Aesthetics. Possible worlds of contemporary aesthetics: aesthetics between history, geography and media. July 22–26, 2019, Belgrade, Serbia / Abstract book. Belgrade, 2019.

28. Orlov Boris. The Projective aesthetics of Beauty / Understanding Beauty and Ugliness, 2016. Interdisciplinary Conference on Art Theory and Philosophy 11–12 November 2016. Proceedings Book. Mahmutpasa / Istanbul, Turkey, 2016. P. 135–138.

29. Shusterman R. Somaesthetics // XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 11.

References

1. Grof S. Nadlichnostnoe videnie: Celitel'nye vozmozhnosti neobychnyx sostoyanij soznaniya. M.: AST, 2004. – 237 s.

2. Delyoz Zh., Gvattari F. Tsyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. Vvedenie. M.: Astrel', U-Faktoriya, 2010. – 896 s.

3. Delyoz Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? SPb.: Aletejya, 1998. – 288 s.

4. Kagan M.S. O perspektivax razvitiya e'stetiki kak filosofskoj nauki // Seriya «Symposium». E'stetika v interparadigmal'nom prostranstve: perspektivy novogo veka. Vypusk 16. / Materialy nauchnoj konferencii 10 oktyabrya 2001 g. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2001. – 96 s. S. 4–5.

5. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury. SPb.: TOO TK «Petropolis», 1996. – 416 s.

6. Kant I. Kritika sposobnosti suzheniya. T. 5 / Sobr. soch. v 6 tomakh. M.: «Mysl'», 1966. – 564 s.

7. Media: mezhdru magiej i texnologiej. Moskva; Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2014. – 330 s.

8. Orlov B. Metodologicheskie paradigmy i sintagmy sovremennoj e'stetiki: k proektu slovarya po filosofii xudozhestvennosti // Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi», № 3–4 (20–21), 2015. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2015. s. 32–41.

9. Orlov B. Proektivnaya e'stetika: novaya teoriya i metodologiya. K proektu sozdaniya portala rossijskoj e'stetiki kak medijnogo klastera / Pervyj rossijskij e'stetičeskij kongress. 17–19 oktyabrya 2018, Sankt-Peterburg. Tezisy dokladov. SPb.: Rossijskoe e'stetičeskoe obshhestvo, 2018. S. 191–193 (soavt. Petrov E. S.).

10. Orlov B. E'stetika proektivizma v neklassičeskoj filosofii iskusstva: aktual'nye art-praktiki / Studia Culturae. 3 (33) 2017. Nauchnyj zhurnal po kul'turologii, e'stetike i filosofii kul'tury. S. 53–60 (soavt. Lisovec I.M.).

11. Orlov B.V. Psixoshizoanalitičeskij diskurs v sovremennoj kul'ture / Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika. Doklady Vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, posvyashhennoj pamyati Zhana Bodriyara / pod obshh. red. O.F. Rusakovej. 21 noyabrya – 14 dekabrya 2007 g. T. 1. (Seriya «Diskursologiya». Vyp. 5) – Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi», 2007. C. 60–62.

12. Orlov B.V. E'stetcheskie proekty krasoty v gorodskoj srede / E'stetika chelovecheskoj srede: VIII Ovsyannikovskaya mezhdunarodnaya e'stetcheskaya konferenciya (OME'K VIII). M.: Izdatel'skie resheniya, 2017. S. 146–151 (soavt. Lisovec I.M.).

13. E'kologicheskaya e'stetika: problemy i granicy. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2014. – 257 s.

14. E'pshtejn M. Proektivnyj filosofskij slovar'. Novye terminy i ponyatiya. Pod red. G.L. Tul'chinskogo i M.N. E'pshtejna. Predisl. M.N. E'pshtejna. SPb., Aletejya, 2003. – 512 s. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_contents.html (data obrashheniya: 02.03.2016).

15. E'stetika chelovecheskoj srede: VIII Ovsyannikovskaya mezhdunarodnaya e'stetcheskaya konferenciya (OME'K VIII). M.: Izdatel'skie resheniya, 2017. – 336 s.

16. Berleant A. Aesthetic engagement / XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in Action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 10.

17. Berleant A. Art and Engagement, Philadelphia: Temple University Press, 1991. – 261 p.

18. Berleant A. Sensibility and Sense: The Aesthetic Transformation of the Human World. Exeter: Imprint Academic, 2010. P. 274–306.

19. Berleant A. The Aesthetics of Environment. Philadelphia: Temple University Press, 1992. – 256 p.

20. Dewey J. Art as experience. Library of Congress Catalog. New York: First Perigee Printing, 1980. – 355 p.

21. Dziemidok B. Filozofia sztuki. Lyblin: Wydawnictwo UMCS, 2017. – 164 s.

22. Lisovec I. Contemporary art and modern aesthetics: urban art practices / Revisions of Modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 100–101.

23. Milani R. The art of the city. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2017. – 184 p.

24. Orlov Boris. Communicative trend of contemporary aesthetics: problem of the glossary / XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture”, Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 251–254.

25. Orlov Boris. Methodological paradigms of contemporary aesthetics and projective philosophy of art / Revisions of modern aesthetics: international scientific conference proceedings. University of Belgrade – Faculty of Architecture. Belgrade, 2015. P. 285–29.

26. Orlov Boris. Project of the International Electronic Dictionary / XX International Congress of Aesthetics. Proceedings of ICA 2016 “Aesthetics and Mass Culture” Abstract Book: Seoul National University, 2016. P. 65.

27. Orlov Boris. Projective Aesthetics as the Possible World / XXI International Congress of Aesthetics. Possible worlds of contemporary aesthetics: aesthetics between history, geography and media. July 22–26, 2019, Belgrade, Serbia / Abstract book. Belgrade, 2019.

28. Orlov Boris. The Projective aesthetics of Beauty / Understanding Beauty

and Ugliness, 2016. Interdisciplinary Conference on Art Theory and Philosophy 11–12 November 2016. Proceedings Book. Mahmutpasa / Istanbul, Turkey, 2016. P. 135–138.

29. Shusterman R. Somaesthetics // XIX International Congress of Aesthetics. Aesthetics in action. Book of abstracts. Krakow: LIBRON, 2013. P. 11.

UDC 101.8

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.8697

PROJECTIVE AESTHETICS AS THE NEW DISCOURSE

Orlov Boris Victorovich,

Ural Federal University,
Department of the History of Philosophy,
Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture,
Candidate of Philosophy, Assistant Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: bvo51@rambler.ru

Annotation

Projective aesthetics is taken as the case of aesthetic engagement. The new methodologies are used: physicoschizoanalysis, conceptivism, projectivism. Aesthetization and artification are discussed with the theme of lecturing on aesthetics.

Keywords:

projective aesthetics, aesthetic engagement, rhysonic, culturonic, conceptivism, discourse of lecturing in aesthetics, glossary of projective artistic.

УДК 327.3

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.98106

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Глушкова Светлана Игоревна,

АНО ВО «Гуманитарный университет»,
зав. кафедрой прав человека,
доктор политических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: glsvig@yandex.ru

Мартынов Константин Эрнестович,

АНО ВО «Гуманитарный университет»,
аспирант,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: uc@gu.ur.ru

Аннотация

В статье рассматриваются правочеловеческий, правозащитный и правопросветительский дискурсы прав человека. Авторы анализируют ряд особенностей развития современных дискурсов прав человека в рамках деятельности ООН и Совета Европы. Утверждается, что главными достижениями правозащитного дискурса ООН являются международные стандарты по правам человека и система контроля за их соблюдением. Авторы обосновывают солидарность и равенство всех прав и свобод человека, в том числе в условиях универсализации и глобализации прав человека. Рассматриваются основные тенденции развития новых поколений прав человека.

Ключевые слова:

права человека, дискурс прав человека, поколения прав человека, международные стандарты по правам человека, защита прав человека, универсализация, глобализация.

Права человека – это одна из универсальных и в то же время противоречивых категорий гуманитарных и юридических наук, особенно в современный период, характеризующийся универсализацией и глобализацией прав человека.

Рассматривая фундаментальные и прикладные исследования, международные и региональные гуманитарные практики в сфере прав человека, можно отметить три дискурса развития прав человека в XX в. – начале XXI вв.: правочеловеческий, правопросветительский и правозащитный.

Правочеловеческий дискурс связан с развитием идеи прав человека в истории гуманитарных и юридических теорий и учений, политической и правовой культуре людей, постепенным формированием понимания прав человека в менталитете того или иного народа как неизбежно присущей ценности ежедневного бытия или преходящей ценности, роль которой в жизни человека меняется в зависимости от того, в условиях какого политического режима, социально-экономической и правовой системы он живет.

Правочеловеческий дискурс постепенно начал формироваться в истории гуманитарных и юридических теорий и учений, начиная с эпохи европейского, российского и американского Просвещения. Но до признания универсальности, ценности прав человека, присущей каждой национальной культуре, было в те годы еще достаточно далеко, так как до середины XX в. доминировал категоричный культурный релятивизм.

Признание прав человека как универсальной и стройной системы, зарождение науки прав человека стало возможно только во второй половине XX века (после создания ООН, разработки и принятия международных стандартов по правам человека), однако и в настоящее время такой науки, в общепринятом понимании, пока не существует.

Правопросветительский дискурс связан с разработкой и формированием международных, региональных и национальных стандартов, образовательных платформ, учебных программ для проведения теоретических и практических курсов, базовых и инновационных площадок, информационных центров международных и региональных организаций по правам человека, обучающих курсов по правам человека (очных, заочных, дистанционных), всех доступных правочеловеческих и правозащитных ресурсов для «образования для всех».

История правозащитного дискурса начинает свое развитие с создания в 1945 г. системы ООН, подготовки и принятия международных стандартов по правам человека, по правам ребенка, по правам женщин, по правам инвалидов, др. Система главных органов ООН (Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Международный Суд, др.) постепенно дополнялась вспомогательными структурами (комиссии, др.), затем договорными органами по правам человека (Комитет по правам человека, Комитет по правам ребенка, др.), специализированными учреждениями (Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), ЮНЕСКО, Детский фонд (ЮНИСЕФ), др.).

Со времени появления договорных органов по правам человека системы ООН стала формироваться система «мягкого права» в виде решений этих органов, имеющих рекомендательный характер.

Правозащитный дискурс на площадках главных, вспомогательных и договорных органов ООН, специализированных учреждений ООН отличается

друг от друга. Он носит либо обязательный, либо рекомендательный характер. «Мягкий» характер решений договорных органов по правам человека системы ООН можно считать одной из важных проблем правозащитного дискурса.

Международный правозащитный дискурс в рамках деятельности ООН достаточно противоречив (в силу частого противостояния или противоборства мировых держав при решении спорных вопросов, прежде всего в Совете Безопасности), постоянно подвергается критике, многие государства – члены ООН выступают за реформирование ООН. В частности, неоднократно на повестку дня выдвигался вопрос о расширении числа постоянных членов Совета Безопасности, которых на сегодня по-прежнему остается пять из общего числа в 15 членов. Наряду с этим систематически подвергается критике многих стран политика двойных стандартов, которая присуща международным и региональным организациям по правам человека (ООН, Совет Европы, др.).

Можно согласиться с мнением Н. Н. Липкиной, которая, рассматривая процессы универсализации и глобализации прав человека, отмечает: «Одним из направлений универсализации прав человека является развитие содержания общих обязательств государства по правам человека... Одной из целей глобализации прав человека является более ответственное отношение субъектов международного права к выполнению соответствующих международных обязательств, проявлением которого служат действия на опережение – предотвращение нарушений прав человека и обеспечение всех необходимых условий для их эффективной реализации» [6, с. 89].

Несмотря на постоянную критику системы ООН ее сторонниками и противниками, надо отметить, что сила правозащитного дискурса ООН и его главное достижение – в международных стандартах (декларациях, международных пактах, конвенциях, факультативных протоколах), которые стали стабильными и универсальными основами (так называемыми международными «договорами-конструкторами») для конституций и национального специализированного (профильного) законодательства многих стран мира.

Создание Совета Европы в 1949 г. дало старт новому правозащитному дискурсу (в этом году эта старейшая европейская организация отмечает юбилей, который сопряжен с кризисными явлениями, связанными в том числе с продолжением членства России в этой организации или выходом России из состава Совета Европы), среди особенностей которого можно отметить следующие: приоритет гражданским и политическим правам человека и основным свободам, закрепленным в Конвенции о защите прав человека и основных свобод; формирование «живого», прецедентного права; формирование эффективной системы правовой защиты не всех, но многих заявителей; влияние на процесс имплементации норм международного права в национальное законодательство стран – членов Совета Европы; контроль Комитета министров Совета Европы за исполнением постановлений Европейского суда по правам человека; др.

Европейский правозащитный дискурс в рамках деятельности Совета Европы также неоднократно подвергается критике со стороны сторонников и противников сути этого дискурса. Среди критикуемых объектов внимания можно назвать прежде всего такие, как: политика «двойных стандартов» по отношению к разным странам – членам Совета Европы, уровень и степень контроля за выполнением постановлений Европейского суда по правам человека, др.

Эпоха глобализации приносит новые вызовы и риски для прав человека, институтов гражданского общества, для правочеловеческого, правопросветительского и правозащитного дискурса. В определенной степени прав Юваль Ной Харари, когда, размышляя о правах человека, он отметил следующую важную проблему, присущую правочеловеческому дискурсу последних лет: «Люди уступают права свободному рынку, коллективному разуму и внешним алгоритмам, в частности потому, что они не в состоянии совладать с информационным наводнением» [9, с. 464].

К актуальной проблематике прав человека, правозащитного дискурса в современном мире можно отнести следующие вопросы: сохранение нищеты, появление новых форм рабства, миграционный кризис и его последствия, вызовы экологической безопасности, установление новых приоритетов в политике прав человека и закрепление их в международных актах нового поколения прав человека и др. [8].

Новые вызовы правам человека, проблемы и противоречия в сферах соблюдения и защиты прав человека в начале XXI в. способствуют появлению все новых и новых поколений, типологий, классификаций прав и свобод человека. Так, дискуссии о новых поколениях прав человека продолжаются в современной гуманитарной и юридической науках. Например, идею соматических прав развивают В.И. Крусс, М.А. Лаврик (конституционное право), А.И. Ковлер, О.Э. Старовойтова (теория и философия прав человека), А.Х. Абашидзе, А.И. Йорыш, С.И. Глушкова, А.М. Солнцев (международное право, международная защита прав человека) [8, с. 261]. Среди соматических прав ученые – специалисты по правам человека выделяют следующие: право на смерть, права человека относительно его органов и тканей, «сексуальные права» человека, репродуктивные права человека, право на перемену пола, право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов, право на употребление наркотиков и психотропных веществ, др. [8, с. 260–261].

Некоторые международные эксперты по правам человека и политические лидеры считают, что повестку дня в международном правозащитном дискурсе ООН и политике каждой страны нужно регулярно обновлять, выдвигая на первый план новые классификации прав человека, считая давно решенными вопросы защиты универсальных, признанных и закреплённых в международных стандартах прав человека (гражданских, политических, экономических, социальных, культурных). Однако важно учитывать, что политика прав человека в каждом государстве и в системе ООН должна быть основана на принципе антидискриминации по отношению к людям и к самим правам, не может быть иерархии одних прав и свобод по отношению к другим, приоритета одних прав над другими.

Совершенно прав известный российский правовед, один из авторов Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ С.С. Алексеев, утверждавший, что права человека во все времена были и остаются главным «убежищем» для человека. Можно назвать их также фундаментом стабильности общества и государства. В центре современного гражданского общества должен быть «человек с высоким достоинством и неотъемлемыми правами» [1, с. 18].

Универсальный перечень прав и свобод человека, так называемый каталог, закреплённый в Международном билле о правах человека, не может

быть пересмотрен в начале XXI века или позже. Утверждение универсальных, признанных во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., прав и свобод человека было, есть и остается ключевым достижением правозащитного дискурса XX в., победой человеческого разума, признанием ценности человеческой жизни и права каждого человека на уважение его достоинства, а также личной, экономической, политической, социальной и культурной свободы.

Можно согласиться с известным историком М. Игнатьевым, увидевшим определенное противоречие в понимании стратегии действий по защите прав человека (что есть стратегический минимализм и реальный максимум в этой стратегии): «возможно, где-то нам не удастся утвердить демократию или конституцию, а либеральная свобода останется недостижимой. Но в предотвращении незаслуженных страданий или физической жестокости можно делать гораздо больше того, чем мы пока делаем. Именно это я считаю базовым приоритетом правозащитной работы: необходимо изо всех сил бороться с пытками, избиениями, изнасилованиями, укрепляя, где только возможно, безопасность людей. И не стоит называть это стратегическим минимализмом. На самом деле, это максимум того, на что мы можем рассчитывать» [5, с. 209].

Среди ведущих направлений современной политической мысли (конец XX века – начало XXI века), в которых получили развитие концепция «поколений прав человека», идеи общего и/или частного блага, размышления о границах и пределах справедливости, нужно прежде всего назвать такие, как: утилитаризм, либеральный эгалитаризм, либертарианство, марксизм, коммунитаризм, феминизм, мультикультурализм, гражданский республиканизм [7]. Для всех этих научных школ, согласно У. Кимлика, особенно важна идея ответственности: «они различаются не в отношении центральной роли ответственности как таковой, но в отношении более конкретных вопросов о личной или коллективной ответственности» [7, с. 14].

Классическая, базовая концепция трех поколений прав человека, разработанная К. Васаком в 70-е гг. XX в., имеет как сторонников, так и противников, но главное – она продолжает существовать, изучаться и обсуждаться. И с каждым новым веком, эпохой эксперты по правам человека создают новые поколения и новые классификации прав человека.

На рубеже XX–XXI вв. юристы и гуманитарии начали обсуждать такие новые поколения и классификации прав человека, как: цифровые права, коммуникативные права, экологические права, репродуктивные права, соматические права, информационные права, образовательные права, др. Многие из этих прав изначально существовали в качестве одного фундаментального права, но постепенно стали основой для формирования целого нового поколения прав человека, нуждающегося в теоретическом обосновании и правовом закреплении, типологической регламентации, др.

Появление новых поколений, классификаций прав человека каждый раз свидетельствует о кризисе международной, региональной или национальной системы защиты прав человека, появлении нового опасного вызова, который может разрушить фундаментальные или прикладные основания всей системы.

Своеобразной попыткой объяснить новые вызовы правам человека во второй половине XX в. стали оригинальные идеи представителя либеральной теории Р. Дворкина. Он предложил новые категории и классификации прав человека, в частности, такие, как: конкурирующие права, равенство ресурсов и др. Р. Дворкин был прав, когда утверждал, что «...помимо личных прав на свободу от вмешательства государства, у граждан есть еще и личные права на защиту со стороны государства, и может так случиться, что государству придется выбирать между этими двумя видами прав... Индивидуальные права, признаваемые в нашем обществе, часто вступают в подобный конфликт, и когда это происходит, на долю государства выпадает задача разрешения конфликта» [4, с. 264–265]. Для разрешения конфликта необходимо четко определить, какую политику проводит государство, чьи права и интересы оно считает приоритетными.

Но несмотря на появление новых поколений, классификаций прав человека, они автоматически не становились приоритетными, главными задачами государственной политики или гражданского общества, международных или региональных организаций по защите прав человека. В условиях универсализации и глобализации прав человека особенно важно соблюдать солидарность и равенство всех прав и свобод человека – основных и дополнительных, гражданских, экономических, политических, культурных, социальных, индивидуальных и коллективных, др.

Рассматривая особенности развития правозащитного дискурса прав человека, можно согласиться с исследователями, которые отмечают как опасную следующую тенденцию: во многих странах «свобода граждан все больше выхолащивается. Мы становимся свидетелями и, в то же время, жертвами ползучей эрозии основных прав», с каждым днем все чаще перед каждым человеком предстает трагический выбор между свободой и безопасностью, под угрозой оказываются право на личную свободу, сохранность персональных данных, приватность [2, с. 9].

Стратегия развития правовой культуры и науки прав человека связана с укреплением всех ресурсов правозащитного, правопросветительского и правочеловеческого дискурсов прав человека. Одним из таких важных ресурсов, инструментом сохранения человеческого потенциала, защиты человеческого достоинства, системы прав и свобод человека, особенно представителей социально уязвимых групп населения, является образование в области прав человека. Всемирная программа образования в области прав человека, реализуемая ООН с 2005 года, предполагает развитие данного образования с учетом глобального правозащитного подхода, включающего два направления: 1) «права человека через образование»; 2) «права человека в процессе образования» [3, с. 4]. При этом образование в области прав человека не должно ограничиваться занятиями по правам человека на уровне школьного и вузовского обучения. Как отмечают эксперты ООН, необходимы политические меры (продуманная правовая политика в области образования по правам человека), научные исследования, преподавание и обучение правозащитным ценностям на всех уровнях образования и повышения квалификации, включение прав человека как сквозной темы во все дисциплины учебного плана для подготовки выпускников школ и вузов, просвещение по правам человека.

В целях развития правовой и политической культуры, культуры прав человека в 2010 г. была принята Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека. Разграничивая два ключевых определения Хартии, разработчики закрепили в ней следующие приоритеты:

1) Воспитание демократической гражданственности учащихся направлено на «расширение их возможностей осуществлять и защищать свои демократические права и ответственность в обществе, ценить многообразие и играть активную роль в демократической жизни с целью продвижения и защиты демократии и верховенства права» [10, с. 6].

2) Образование учащихся в области прав человека направлено на «расширение их возможностей содействовать созданию и защите всеобщей культуры прав человека в обществе с целью продвижения и защиты прав человека и основных свобод» [10, с. 6]. При этом образование может быть формальным, внеформальным, неформальным. Самым долгосрочным, длительным является неформальное образование, которое продолжается всю жизнь, так называемое «образование для всех» и всегда.

Современный дискурс прав человека, при всей глубокой насыщенности проблемами и противоречиями, должен быть направлен на максимальное использование всех ресурсов образования в области прав человека и воспитания демократической гражданственности, ибо образование играет большую роль в «предупреждении нарушений прав человека» [10, с. 3].

Формирование правовой грамотности, правовой культуры, культуры прав человека в каждой стране – это залог стабильности политического режима, социально-экономической и культурной политики, направленной на уважение человеческого достоинства и защиту прав человека, разрешение всех проблем и противоречий мирным путем, с использованием всех законных оснований и средств правовой защиты.

1. Алексеев С.С. Концептуальное введение // Права человека: энциклопедический словарь / Отв. ред. С. С. Алексеев. М.: Норма, 2009. – 656 с.

2. Баум Г. Спасти права граждан. Свобода или безопасность. Полемические заметки. М.: Сектор, 2015. 2-е изд., доп. – 136 с.

3. Всемирная программа образования в области прав человека. ООН. ЮНЕСКО. Нью-Йорк, 2012. – 54 с.

4. Дворкин Р. О правах всерьез. М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.

5. Игнатъев М. Достоинство и субъектность // Игнатъев М. Права человека как политика и как идолопоклонство: пер. с английского А. Захарова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. (Серия «Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). – 216 с.

6. Липкина Н.Н. Международные обязательства по правам человека. М.: изд-во Юрлитинформ, 2019. – 200 с.

7. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева: Гос.ун-т- Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос.ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.

8. Права человека и вызовы XXI века: учебное пособие / под ред.

А. Х. Абашидзе. М.: РУДН, 2016. – 336 с.

9. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М., 2019. Пер. с англ. А. Андреева. – 580 с.

10. Хартия Совета Европы о воспитании демократической гражданственности и образовании в области прав человека. Директорат по вопросам образования и языков. Страсбург, 2010. – 19 с.

References

1. Alekseev S.S. Konceptual'noe vvedenie // Prava cheloveka: e'nciklopedicheskij slovar' / Otv. red. S. S. Alekseev. М.: Norma, 2009. – 656 s.

2. Baum G. Spasti prava grazhdan. Svoboda ili bezopasnost'. Polemicheskie zametki. М.: Sektor, 2015. 2-e izd., dop. – 136 s.

3. Vsemirnaya programma obrazovaniya v oblasti prav cheloveka. OON. YuNESKO. N'yu-Jork, 2012. – 54 s.

4. Dvorkin R. O pravax vs'er'ez. М.: ROSSPE'N, 2004. – 392 s.

5. Ignat'ev M. Dostoinstvo i sub"ektnost' // Ignat'ev M. Prava cheloveka kak politika i kak idolopoklonstvo: per. s anglijskogo A. Zaxarova. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. (Seriya «Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyj zapas»). – 216 s.

6. Lipkina N.N. Mezhdunarodnye obyazatel'stva po pravam cheloveka. М.: izd-vo Yurlitinform, 2019. – 200 s.

7. Kimlika U. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie / per. s angl. S. Moiseeva: Gos.un-t- Vysshaya shkola e'konomiki. М.: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly e'konomiki, 2010. – 592 s.

8. Prava cheloveka i vyzovy XXI veka: uchebnoe posobie / pod red. A.X. Abashidze. М.: RUDN, 2016. – 336 s.

9. Харари Ю. Н. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushhego. М., 2019. Пер. с англ. А. Андреева. – 580 с.

10. Xartiya Soveta Evropy o vospitanii demokraticeskoy grazhdanstvennosti i obrazovanii v oblasti prav cheloveka. Direktorat po voprosam obrazovaniya i yazykov. Strsburg, 2010. – 19 s.

UDC 327.3

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.98106

MODERN DISCOURSE OF HUMAN RIGHTS: MAIN ISSUES AND CONTRADICTIONS

Glushkova Svetlana Igorevna,

Autonomous Non-Profit Organization for Higher Education «Humanitarian University»,
Chair of Human Rights department,
Doctor of Political Sciences, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: glsvig@yandex.ru

Martynov Konstantin Ernestovich,

Autonomous Non-Profit Organization for Higher Education «Humanitarian University»,
Graduate Student,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: uc@gu.ur.ru

Annotation

The paper concerns discourses connected with human rights, human rights protection and education in human rights. Authors analyze a number of features that define the development of modern human rights discourses within activity of the UN and the Council of Europe. It is argued that the main achievements of human rights discourse of the UN are the international standards on human rights and a control system for their observance. Authors prove solidarity and equality of all rights and freedoms of person, including those in the conditions of universalization and globalization of human rights. The main trends in the development of new generations of human rights are also considered.

Keywords:

human rights, human rights discourse, generations of human rights, international standards on human rights, protection of human rights, a universalization, globalization.

УДК 323.28

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.107117

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ*

Старостин Алексей Николаевич,

Уральский государственный горный университет,
доцент кафедры теологии,
Уральский федеральный университет,
доцент кафедры археологии и этнологии,
кандидат исторических наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: alisheria@mail.ru

Суслонов Павел Евгеньевич,

Уральский государственный горный университет,
доцент кафедры теологии,
Уральский федеральный университет,
доцент кафедры организации работы с молодежью,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: r.suslonow2010@yandex.ru

Шиллер Вадим Викторович,

Кемеровский государственный медицинский университет,
доцент кафедры истории,
кандидат исторических наук,
Кемерово, Россия,
E-mail: shiller.vadim@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00411.

Аннотация

В статье анализируются основные формы и методы деятельности по предупреждению и профилактике экстремистских проявлений среди различных категорий населения в Российской Федерации, применяемые органами государственной и муниципальной власти совместно с институтами гражданского общества. Дается классификация мероприятий антиэкстремистской направленности по уровню глубины воздействия на целевую аудиторию, а также дается теоретическое описание моделей профилактики, сложившихся в различных регионах страны.

Ключевые слова:

профилактика, экстремизм, терроризм, радикализм, деструктивность.

Профилактика экстремизма как формы девиантного поведения и вида общественной угрозы занимает особое место в системе деятельности российских органов власти различного уровня, правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

Современные дефиниции экстремизма понимают данный феномен как совокупность деструктивных псевдоисторических идей, реализуемых в форме радикальных публичных призывов и практических действий, зачастую носящих насильственный характер и направленных на раскол общества и разрушение государства.

Акцент в определениях экстремизма делается на информацию, формирующую систему деструктивных взглядов. Несмотря на то, что массовые экстремистские настроения и проявления детерминируются совокупностью социально-экономических, политических и культурно-информационных факторов, определяющую роль в условиях информационного общества играет намеренное или случайное искажение общественного и исторического знания. Именно поэтому основная часть экстремистских проявлений, за которые в России привлекают к уголовной и административной ответственности, связана с неправильной или искаженной трактовкой общественных событий и фактов истории и современности, чему, как показывает практика, в наибольшей степени подвержены представители молодежи с не до конца сформированной системой ценностей [3; 9; 17].

Интернет-пространство и виртуальные социальные сети выступают в этом контексте инструментом формирования и закрепления деструктивных установок и настроений у их активных пользователей. Это обусловлено высокой степенью доверия молодежного сегмента общества именно к этому источнику информации.

В отличие от ряда других стран, где экстремизм в обязательном порядке должен содержать насильственные действия практического характера (так называемый «насильственный экстремизм»), в Российской Федерации под действие уголовного закона попадает, в том числе, публичное распространение материалов, содержащих деструктивную информацию, возбуждающую вражду, либо ненависть в отношении группы лиц по расовому, национальному, религиозному, социальному или половозрастному признаку.

Акцент на информационной составляющей обусловлен пониманием информационной природы экстремизма, согласно которой любому практическому действию насильственного характера, направленному против представителей определенной национальности, конфессии, расовой или социальной группы, предшествует публичное распространение деструктивной информации, формирующей определенные установки, проявляющиеся в насильственных действиях при благоприятно сложившихся для эмигрантов экстремистских объединений условиях, включая социально-экономический и политический кризис.

В отличие от обычного уголовного преступления, связанного исключительно с насилием, мотивированным биологическими потребностями преступника, экстремизм является преступлением идейно-информационным, где действию сначала предшествует слово. Исходя из этого, российскую правоприменительную антиэкстремистскую практику можно расценивать как превентивную, не допускающую перехода экстремистских идей в плоскость практической реализации.

Важнейшим определяющим признаком экстремистских проявлений в информационном поле является публичность, обеспечиваемая выступлением на открытых площадках с участием двух и более человек, а также средств массовой информации и виртуальных площадок, действующих на базе сети Интернет. Эта позиция имеет огромное значение в борьбе с экстремизмом в России, поскольку автоматически снимает претензии в адрес власти о «борьбе с инакомыслием», генерируемые отдельными общественными движениями.

Личность может быть носителем совокупности любых взглядов, в том числе радикальных или даже деструктивных. Пока они не выходят за пределы его головы и не приобретают публичный характер, никаких санкций со стороны правоохранительных органов в его отношении применяться не будет. Как только эти взгляды начинают транслироваться на любой публичной площадке, так их распространитель попадает под действие антиэкстремистского законодательства, которое, вопреки мнению отдельных представителей упоминавшихся общественных движений, не противоречит российской Конституции, а полностью соответствует духу и букве ряда ее статей (п. 5. ст. 13, п. 2 ст. 29 Конституции РФ).

В России на законодательном уровне указывается на приоритет мер, направленных на профилактику экстремистской деятельности, а также на важность взаимодействия государственных органов с институтами гражданского общества (конфессиями, национально-культурными объединениями и иными общественными объединениями), активными и ответственными гражданами в противодействии экстремизму. Так, в действующей Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [10] концептуально закрепляется приоритетность профилактики экстремизма, по отношению к уголовно-правовым методам. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в ст. 2 [13] в числе основных принципов противодействия экстремистской деятельности указывает приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, а также на необходимость сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности.

Крайней формой экстремизма считается терроризм, понимаемый как уголовно наказуемое публичное использование насилия в целях дестабилизации

деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. При этом речь в законе идет не только о самом насилии, но и об угрозе применения данного насилия [12].

Среди террористических преступлений присутствуют не только и не столько сами террористические акты, сколько вовлечение и вербовка в террористические организации, участие в них, их финансирование, распространение материалов террористических организаций и т. п.

Однако международный и отечественный опыт противодействия терроризму свидетельствует о том, что силовые методы способны предупредить лишь конкретную угрозу совершения террористического акта. Для радикального снижения угрозы терроризма необходимо разрушить саму систему его воспроизводства, основу которой составляет идеология терроризма, её носители, а также каналы распространения. То есть огромное значение имеет профилактическая работа, главной целью которой является снижение уровня радикализации различных групп населения, прежде всего молодежи, и недопущение их вовлечения в террористическую деятельность. Данная работа предполагает реализацию ряда мер по формированию у населения Российской Федерации антитеррористического сознания; совершенствование мер информационно-пропагандистского характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; развитие организационных и иных мер, направленных на повышение результативности деятельности субъектов противодействия терроризму [2].

Справедливым будет утверждение, что ключевую роль в противодействии экстремизму и идеологии терроризма играет не столько борьба правоохранительных органов с преступлениями экстремистской и террористической направленности, сколько совместные усилия органов государственной власти и институтов гражданского общества по предупреждению экстремистских проявлений среди различных групп населения. Правоохранительные органы по роду своей деятельности имеют дело с уже свершившимся фактом правонарушения и с правонарушителем, как носителем сформированной экстремистской социально-психологической установки и мировоззрения. Главным же в противодействии экстремизму остается профилактика, предупреждение формирования экстремистского сознания и последующих экстремистских и его крайних, террористических проявлений. Также следует учитывать, что профилактика экстремизма включает в себя комплекс мер, направленных на предупреждение межнациональных (межконфессиональных) и иных социальных конфликтов в рамках региона, реагирование на действия и высказывания, которые могут находиться вне сферы юридической оценки, не попадать под уголовную или административную ответственность.

По уровню глубины воздействия на целевую аудиторию меры профилактики экстремизма можно разделить на два уровня. Во-первых, – уровень превентивных мер, или «оперативная профилактика». Под этим мы подразумеваем комплекс мер, направленных на раннее выявление и устранение условий, способствующих дальнейшему развитию экстремистских проявлений. К данному уровню относятся:

- а) мониторинг внешнего вида, поведения, используемой символики и высказываний;
- б) выявление фактов вовлеченности лиц в экстремистские и деструктивные группы;

в) выявление мировоззренческих и социально-психологических установок экстремистской направленности.

Во-вторых, – уровень собственно профилактических мер, или «глубинная профилактика». К нему относится система мер, направленных на формирование позитивных мировоззренческих и социально-психологических установок средствами просвещения и воспитания.

Анализ суммы современных теоретических представлений и практических результатов предполагает выделение определенных моделей профилактики экстремизма. Во-первых, это модель, основанная на информировании широкого круга лиц об ответственности за совершение преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности («*модель информирования*»). В основе данной модели лежит идея общего предупреждения (превенции) как воздействия на сознание потенциальных правонарушителей и стимулирования законопослушного поведения. Реализация такой модели подразумевает проведение профилактических мероприятий в форме лекций, собраний, выступлений в средствах массовой информации, в ходе которых представители правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления, институтов гражданского общества, педагоги, работники культуры и социальные работники разъясняют нормы закона, новеллы законодательства в сфере противодействия экстремизму и терроризму, приводят примеры привлечения к уголовной или административной ответственности за совершение преступлений и правонарушений экстремистской и террористической направленности.

Слушатели информируются о видах экстремистской деятельности, перечнях запрещенных экстремистских объединений, причинах и прогнозах распространения экстремизма, даются практические рекомендации о том, как самому не быть завербованным в различного рода экстремистские организации. Слушателям предоставляются сведения о правовых и социальных последствиях совершения экстремистских и террористических преступлений и правонарушений, о жизненных трудностях и трагедиях лиц, избравших для себя такой путь. Таким образом, доказывается неизбежность наказания за подобного рода противоправные деяния, формируется устойчивая установка на неприятие нарушения закона, в том числе и со стороны окружающих.

Данная модель имеет серьезные риски, так как излишне детализированная информация о проявлениях экстремизма, лидерах и участниках экстремистских групп может формировать ненужный интерес к их деятельности, особенно у лиц из подростково-молодежной среды. В то же время, модель информирования выполняет важную функцию идентификации подростков – участников неформальных молодежных объединений, так как, по мнению экспертов, это представляет наибольшую сложность для субъектов профилактики [4].

Подобная модель реализуется на уровне взаимодействия органов местного самоуправления муниципальных образований, региональными и муниципальными органами управления образованием с правоохранительными органами, представители которых регулярно приглашаются на встречи с педагогами и обучающимися учебных заведений.

Во-вторых, это модель, основанная на формировании психологической способности к пониманию и сопереживанию (эмпатии), так называемом интенсивном эмоциональном обучении («*модель сопереживания*»).

Данная модель рассматривает экстремизм как ксенофобическую установку [5], проявление нетерпимости к представителям иных расовых, этнических, социальных, религиозно-мировоззренческих групп. При этом в качестве основных причин формирования ксенофобии рассматриваются личные психологические факторы: недостаточная общительность, низкая самооценка, негативная оценка со стороны ближайшего окружения. У таких лиц с детского и подросткового возраста не формируется способность осмысливать собственный и чужой опыт, принимать рациональные решения в сложных стрессовых ситуациях. Это приводит к тому, что они оказываются легко подверженными чуждому влиянию, стремятся быть признанными группой, даже путем совершения преступного деяния. Стремление к эмоциональному единству с группой порождает нетерпимость ко всем остальным, к этой группе не принадлежащим.

Согласно этой модели, главной группой риска становятся люди с недостаточно развитой эмоциональной сферой. Поэтому профилактическая работа должна быть направлена на развитие самоэффективности, на формирование психологической невосприимчивости к деструктивному социальному влиянию, умения управлять своими эмоциями.

Основным критическим замечанием к данной модели является тот факт, что мотивация к участию в экстремистской деятельности может быть не только психологическая, но и идейно-мировоззренческая. Иначе говоря, экстремистской идеологии оказываются подверженными лица и с нормально развитой эмоциональной сферой. Кроме этого, следует учитывать, что в традиционной российской культуре воспитания ребенка мужского пола существует ряд запретов на излишнюю эмоциональность и сопереживание.

Практика показывает, что данная модель профилактики экстремизма наиболее успешно реализуется представителями институтов гражданского общества, в первую очередь этнической и конфессиональной направленности, придерживающихся традиционных религиозных устоев и ориентированных на конструктивный диалог, как со светской частью общества, так и с другими традиционными религиозными организациями региона.

В-третьих, это модель, основанная на развитии деятельности, альтернативной экстремистским формам поведения (*«модель альтернативного замещения»*). Данная модель предполагает создание условий для реализации в социально-приемлемой форме активности лиц [11, с. 60], потенциально склонных к экстремистской деятельности в силу стремления к риску и получению ярких эмоциональных ощущений. В качестве вариантов такой активности можно выделить ряд специально создаваемых для молодежи программ, направленных на предложение разнообразных форм активности, связанной с насыщенными позитивными эмоциями, а также с реализацией потребности в самореализации. Так, ряд современных исследователей экстремизма в общественно-политической сфере отмечают, что проявления коррупции способны выступать причинами укрепления позиций экстремистов внутри гражданского общества. Поэтому профилактика экстремизма в социальной среде предполагает мотивацию населения к конструктивной социальной активности [7, с. 173].

Внутри данной модели существует две ее основные разновидности, которые необходимо учитывать и оценивать с точки зрения целесообразности и эффективности.

Во-первых, эта модель профилактики предполагает ведущую роль традиционных институтов социализации, она ориентирована на сокращение неконтролируемого пространства социализации подростка и молодого человека. У этого варианта модели профилактики есть серьезный недостаток, связанный с авторитарным стилем управления, снижением социальной активности подростков и молодежи, игнорированием их личных интересов. Данный вариант модели профилактики не позволяет в полной мере прогнозировать и управлять латентными процессами в подростково-молодежной среде, например, появлением и функционированием неформальных групп.

Во-вторых, данная модель профилактики предполагает создание и внедрение в подростково-молодежные, образовательные и иные среды позитивно ориентированных форм социальной активности, формирование социально-культурной активности личности на основе включения в культуротворческие созидательные активности [4, с. 44], формирование устойчивых ценностно-мировоззренческих установок, противоположных экстремистской идеологии.

Это – наиболее сложный вид модели профилактики экстремизма, так как включает в себя разноплановую работу по снижению или разрушению деструктивного потенциала экстремистских групп и субкультур, а также – по созданию новых групп, субкультур и ценностно-мировоззренческих установок позитивной направленности, формированию позитивного общественного настроения, ценностно-мировоззренческих установок патриотизма, верности долгу, лояльности к органам власти и силовым структурам. Например, это могут быть лекции, посвященные истории спецподразделения антитеррора, «уроки мужества», приуроченные ко Дню солидарности в борьбе с терроризмом, Дню памяти, выполнявших долг за пределами Отечества, Дню героев Отечества и другим памятным датам и Дням воинской славы России.

К отдельной группе относятся темы просветительского характера, направленные на формирование у слушателей толерантного отношения к представителям различных этнических, религиозных, социальных групп.

Для подростково-молодежной аудитории востребованы беседы, посвященные информационной безопасности, в рамках которых рассматриваются технологии манипуляции в молодежных виртуальных сообществах, способы противодействия виртуальному экстремизму и деструктивной деятельности в киберпространстве [6].

Сотрудникам органов местного самоуправления, представителям педагогической общественности и работникам культуры могут быть адресованы занятия, посвященные организации мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннему предупреждению конфликтных ситуаций, особенно – в молодежной среде [14, с. 115], способам урегулирования межнациональных и межконфессиональных конфликтов, профилактике вовлечения молодежи в ряды псевдорелигиозных, экстремистских и террористических организаций, формированию культуры межнационального общения как фактору противодействия идеологии националистического экстремизма. Особое место уделяется темам, связанным с практическими вопросами социокультурной адаптации мигрантов, влияния на этноконфессиональную ситуацию миграционных процессов, проблемам государственной национальной и миграционной политики. Все встречи, беседы и лекции проводятся с привлечением широкого

круга экспертов и специалистов из числа научно-педагогических работников ведущих образовательных организаций высшего образования.

Таким образом, действенная система профилактики экстремистских проявлений предполагает взаимодействие органов государственной и муниципальной власти с представителями гражданского общества, общественными объединениями и религиозными организациями. Данная система включает в себя вышеназванные модели профилактики экстремизма и требует дальнейшего развития, в первую очередь через совершенствование методики проведения профилактических мероприятий, привлечение новых общественных объединений конструктивной направленности, поскольку новейшая мировая история показывает, что различные экстремистские идеологии, представляющие серьезную опасность для государства как института, постоянно видоизменяются, а идеологи движений экстремистской направленности всегда ориентируются, прежде всего, на молодежь [8; 16].

1. Грибанов Е.В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. – 2016. – № 7. – С. 77–81.

2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyu-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>.

3. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 18. № 4. 2018. С. 719–730.

4. Кузьмин А.В. Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2012. 47 с.

5. Маланцева О.Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» www.psyedu.ru. – 2012. – № 2. – С. 1. – URL: http://psyjournals.ru/files/53445/psyedu_ru_2012_2_Malanseva_Dozerseva.pdf.

6. Павленко С.А., Старостин А.Н. Из опыта работы общественной организации в области профилактики идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Профилактика экстремизма в молодежной среде: информ. сб. (спец. выпуск). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 53–61.

7. Протасевич А.А. О противодействии экстремизму в современном мире // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 172–176.

8. Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. Революционные волны второй половины XX в.: взаимосвязь геополитики, насилия и легитимности // Полис. Политические исследования. № 2. М., 2019. С. 24–40.

9. Рубан Л.С. Современное девиантное поведение и отношение молодежи к его проявлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 18. № 2. 2018. С. 318–333.

10. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014

№ Пр-2753). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/.

11. Троцук И.В. Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. – 2014. – № 4. – С. 58–74.

12. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в редакции, подготовленной на основе изменений, внесенных Федеральным законом от 18.04.2018 N 82-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

13. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.06.2002 № 114-ФЗ (в редакции от 28 ноября 2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

14. Шиллер В.В. Методы диагностики и профилактики деструктивных проявлений в молодежной среде (опыт Кузбасского регионального мониторинга экстремизма и терроризма) // Современные системы безопасности – анти-террор: Материалы конгрессной части XIII Всероссийского специализированного форума (24–25 мая 2017 г.). Красноярск, 2017. С. 188–191.

15. Шиллер В.В. Направления диагностико-профилактической работы в области противодействия экстремизму и идеологии терроризма (опыт применения регионального мониторинга экстремистских настроений в молодежной среде Кемеровской области) // Противодействие идеологии терроризма в образовательной сфере и молодежной среде: Материалы Всероссийского форума (Москва, 24–25 сентября 2018 г.). М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018. С. 63–67.

16. Шульц Э.Э. К вопросу о причинах радикальных форм социального протеста: размышления о принципах «Мальтузианской ловушки» и демографических факторах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 17. № 2. 2017. С. 180–191.

17. Slisovskiy D.E., Medvedev N.P. International security challenges in the perception of Russian students // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: социология. Том. 18. № 3. 2018. С. 443–451.

References

1. Griбанov E.V. Shkol'noe nasilie: mery profilaktiki i kontrolya (po materialam e'kspertnogo oprosa) // Sociologicheskie issledovaniya. – 2016. – № 7. – S. 77–81.

2. Kompleksnyj plan protivodejstviya ideologii terrorizma v Rossijskoj Federacii na 2019–2023 gody (utverzhen Prezidentom Rossijskoj Federacii 28 dekabrya 2018 g. № Pr-2665) // URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii-terrorizma-v.html>.

3. Kostina E. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O. Sostoyanie sistemy cennostej kak faktor anomii v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 18. № 4. 2018. S. 719–730.

4. Kuz'min A.V. Social'no-kul'turnaya profilaktika e'kstremizma v molodezhnoj srede: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Tambov, 2012. 47 s.

5. Malanceva O.D. Ksenofobiya i molodezhnyj e'kstremizm: istoki

i vzaimosvyazi // E'lektronnyj zhurnal «Psixologicheskaya nauka i obrazovanie» www.psyedu.ru. – 2012. – № 2. – S. 1. – URL: http://psyjournals.ru/files/53445/psyedu_ru_2012_2_Malanseva_Dozorseva.pdf.

6. Pavlenko S.A., Starostin A.N. Iz opyta raboty obshhestvennoj organizacii v oblasti profilaktiki ideologii e'kstremizma i terrorizma v molodezhnoj srede // Profilaktika e'kstremizma v molodezhnoj srede: inform. sb. (spec. vypusk). – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. S. 53–61.

7. Protasevich A.A. O protivodejstvii e'kstremizmu v sovremennom mire // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2019. – T. 13, № 1. – S. 172–176.

8. Rozov N.S., Pustovojt Yu.A., Filippov S.I., Cygankov V.V. Revolyucionnye volny vtoroj poloviny XX v.: vzaimosvyaz' geopolitiki, nasiliya i legitimnosti // Polis. Politicheskie issledovaniya. № 2. M., 2019. S. 24–40.

9. Ruban L.S. Sovremennoe deviantnoe povedenie i otnoshenie molodezhi k ego proyavleniyam // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 18. № 2. 2018. S. 318–333.

10. Strategiya protivodejstviya e'kstremizmu v Rossijskoj Federacii do 2025 goda (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii 28.11.2014 № Pr-2753). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/.

11. Trocuk I.V. Soxadze K.G. Social'naya aktivnost' molodezhi: podxody k ocenke form, motivov i faktorov proyavleniya v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. – 2014. – № 4. – S. 58–74.

12. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii terrorizmu» ot 06.03.2006 № 35-FZ (v redakcii, podgotovlennoj na osnove izmenenij, vnesennyx Federal'nyx zakonom ot 18.04.2018 N 82-FZ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/.

13. Federal'nyj zakon «O protivodejstvii e'kstremistskoj deyatel'nosti» ot 25.06.2002 № 114-FZ (v redakcii ot 28 noyabrya 2018 g.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/.

14. Shiller V.V. Metody diaġnostiki i profilaktiki destruktivnyx proyavlenij v molodezhnoj srede (opyt Kuzbasskogo regional'nogo monitoringa e'kstremizma i terrorizma) // Sovremennye sistemy bezopasnosti – antiterror: Materialy kongressnoj chasti XIII Vserossijskogo specializirovannogo foruma (24–25 maya 2017 g.). Krasnoyarsk, 2017. S. 188–191.

15. Shiller V.V. Napravleniya diagnostiko-profilakticheskoj raboty v oblasti protivodejstviya e'kstremizmu i ideologii terrorizma (opyt primeneniya regional'nogo monitoringa e'kstremistskix nastroenij v molodezhnoj srede Kemerovskoj oblasti) // Protivodejstvie ideologii terrorizma v obrazovatel'noj sfere i molodezhnoj srede: Materialy Vserossijskogo foruma (Moskva, 24–25 sentyabrya 2018 g.). M.: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet», 2018. S. 63–67.

16. Shul'c E'.E'. K voprosu o prichinax radikal'nyx form social'nogo protesta: razmyshleniya o principax «Mal'tuzianskoj lovushki» i demograficheskix faktorax // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 17. № 2. 2017. S. 180–191.

17. Slisovskiy D.E., Medvedev N.P. International security challenges in the perception of Russian students // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: sociologiya. Tom. 18. № 3. 2018. S. 443–451.

UDC 323.28

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.107117

PREVENTION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS: THEORETICAL BASES AND PRACTICAL MODELS

Starostin Aleksey Nikolayevich,

Ural State Mining University,
Associate Professor of Theology,
Ural Federal University,
Associate Professor of Archeology and Ethnology,
Candidate of History,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: alisheria@mail.ru

Suslonov Paul Evgenievich,

Ural State Mining University,
Associate Professor of Theology,
Ural Federal University,
Associate Professor of Organization of Work With Youth,
Candidate of Philosophy,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: r.suslonow2010@yandex.ru

Shiller Vadim Viktorovich,

Kemerovo State Medical University,
Associate Professor of History,
Candidate of History,
Kemerovo, Russia,
E-mail: shiller.vadim@yandex.ru

Annotation

In article the main forms and methods of activities for prevention and prevention of extremist manifestations among various categories of the population in the Russian Federation applied by bodies of the state and municipal authority together with institutes of civil society are analyzed. Classification of actions of anti-extremist orientation by the level of depth of impact on target audience is given and also the theoretical description of the models of prevention which developed in various regions of the country is given.

Keywords:

prevention, extremism, terrorism, radicalism, disruptiveness.

УДК 327.56
DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.118126

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИРИЙСКОГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Колесников Павел Михайлович,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра международных отношений, мировой политики и
дипломатии,
кандидат юридических наук, доцент,
Казань, Россия,
E-mail: kolesnikovlawer@mail.ru

Аль Ахмад Амад Хассан,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра востоковедения, африканистики и исламоведения,
кандидат юридических наук, старший преподаватель,
Казань, Россия,
E-mail: Amad-980@mail.ru

Сакаев Василь Тимерьянович,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра международных отношений, мировой политики и
дипломатии,
кандидат исторических наук, доцент,
Казань, Россия,
E-mail: sakaev2003@mail.ru

Аннотация

В статье освещается проблема вооруженного конфликта на территории Сирийской Арабской Республики. Рассматривается возможность урегулирования сирийского конфликта в контексте международного права. Авторы предлагают свое видение мирного урегулирования сирийского вопроса путем прямого диалога между прави-

тельством и оппозицией с целью достижения мира и согласия на всей территории страны.

Ключевые слова:

конфликт, Сирия, урегулирование, Ближний Восток, мир.

Говоря о сирийском военном конфликте, необходимо указать на то, что главный вопрос на сегодняшний день – это вопрос о его дальнейшем развитии, а также о том, каковы реальные шансы на его мирное разрешение в настоящее время. Важно понимать, что современная геополитическая картина на Ближнем Востоке в целом, и в Сирии в частности, отличается от ситуации, которая существовала до «арабских революций», начавшихся в 2011 году.

Для осмысления проблемы следует вспомнить некоторые исторические факты, ставшие предвестниками нынешней череды кровопролитных войн и состояния дестабилизации в регионе. Как известно, Ближний Восток давно является полем противостояния международных и региональных политических сил, что привело к превращению региона в источник многочисленных военных конфликтов и, в большинстве случаев, предопределило неспособность их разрешения усилиями ООН, ЛАГ и других международных организаций. Ближний Восток является печальным примером политической нестабильности и пространством серьезных международно-правовых нарушений, связанных с правами и свободами человека, примером многочисленных нарушений международных обязательств, зафиксированных в Уставе ООН и других международных договорах.

Предпосылки сегодняшних событий следует искать в ситуации начала 1950-х гг., когда американский президент Д. Эйзенхауэр, а также директор ЦРУ А. Даллес и государственный секретарь США Д. Ф. Даллес отвергли предложение Советского Союза о наделении региона Ближнего Востока статусом нейтральной зоны «холодной войны» и о предоставлении всем арабским государствам права на суверенное управление своими территориями. США начали тайную войну против доктрины арабского национализма, которую американская администрация фактически приравнивала к идеологии коммунизма, особенно в тот период, когда самостоятельная политика арабских режимов стала создавать реальную угрозу американским нефтяным концессиям. Сирия также стала объектом пристального внимания США, и уже в 1949 г. демократически избранный сирийский президент Шукри аль-Куатли был свергнут в результате переворота, организованного американской разведкой, в связи с его несогласием с энергетической политикой США в регионе [4].

В начале XXI века Сирия вновь привлекает внимание крупных политических игроков, а затянувшийся в этой стране конфликт продолжает представлять реальную угрозу для мира и безопасности соседних государств (Ирак, Ливан, Израиль, Иордания, Турция), не говоря уже о тех серьезных испытаниях, каким подвергся и продолжает подвергаться сирийский народ. Обстановка в этом арабском государстве продолжает оставаться напряженной, несмотря на заметные успехи правительственных войск Башара аль-Асада и широкомасштабное вмешательство Военно-космических сил России. Ситуация усугубляется вовле-

ченностью в конфликт международных игроков, которые в той или иной степени оказывают негативное воздействие на процесс достижения мира в стране, в их числе: США, Саудовская Аравия, Иран. Возникшие и укрепившиеся на территориях Сирии и Ирака некоторые террористические группировки (ИГИЛ¹ и др.), захватившие стратегические нефтяные районы [9], несут серьезную угрозу безопасности не только региона, но и мира в целом.

Сирийские события последних лет кардинально изменили условия протекания этого затянувшегося вооруженного конфликта, что потребовало от Совета Безопасности ООН переосмыслить параметры его оценки, выработать новые подходы к его разрешению.

Международный опыт свидетельствует о том, что нынешнее положение в регионе осложняется неурегулированностью внутрисударственных вооруженных конфликтов не только в Сирии, но и в Ираке и Йемене, что, в свою очередь, обусловлено отсутствием какого-либо конструктивного диалога между двумя самыми влиятельными региональными державами – Саудовской Аравией и Ираном. Поэтому ключи к урегулированию большинства конфликтов на Ближнем Востоке находятся в Тегеране и Эр-Рияде. В качестве примера следует указать на внутривосточный конфликт, начавшийся в 1975 г. и продолжавшийся вплоть до 1989 г., который был урегулирован лишь при конструктивной дипломатии Саудовской Аравии и Ирана. В результате сбалансированной политики этих государств 22 октября 1989 г. в саудовском городе Таиф противоборствующие силы заключили соглашение («Хартия национального примирения»), которое положило конец затяжной гражданской войне в Ливане.

Относительно сирийского конфликта, принципиально важными константами являются, во-первых, необходимость разрешения всех существующих противоречий исключительно политическими средствами, путем открытия каналов для инклюзивного диалога между всеми сторонами конфликта, а, во-вторых, исключение из этого процесса какого бы то ни было внешнего политического, правового или экономического давления. Задача скорейшего мирного урегулирования кризиса самими сирийцами без иностранного вмешательства путем открытого и равноправного диалога между правительством и оппозицией была определена соответствующими положениями в резолюциях СБ ООН № 2042 [7] и № 2043 [8], а также Женевским коммюнике «Группы действий» от 30 июня 2012 г. [3]. Однако дальнейшее развитие событий показало, что участвующие в сирийском конфликте стороны и их зарубежные кураторы прямо или косвенно саботировали нормы этих важнейших документов, конечной целью которых было желание положить конец вооруженным посягательствам на безопасность суверенного государства Сирийская Арабская Республика [13, с. 327].

В контексте рассматриваемого вопроса стоит отметить, что серьезное внимание в современном международном праве уделяется проблеме неприкосновенности государственных территорий, а также необходимости воздерживаться от любых актов посягательства, агрессии или вторжения, нарушающих территориальную целостность суверенного государства, гарантируемую нормами Устава ООН [1, с. 167]. Говоря об этом ключевом источнике международного права, необходимо указать, что Устав ООН закрепляет гарантии территориальной

¹ Запрещена в России

целостности и политической независимости суверенных государств [10]. В упомянутом Заключительном коммюнике «Группы действий» по Сирии говорится о приверженности составителей данного документа суверенитету, независимости, национальному единству и территориальной целостности Сирии (пункт 3). Как известно, государственный суверенитет является определяющим фундаментом полноценного участия государства в международных отношениях и при создании международных организаций. Это признается как нормами международного права, так и положениями национального законодательства [11, с. 12]. Следовательно, ключевой целью региональных и международных усилий является не что иное, как достижение справедливого и приемлемого урегулирования конфликта [1, с. 167]. Реализация этого процесса должна осуществляться путем принятия соответствующих коллективных мер, направленных на прекращение боевых действий и на восстановление долгожданного мира, опираясь на достигнутые ранее договоренности в рамках норм международного права.

Важно помнить, что система коллективных мероприятий по обеспечению международной безопасности, предусмотренная Уставом ООН, включает ряд мер, таких как: запрещение угрозы силой или ее применения в отношениях между государствами (п. 4 ст. 2); меры мирного разрешения международных споров (гл. VI); меры разоружения (ст. 11, 26, 47); меры по использованию региональных организаций безопасности (гл. VIII); временные меры по пресечению нарушения мира (ст. 40); принудительные меры безопасности без использования вооруженных сил (ст. 41) и с их использованием (ст. 42). Отступление от указанных принципов и норм является нарушением международного права [14, с. 21].

События на Ближнем Востоке и, в частности, в Сирии свидетельствуют о том, что политическое руководство США и их союзники склонны указывать на некую национальную исключительность и свое политическое превосходство над всеми остальными участниками международных и региональных процессов. США наделяют себя при этом статусом «мирового жандарма», которому позволено посредством развязывания агрессивных войн и военно-политических провокаций наказывать неугодных лидеров других государств, попирая тем самым нормы Устава ООН и систему международного права в целом, в создании которой они принимали активное участие [12, с. 21].

Мы полагаем, что многие угрозы региональной безопасности на Ближнем Востоке исходят именно от политического руководства США, подверженного влиянию так называемой финансовой «корпоратократии», охватившей все сферы политической, экономической и государственной жизни общества. Главной целью последней является финансовое обогащение, достигаемое путем организации политических провокаций, развязывания новых очагов нестабильности и военных конфликтов. Благодаря подобным деструктивным шагам крупные американские ТНК и их лоббистские группы в Конгрессе и иных государственных органах «проталкивают» выгодные многомиллионные сделки по продаже оружия, финансируя зачастую разные стороны конфликта. Примером такой американской политики является ирано-иракская война (1980–1988 гг.), в ходе которой США и их союзники обеспечивали и Багдад, и Тегеран военной и финансовой помощью, снабжали разведывательными и топографическими данными, надеясь тем самым как можно дольше сохранять состояние войны между двумя странами [2, с. 89–90]. Нынешний внешнеполитический курс США в регионе

несет угрозу возникновения новых войн и конфликтов, влечет за собой целый комплекс международно-правовых, гуманитарных, политических, экономических и иных проблем безопасности регионального и глобального масштаба.

Запад, исповедующий прагматические ценности, всегда стремился построить такой мировой порядок, который в максимальной степени отвечал бы его экономическим и политическим интересам, и, прежде всего, собственной безопасности. Иначе говоря, ему свойственно не подстраивание под существующие нормы правового или политического характера, а использование их для реализации только своих национальных интересов, отсюда – практика двойных стандартов. Традиционно Вашингтон ставит целью формирование такого международного порядка, который бы, с одной стороны, сохранил в неприкосновенности лидерские позиции США во всем мире, а с другой – обеспечил бы финансово-экономическую стабильность собственного государства [5, с. 17–25]. При этом международное право как основной регулятор международных отношений выполняет лишь роль «юридического декора», использование которого оправдано только в том случае, когда это выгодно руководству Белого дома.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что основными факторами, затрудняющими процесс мирного урегулирования сирийского конфликта, являются:

1) продолжение вмешательства США, Ирана, Саудовской Аравии, Катара и ряда других государств во внутренние дела Сирии, что противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права;

2) усиление иранского и саудовского политического влияния (зачастую, «теневое») на расстановку сил в ближневосточном регионе, оказывающего негативное воздействие на процесс поиска и согласования путей политического разрешения военных конфликтов в Сирии, Ливане, Йемене и Ираке;

3) финансирование и военная поддержка незаконных вооруженных формирований со стороны Эр-Рияда и Тегерана на сирийском, иракском и йеменском направлениях их ближневосточной политики.

При этом с позиции международного права все государства без исключения обязаны оказывать соответствующее содействие для поддержания и укрепления всеобщего мира и безопасности человечества. В этой связи одним из важнейших требований современного международного сообщества является четкое следование аксиоме неделимости мира, добросовестного и строгого соблюдения государствами общепризнанных принципов и норм международного права. Исходя из этого определяющего постулата, а также руководствуясь ключевыми принципами международного права и реальными возможностями мирного урегулирования сирийского конфликта, мы предлагаем следующую программу действий:

1) составление совместной российско-американской дорожной карты, гарантирующей стабильный процесс мирного урегулирования сирийского конфликта, поскольку разрешение сирийского кризиса без достижения политического консенсуса между Москвой и Вашингтоном не представляется возможным;

2) обеспечение закрытия границ с Иорданией, Ливаном и Турцией для недопущения бесконтрольного перемещения террористов, боеприпасов и оружия;

3) организация через специальные гуманитарные коридоры вывода с территории Сирийской Арабской Республики боевиков иностранных незаконных

вооруженных формирований и наемников из Ирана, Саудовской Аравии, Катара, Туниса и других государств;

4) ввод на территорию Сирии миротворческого контингента ООН в целях обеспечения безопасности на время политического урегулирования и переговорного процесса;

5) подготовка правительством Сирии и оппозиционными группировками системы мер взаимного доверия, способствующих сближению их политических позиций и выработке консенсуса по ключевым вопросам обеспечения мира, безопасности и стабильности сирийского государства и его народа;

6) обеспечение правительственными силами Сирийской Арабской Республики и оппозицией договоренностей о полном прекращении боевых действий сроком на один год для начала конструктивного политического диалога, что, в свою очередь, позволит начать процесс возвращения беженцев в свои дома;

7) издание на внутрисударственном уровне специального юридического акта (Указ Президента, Постановление сирийского правительства или закон Народного совета) об амнистии в отношении тех, кто сложит оружие и откажется от участия в незаконных вооруженных формированиях (за исключением боевиков ИГИЛ²);

8) включение в группу «посредников» сирийского урегулирования представителей России и Организации Исламского Сотрудничества, которые, на наш взгляд, способны оказать положительное влияние и содействовать достижению компромисса между всеми участниками сирийского конфликта, играя роль гарантов в выполнении достигнутых договоренностей;

9) формирование правительства Национального единства, в котором будут представлены сторонники как нынешней власти, так и политической оппозиции, а также – допущение к переговорному процессу представителей светских и духовных кругов сирийского общества;

10) проведение полномасштабной конституционной реформы с целью модернизации и обновления существующей системы государственных органов, закрепления на законодательном уровне с учетом многонационального характера сирийского государства реальных юридических и административных механизмов участия в политической жизни страны представителей различных этноконфессиональных групп, в том числе курдов, мусульман-суннитов и христиан. При этом важно убедить Башара Аль-Асада сесть за стол переговоров с курдами, учитывая тот факт, что они уже создали свою автономию (Демократическая Федерация Северной Сирии со столицей в г. Эль-Камышлы), правительство которой состоит преимущественно из курдов, арабов и ассирийцев. Это нужно указать, поскольку курдский вопрос является одной из причин усиленного вмешательства Турции в сирийский конфликт, поскольку на территории Турецкой Республики проживает значительное количество курдов, которые, наблюдая за ситуацией в Сирии, также начинают размышлять о создании своей автономии.

Следует отметить, что в контексте проведения будущей конституционной реформы в Сирии в рамках мирных переговоров в Астане (январь 2017 г.) российская сторона предложила участникам переговоров проект конституции Сирийской Республики, состоящей из 85 статей. К числу основных преобра-

² Запрещена в России

зований политической системы страны документ относит: а) переименование Сирийской Арабской Республики в Сирийскую Республику; б) осуществление процесса децентрализации государственной власти на основе принципов национально-этнического федерализма; в) усиление законодательной власти парламента в противовес функциям президента; г) утверждение принципа секуляризма с постепенным ослаблением роли исламского шариата как основного источника права [6].

Принятие указанных мер с учетом соблюдения положений международного права и сирийского национального законодательства может в значительной степени повлиять не только на урегулирование военного конфликта на территории Сирии, но и гарантировать безопасность и стабильность развития политической, этноконфессиональной и экономической системы данного государства в будущем.

1. Аль Ахмад Амад Хассан. Территория как объект вооруженного конфликта на Ближнем Востоке // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 167–169.

2. Ближний Восток и международное право. (Международное право и развивающиеся страны). – М.: Наука, 1992. – 264 с.

3. Заключительное коммюнике Группы действий по Сирии от 30 июня 2012 г. Официальный сайт ООН // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

4. Кеннеди Роберт. Почему арабы не желают нас видеть в Сирии // URL: <https://inosmi.ru/politic/20160225/235534736.html>.

5. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект, 2009. – 376 с.

6. Проект конституции Сирии // URL: <https://news.rambler.ru/politics/35974161-opublikovan-predlozhenny-rossiey-proekt-konstitutsii-sirii/?updated>.

7. Резолюция Совета безопасности ООН № 2041. Принята СБ ООН на его 6738-м заседании 22 марта 2012 г. Официальный сайт ООН // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

8. Резолюция Совета безопасности ООН № 2041. Принята СБ ООН на его 6756-м заседании 21 апреля 2012 г. Официальный сайт ООН // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

9. Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14–1424С: международные организации «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра («Фронт победы», позднее переименована в Джебхат аш-Шам») признаны террористическими, а их деятельность запрещена на территории Российской Федерации // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции // URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/420254782>.

10. Устав ООН. Подписан 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско. Вступил в силу 24 октября 1945 г. Официальный сайт ООН // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

11. Ушаков Н. А. Государство в системе международно-правового регулирования: учеб. пособие / Акад. правовой ун-т при Ин-те государства и права РАН. М.: Ин-т государства и права РАН, 1997. – 62 с.

12. Фархутдинов И.З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии) // Евразийский юридический журнал. – № 10 (89). – 2015. – С. 19–29.

13. Черненко С.В. Контуры международного права. – М.: Научная книга, 2014. – 511 с.

14. Черненко С.В. Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87). – С. 21–27.

References

1. Al' Axmad Amad Xassan. Territoriya kak ob"ekt vooruzhennogo konflikta na Blizhnem Vostoke // Vestnik e'konomiki, prava i sociologii. – 2015. – № 4. – S. 167–169.

2. Blizhnij Vostok i mezhdunarodnoe pravo. (Mezhdunarodnoe pravo i razvivayushhiesya strany). – М.: Nauka, 1992. – 264 с.

3. Zaklyuchitel'noe kommyunike Gruppy dejstvij po Sirii ot 30 iyunya 2012 g. Oficial'nyj sajt OON // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

4. Kennedi Robert. Pochemu araby ne zhelayut nas videt' v Sirii // URL: <https://inosmi.ru/politic/20160225/235534736.html>.

5. Marchenko M.N. Gosudarstvo i pravo v usloviyax globalizacii. – М.: Prospekt, 2009. – 376 с.

6. Proekt konstitucii Sirii // URL: <https://news.rambler.ru/politics/35974161-opublikovan-predlozhenny-rossiey-proekt-konstitutsii-sirii/?updated>.

7. Rezolyuciya Soveta bezopasnosti OON № 2041. Prinyata SB OON na ego 6738-m zasedanii 22 marta 2012 g. Oficial'nyj sajt OON // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

8. Rezolyuciya Soveta bezopasnosti OON № 2041. Prinyata SB OON na ego 6756-m zasedanii 21 aprelya 2012 g. Oficial'nyj sajt OON // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

9. Reshenie Verxovnogo Suda RF ot 29 dekabrya 2014 g. N AKPI14–1424S: mezhdunarodnye organizacii «Islamskoe gosudarstvo» i «Dzhebxat an-Nusra («Front pobedy», pozdnee pereimenovana v Dzhebxat ash-Sham») priznany terroristicheskimi, a ix deyatel'nost' zapreshhena na territorii Rossijskoj Federacii // Arxiv reshenij arbitrazhnyx sudov i sudov obshhej yurisdikcii // URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/420254782>.

10. Ustav OON. Podpisan 26 iyunya 1945 g. v San-Francisko. Vstupil v silu 24 oktyabrya 1945 g. Oficial'nyj sajt OON // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/.

11. Ushakov N.A. Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya: ucheb. posobie / Akad. pravovoj un-t pri In-te gosudarstva i prava RAN. М.: In-t gosudarstva i prava RAN, 1997. – 62 с.

12. Farxutdinov I.Z. Obespechenie mira i bezopasnosti v Evrazii (mezhdunarodno-pravovaya ocenka sobytij v Sirii) // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – № 10 (89). – 2015. – С. 19–29.

13. Chernenko S.V. Kontury mezhdunarodnogo prava. – М.: Nauchnaya

kniga, 2014. – 511 s.

14. Chernenko S. V. Obshhepriznannye principy i normy mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnye dogovory Rossijskoj Federacii // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2015. – № 8 (87). – S. 21–27.

UDC 327.56

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.118126

APPROACHES FOR THE PEACEFUL SETTLEMENT OF THE SYRIAN ARMED CONFLICT WITHIN THE INTERNATIONAL LAW

Kolesnikov Pavel Mikhailovich,

Kazan Federal University,
PhD, Associated Professor of the International Relations,
World Politics and Diplomacy,
Kazan, Russia,
E-mail: kolesnikovlawer@mail.ru

Al Ahmad Amad Hassan,

Kazan Federal University,
PhD, Senior Lecturer of Oriental Studies,
African Studies and Islamic Studies,
Kazan, Russia,
E-mail: Amad-980@mail.ru

Sakaev Vasil Timerjanovich,

Kazan Federal University,
PhD, Associated Professor of the International Relations,
World Politics and Diplomacy,
Kazan, Russia,
E-mail: sakaev2003@mail.ru

Annotation

This article highlights the problem of armed conflict in the territory of the Syrian Arab Republic. The different approaches for the peaceful settlement of the Syrian armed conflict are considered within the International Law. The authors offer their vision for a peaceful settlement of the Syrian issue through direct dialogue between the government and the opposition for the purpose of an achievement of peace and consent in all territory of the country.

Keywords:

conflict, Syria, settlement, Middle East, peace.

УДК 930.85+82.09

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.127136

ДОХОДНОСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ: О ПИСАТЕЛЯХ-ХАЛТУРЩИКАХ И ИХ ЗАКАЗЧИКАХ В ДИСКУРСЕ СОВЕТСКОЙ САТИРЫ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-Х ГОДОВ

Воробьева Мария Владимировна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
кандидат культурологии, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Аннотация

В статье изложены результаты анализа произведений советской сатиры и литературной критики второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Воссозданы стратегии игроков разного масштаба, действовавших на поле литературы, основные типы писателей-халтурщиков, главной целью которых было извлечение дохода из литературы, причины появления некачественной литературной продукции в печати.

Ключевые слова:

писатели-халтурщики, идеологическая конъюнктура, советская сатира, советская литературная критика, литературный процесс 1920–1930-х годов.

После завершения Гражданской войны и образования СССР наиболее сильным игроком на политическом поле страны стало советское государство. Его доминирование проявилось на всех других площадках социальной жизни, включая литературу. Конечно, государство не было единственным игроком и заказчиком в области литературы. В роли других игроков и заказчиков вы-

ступали различные ведомства и организации, например, творческие союзы, издательства и редакции журналов, литературные отделы театров. Но именно государство навязывало правила игры всем остальным, требуя от литературной продукции прежде всего соответствия официальной идеологии, политике и так называемой «злобе дня».

Как именно, при помощи каких инструментов государство навязывало свою идеологию, какие последствия для литературы имела подобная политика, достаточно подробно разобрано в многочисленных исследованиях, посвящённых советской литературе разных периодов [см., к примеру, 2; 7; 11]. Однако игрокам других уровней уделено меньше внимания. Исследование, лёгшее в основу данной статьи, призвано отчасти заполнить существующую лауну. Наряду с этим нас интересуют способы, руководствуясь которыми часть игроков извлекала из литературы доход [отчасти тема затронута в: 1; 2; 13; об экономических отношениях в Союзе художников, во многом устроенном по модели Союза писателей, см. 16]. Общая цель статьи – воссоздать наиболее типичные стратегии игроков разного масштаба, продемонстрировать взаимозависимость и трансформации стратегий в аспекте возможностей извлечения дохода из литературной деятельности.

Обозначим хронологические рамки нашего исследования. С одной стороны располагается 1925 год, ознаменованный выходом Постановления Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы». Это постановление декларировало начало культурной революции, констатировало наличие классовой борьбы в молодой советской литературе и владение пролетариатом чёткими критериями оценки содержания литературы. Вместе с тем, партия в лице ЦК Политбюро отказывалась солидаризироваться с каким-либо одним литературным направлением, провозглашая в области формы свободу соревнования разных литературных группировок [11, с. 79–80; 14]. С другой стороны мы поместили 1932–1934 годы, связанные с двумя важными для литературы событиями. Первым было издание Постановления ЦК Политбюро ВКП (б) 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций». Постановление 1932 года ликвидировало литературные группировки и создало Союз советских писателей (ССП) [11, с. 209–210; 15]. Таким образом в области литературы оказалась упразднена провозглашённая семь лет назад свободная конкуренция и появилась единственная авторизованная ВКП (б) группировка, поставившая все остальные группировки в нелегальное положение. Вторым событием выступило проведение I-го Всесоюзного съезда советских писателей в 1934 году. Съезд реализовал на практике Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» в части основания ССП, утвердив его руководящие органы и устав.

У игроков разного масштаба, действующих на литературном поле, к завершению 1920-х годов сложились разные стратегии приспособления к правилам игры, заданным государством. Для выявления и анализа этих стратегий мы обратились к материалам литературной сатиры (прежде всего – к жанрам фельетона и рассказа) и литературной критики (журнально-публицистической и литературоведческой). Поскольку корпус текстов сатиры того времени довольно объёмен, мы ограничились анализом произведений наиболее извест-

ных и востребованных авторов – И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, В. П. Катаева и М. М. Зощенко. Что касается критики, то подход был следующим: рассматривались статьи лидеров самых крупных литературных группировок (ЛЕФ, РАПП, «Перевал», переверзевская школа). Основные методы, задействованные в исследовании, – метод контент-анализа и метод дискурс-анализа.

Контекст изученных произведений сатиры и литературно-критических статей даёт возможность условно поделить игроков литературного поля на две категории – исполнителей и заказчиков. К первой категории относились писатели. Писатели могли выступать в составе литературных группировок, но также могли до 1932 года выстраивать литературную карьеру единолично. Ко второй категории игроков – к игрокам-заказчикам – относились разнообразные организации: издательства (государственные и частные до конца 1920-х годов, после только государственные); редакции журналов разнообразной направленности; другие организации, не связанные с издательской деятельностью, но желавшие, чтобы их производственная тематика была отображена в литературе; представители театров, кинофабрик, мюзик-холлов. Писатели предлагали свою продукцию в надежде на успешный сбыт и получение прибыли. Заказчики имели потребность печатать литературную продукцию постоянно или к случаю, например, к очередной годовщине Октябрьской революции. Потребность заказчиков напечатать литературную продукцию оказывалась не менее насущной, чем потребность писателей её сбыть, поэтому стороны нуждались в сотрудничестве.

Слово критики

В результате знакомства со статьями наиболее известных лидеров литературных группировок (всего 28 статей) напрашивается вывод, что тема извлечения дохода из литературы критиками напрямую не обсуждалась. Зато косвенно присутствие данной темы заметно в её изводе, а именно, теме литературной халтуры (8 статей из 28 изученных).

Ещё в 1923 году за пределами исследуемого нами периода ЛЕФовский критик М. Ю. Левидов писал, что следствием Октябрьской революции должно стать организованное упрощение культуры, и это последнее является завоеванием революции. М. Ю. Левидов считал производство суррогатов от искусства не просто нормальным, но желаемым, таким образом, косвенно оправдывая и халтуру, которая в определённой мере является суррогатом [10, «*Организованное упрощение культуры*», с. 331]. В том же 1923 году А. К. Воронский, редактор журнала «Красная новь» и вдохновитель литературной группы «Перевал», признал наличие идеологического приспособленчества и производства халтуры в поэзии [10, «*Искусство как познание жизни и современность*», с. 212]. В 1931 году положение не изменилось – генеральный секретарь РАПП Л. Л. Авербах поднял вопрос об искренности в художественном творчестве, говоря о халтуре, приспособленчестве и версификаторстве, «которые наблюдаются по всему фронту поэзии» [12, «*За художественное качество*», с. 437]. Он предложил считать приспособленчество формой наступления классового врага, а не формой мимикрии, и драться «за перестройку, но против пристройки» [12, с. 437].

Вскоре и сами производители литературной халтуры удостоились пристального внимания: А. К. Воронский произвел анализ типа литературного халтурщика, его социальных масок, мотивов деятельности, причин успеха [12, «Пролазы и подхалимы», с. 184–188]. По словам Воронского, литературный халтурщик не имеет собственных убеждений, конъюнктурен, постоянно следит за изменением обстановки, готов моментально перестраиваться. Единственное, что его действительно интересует – это гонорар. Рецепт успеха литературного халтурщика – в создании идеологически выдержанных текстов, безупречных именно с позиции идеологии (отпустить «полфунта Кремля» [12, с. 187]). Халтурщики носят личину критиков, рецензентов и художников, а масштаб распространения таков, что хотя пока они не делают погоды в литературе, но уже ощутимо на неё влияют [12, с. 188].

Кто же виноват в появлении и успехе халтуры? На сей счёт мнения критиков разделились. Другой представитель «Перевала» А. З. Лежнёв уловил снисходительное отношение ЛЕФа к суррогатным продуктам культуры и обвинил последний в способствовании производству халтуры. Согласно мысли А. З. Лежнёва, в советской литературе имеет место халтура и «писание по тезисам» (то есть, в соответствии с идеологическими постулатами) [10, «Дело о трупе», с. 261]. Вина за это лежит на ЛЕФе в лице разных его представителей, которые на уровне литературной теории уделяют писателю весьма скромное место иллюстратора идеологических тезисов, утверждая раздельность существования литературы и идеологии [10, с. 262–265, с. 267]. Представитель РАПП Н. Я. Берковский, однако, высказал иную точку зрения относительно виновников производства халтуры. В качестве таковых им названы не представители других литературных группировок, но писатели-попутчики [10, «Борьба за прозу», с. 123–152]. Берковский образно сравнил литературу с хозяйством и выделил внутри неё два сектора – плановый и анархический. К плановому он относит РАПП и ЛЕФ по причине наличия у них программ литературного развития и чётко намеченных перспектив. Анархический сектор составляют писатели-«попутчики», карьеры которых представляют собой «сплошную авантюру» [10, с. 123]. Как же именно «мелкие начинатели, предприниматели» (среди них Берковский называет Ю. К. Олешу, И. Г. Эренбурга и Б. А. Пильняка) продвигают свои произведения [10, с. 128]? Сперва они завоевали доверие читателей лояльностью к революции, а потом, используя сложившуюся репутацию, начали публиковать произведения совсем иного характера [10, с. 123–125]. Подобное обвинение весьма характерно для РАПП, которая к 1930 году вообще отказалась от поддержки попутчиков, выдвинув лозунг «Не попутчик, но союзник или враг» [7, с. 153; 9]. Третья позиция относительно виновников появления литературной халтуры в печати принадлежит А. К. Воронскому. Он полагал, что виновниками выступают, во-первых, редакторы, которые в силу человеческих слабостей (художественной безграмотности, бестолковости, безвкусыя, слабости) принимают в печать продукцию низкого качества [12, «Искусство видеть жизнь», с. 372]. Во-вторых, виноваты критики, поощряющие появление подобной продукции в печати, не в состоянии отличить подлинность от конъюнктурного приёма [12, «Пролазы и подхалимы», с. 187–188].

Итак, одни критики считали производство литературных суррогатов нормальным и не анализировали это как проблему. Другие признавали проблему наличия халтуры и приспособленчества в советской литературе, но видели разные причины данного явления. Однако итог хочется подвести примечательным высказыванием В. Ф. Переверзева относительно теории социального заказа: «Мы вовсе не обращаемся с заказом ни к лефовцам, ни к вапповцам, мы просто, как власть имущие, приказываем петь тем, кто умеет петь нужные песни, и молчать тем, кто их не умеет петь» [10, *«Печать и революция»*, с. 185]. Претензии Переверзева на идентификацию с властью очень скоро потерпят крах, его позиция будет подвергнута уничижительной критике, но сформулированная им суть теории социального заказа и сам подход к производству литературной продукции останутся неизменными.

Слово сатиры

Что касается сатиры, то она, в отличие от критики, не чуждалась темы извлечения дохода из литературы и достаточно пристально вглядывалась в фигуры литературных халтурщиков. Сквозь призму этого нами были проанализированы юмористические и сатирические произведения М. М. Зощенко, В. П. Катаева, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова за период 1925–1935 годов (всего 22 текста).

На основе изучения материалов сатиры мы воссоздали три типа литературного халтурщика. К первому типу относится писатель-халтурщик, который пытается сделать литературу средством дополнительного или, в зависимости от обстоятельств, основного заработка. К занятиям литературой халтурщиков первого типа принуждает тяжёлое материальное положение и желание его улучшить. Собственно, это не писатели, а те, кто решил себя попробовать в литературе. Мотивация их обращения к литературе – необходимость обеспечения выживания [5, *«Великий лагерь драматургов»*; 6, *«Я, в общем, не писатель»*; 4, *«Крестьянский самородок»*, *«Литератор»*].

Второй тип халтурщика – самый распространённый. К нему относятся ярко выраженные частники, «кустари», живущие на доход от литературной деятельности. Мотивация работы в литературе – жажда наживы, стяжательство материальных и нематериальных благ. Халтурщики второго типа встречаются во многих сферах литературы – есть халтурщики-поэты, халтурщики-драматурги, халтурщики-сатирики, халтурщики-сценаристы [5, *«Бледное дитя века»*, *«Полупетуховщина»*, *«Пьеса в пять минут»*, *«Король-солнце»*, *«Секрет производства»*; 6, *«Когда уходят капитаны»*, *«Я, в общем, не писатель»*, *«Любовь должна быть обоюдной»*; 8, *«Мой друг Ниагаров»*, *«Емельян Чернозёмный»*; 4, *«Практикант»*]. Они не гнушаются никакой литературной работой, напористы, наглы и бодро действуют под прикрытием официальных лозунгов вроде призыва к ударничеству в литературе [6, *«Мы уже не дети»*, с. 494]. Это их И. А. Ильф и Е. П. Петров называли мародёрами, халтуртрегерами, гарпунщиками и зверобоями [5, *«Ваша фамилия?..»*, *«Секрет производства»*; 6, *«Когда уходят капитаны»*].

К третьему типу писателей-халтурщиков можно отнести халтурщиков поневоле, то есть честных писателей, которых принуждает к созданию халтур

сама постановка дела. Применительно к литературе эта ситуация описана в фельетоне И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Бродят по городу старухи». Сюжет фельетона таков: официальное учреждение – журнал под условным названием «Самодетельное искусство» – предложило писателям издать в сборнике «Весна» произведение на деревенскую тему. Авторам надлежало выбрать тему из тематического плана и написать произведение на деревенскую тему в «штурмовой срок» – за пятнадцать дней. Конечно, писатели пришли к логичному выводу, что за такой срок получится сделать только халтуру [6, «*Бродят по городу старухи*», с. 254–258]. Относящаяся к театральной сфере ситуация отображена в фельетоне В. П. Катаева «Парадокс», где молодой драматург попадает в руки маститых театральных деятелей, обучающих его незамысловатым рецептам формального успеха пьесы – тому, какие темы надо освещать, каких персонажей выводить. Молодой автор за короткий срок становится умелым халтурщиком, способным писать подходящие для постановки в театрах пьесы [8, «*Парадокс*», с. 236–239].

Поскольку извлечением дохода из литературы на постоянной основе занимались только халтурщики второго типа, мы реконструировали их задачи и стратегии. Задачи писателей-халтурщиков до создания ССП в 1932 году и после него различались. До 1932 года главной задачей было извлечение из литературы материального дохода напрямую через публикацию произведений. Соответственно выстраивалась и стратегия: во-первых, литературная продукция должна быть безупречна с идеологической точки зрения и выказывать лояльность власти [6, «*Любовь должна быть обоюдной*», с. 286, 291], во-вторых, надо задействовать максимально злободневные темы [5, «*Ваша фамилия?..*», с. 460], в-третьих, нужно приносить свою продукцию в редакции газет и журналов тогда, когда её наверняка возьмут, скажем, накануне празднования годовщины Октябрьской революции [5, «*Бледное дитя века*», «*Король-солнце*»; 8, «*Мой друг Ниагаров*»].

После 1932 года задача изменилась и усложнилась, поскольку в соответствии с политикой власти в области искусства эпоха частников закончилась, необходимо было стать членом ССП и, таким образом, получить доступ к многочисленным льготам. Для этого всеми правдами и неправдами требовалось опубликовать книгу, без которой в ССП не принимали. Данную задачу выполняли двумя способами – через блат или взятку. В фельетоне И. А. Ильфа и Е. П. Петрова «Любовь должна быть обоюдной» описаны оба пути: в первом случае автор плохого романа подаёт директору издательства в ответ на отказ в публикации записку от некоего влиятельного знакомого и получает вожделенное согласие. Во втором случае автор предлагает издателю дефицитную бумагу по блату, издатель соглашается и в виде ответной услуги печатает плохую книгу автора. Напечатав книгу, автор-халтурщик становится членом ССП и получает все ожидаемые льготы [6, «*Любовь должна быть обоюдной*», с. 286, 288]. Мемуары, дневники, исторические документы показывали, что ССП и Литфонд воспринимались именно как «кормушки», до которых оказывалось необходимо всеми средствами добраться, а первый массовый приём в ССП 1934 года отличался достаточной мягкостью [1, с. 19, 22, 31, 49, 62–64].

Материалы сатиры также позволяют воссоздать задачи и стратегии игроков среднего масштаба – организаций и ведомств (в их роли могли выступать книжные издательства, журналы, театры, кинофабрики, радиокомитеты, научные институты, структурные подразделения крупных учреждений) [5, «*Ваша фамилия?..*», «*Бледное дитя века*», «*Великий лагерь драматургов*», «*Секрет производства*»; 6, «*Когда уходят капитаны*», «*Любовь должна быть обоюдной*»; 8, «*Парадокс*»]. Организациям и ведомствам государство тоже навязывало определённые условия игры в виде необходимости придерживаться идеологического консенсуса и оперативно реагировать на повестку дня, предлагаемую государством. Следовательно, задачей игроков среднего масштаба являлась публикация идеологически выдержанной литературной продукции. Однако произведений хороших писателей могло не хватать для покрытия спроса. Поэтому издатели, представители театров, кинофабрик и т. п., отдавая себе отчёт в низком качестве продукции «халтуртрегеров», шли на сотрудничество с последними, поскольку это был путь наименьшего сопротивления. Что касается организаций, задачей которых выступало отображение собственной производственной тематики в литературе, то для них сотрудничество с халтурщиками оказывалось практически неизбежным – серьёзных писателей вряд ли увлекали такие темы, как, например, сахароварение и соя [6, «*Когда уходят капитаны*»].

Помимо прочего, тексты И.А. Ильфа и Е.П. Петрова позволяют воссоздать следующие причины появления в печати литературной халтуры: личные слабости редакторов (легкомыслие, недалёкость), их недостаточная квалификация и корысть. Кроме того, редакторов направляло ещё одно значимое для того времени соображение: продукция халтурщиков казалась надёжной в самом важном – идеологическом плане [5, «*Бледное дитя века*», «*Король-солнце*»; 6, «*Любовь должна быть обоюдной*»]. В этом сатирики солидаризируются с литературным критиком А.К. Воронским, возлагавшим часть вины за публикацию халтурной продукции на редакторов.

Выводы

Подведём итоги. Игроки среднего масштаба отыскивали способ выполнять задачу поставки нужного объёма литературной продукции на требуемом идеологическом уровне. Их стратегия заключалась в ангажировании исполнителей, хорошо чувствовавших спрос государства и готовых к поточному литературному производству. В свою очередь, игроки-одиночки тоже нашли компромисс, позволяющий соответствовать навязанным правилам игры, при этом получая личную – в первую очередь материальную – выгоду от занятий литературой, и даже отчасти манипулируя игроками «среднего звена». Их стратегия состояла в приведении литературной продукции к соответствию с идеологическим каноном, злободневности тематики и своевременности ее предложения публике. Стратегии писателей менялись в зависимости от политической обстановки в стране. В качестве водораздела, после которого стратегии одиночных игроков заметно трансформировались, можно назвать 1932–1934 годы и два знаменательных события – роспуск независимых творческих организаций и основание

ССП. Литературные критики и сатирики называли разные причины публикации халтуры, обвиняя критиков, редакторов и писателей-единоличников. Однако сама постановка литературного дела и существующие литературно-критические теории (благоволение культурным суррогатам, теория социального заказа), подводящие базис под производство низкокачественной литературной продукции, тоже играли роль не менее весомых причин наличия халтуры в ранней советской литературе.

1. Антипина В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М., 2005. 408 с.
2. Гудкова В.В. Рождение советских сюжетов: типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М., 2008. 456 с.
3. Джамбул Джабаев: приключение казахского акына в советской стране: Статьи и материалы / Под редакцией К. Богданова, Р. Николози и Ю. Мурашова. М., 2013. 308 с.
4. Зоценко М. Собр. соч. в 3 т. Т. 1: Рассказы и фельетоны / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Ю. Томашевского. Л., 1986. 560 с.
5. Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2: Золотой теленок. Рассказы, фельетоны, статьи, речи (1929–1931). М., 1961. 559 с.
6. Ильф И.А., Петров Е.П. Собрание сочинений в 5 т. Т. 3: Рассказы, фельетоны, статьи, речи (1932–1937); Водевиль и киносценарии. М., 1961. 544 с.
7. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. 792 с.
8. Кагаев В.П. Собр. соч. в 10 т. Т. 9: Горох в стенку: юмористические рассказы, фельетоны; Почти дневник; Стихотворения; Спящий. М., 1986. 711 с.
9. Кларк К. РАПП и институализация советского культурного поля в 1920-х – начале 1930-х годов // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 209–225.
10. Критика 1917–1932 годов / Сост., вступ. статья, преамбулы и примеч. Е.А. Добренко. М., 2003. 459 с.
11. Мазаев А.И. О «Литературном критике» и его эстетической программе // Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.): проблемно-тематические очерки. М., 2001. С. 201–227.
12. Опыт неосознанного поражения: модели революционной культуры 20-х годов: Хрестоматия / Сост. Г.А. Белая. М., 2001. 455 с.
13. Поздняков К.С. Литератор и «халтуртрегер»: проблема художественного высказывания в советской литературе 20-х – 30-х гг. XX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. т. 16, № 2. С. 182–184.
14. Постановление Политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» 18 июня 1925 г. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm>.
15. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 23 апреля 1932 г. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm>.
16. Янковская Г.А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма: монография. Пермь, 2007. 312 с.

References

1. Antipina V.A. Povsednevnyaya zhizn' sovetskix pisatelej. 1930–1950-e gody. M., 2005. 408 s.
2. Gudkova V.V. Rozhdenie sovetskix syuzhetov: tipologiya otechestvennoj dramy 1920-x – nachala 1930-x godov. M., 2008. 456 s.
3. Dzhambul Dzhabaev: priklyuchenie kazaxskogo akyna v sovetskoj strane: Stat'i i materialy / Pod redakciej K. Bogdanova, R. Nikolozi i Yu. Murashova. M., 2013. 308 s.
4. Zoshhenko M. Sobr. soch. v 3 t. T. 1: Rasskazy i fel'etony / Sost., podgot. teksta, vstup. stat'ya i primech. Yu. Tomashevskogo. L., 1986. 560 s.
5. Il'f I.A., Petrov E.P. Sobranie sochinenij v 5 t. T. 2: Zolotoj telenok. Rasskazy, fel'etony, stat'i, rechi (1929–1931). M., 1961. 559 s.
6. Il'f I.A., Petrov E.P. Sobranie sochinenij v 5 t. T. 3: Rasskazy, fel'etony, stat'i, rechi (1932–1937); Vodevili i kinoscenarii. M., 1961. 544 s.
7. Istoriya russkoj literaturnoj kritiki: sovetskaya i postsovetskaya e'poxi / Pod red. E. Dobrenko, G. Tixanova. M., 2011. 792 s.
8. Kataev V.P. Sobr. soch. v 10 t. T. 9: Gorox v stenku: yumoristicheskie rasskazy, fel'etony; Pochti dnevnik; Stixotvoreniya; Spyashhij. M., 1986. 711 s.
9. Klark K. RAPP i instiutalizaciya sovetskogo kul'turnogo polya v 1920-x – nachale 1930-x godov // Socrealisticheskij kanon. SPb., 2000. S. 209–225.
10. Kritika 1917–1932 godov / Sost., vstup. stat'ya, preambuly i primech. E. A. Dobrenko. M., 2003. 459 s.
11. Mazaev A.I. O «Literaturnom kritike» i ego e'stetcheskoj programme // Iskusstvo i bol'shevizm (1920–1930-e gg.): problemno-tematicheskie ocherki. M., 2001. S. 201–227.
12. Opyt neosoznannogo porazheniya: modeli revolyucionnoj kul'tury 20-x godov: Xrestomatiya / Sost. G.A. Belaya. M., 2001. 455 s.
13. Pozdnyakov K.S. Literator i «xalturtreger»: problema xudozhestvennogo vyskazyvaniya v sovetskoj literature 20-x – 30-x gg. XX veka // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2014. t. 16, № 2. S. 182–184.
14. Postanovlenie Politbyuro CK RKP (b) «O politike partii v oblasti xudozhestvennoj literatury» 18 iyunya 1925 g. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm>.
15. Postanovlenie Politbyuro CK VKP (b) «O perestrojke literaturno-xudozhestvennyx organizacij» 23 aprelya 1932 g. // URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1932.htm>.
16. Yankovskaya G.A. Iskusstvo, den'gi i politika: xudozhnik v gody pozdnego stalinizma: monografiya. Perm', 2007. 312 s.

UDC 930.85+82.09

DOI 10.17506/dipi.2019.35.2.127136

**PROFITABILITY OF LITERATURE:
ON HACK-WRITERS
AND THEIR CUSTOMERS
IN THE DISCOURSE OF SOVIET SATIRE
AND LITERARY CRITICISM
IN THE SECOND HALF OF THE 1920S –
THE FIRST HALF OF THE 1930S**

Vorobyova Mariya Vladimirovna,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
PhD (Theory of Culture), associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Annotation

The results of the analysis of works of Soviet satire and literary criticism of the second half of the 1920s – the first half of the 1930s are presented in this article. Strategies of players of different scale on the field of literature are shown; the main types of writers are reconstructed. Possible reasons for the publication of low-quality literary products have been identified.

Keywords:

hack-writers, ideological conditions, Soviet satire, Soviet literary criticism, literary process of the 1920s – the 1930s.

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Статьи представляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте: rusakova_mail@mail.ru. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2010 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования, 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». Тире обозначается символом «–» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417–2002.
16. Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер в тексте статьи. Нумерация иллюстраций – сквозная. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисовочными подписями должен быть также предоставлен

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

1. **УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
2. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
3. **Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
4. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов Иван Иванович**); ниже идет с выравниванием по правому краю страницы:
*место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.*
5. **Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 240–280 слов. Желательно, чтобы в аннотации была отражена следующая информация: цель, методы исследования, результаты, научная новизна.
6. **Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов.

Англоязычная часть статьи:

7. **Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov I.I.**).
8. **Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
9. **Фамилия, имя, отчество** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov Ivan Ivanovich**); ниже идет с выравниванием по правому краю страницы:
*место работы,
ученая степень (при наличии), должность,
город, страна,
идентификационный номер ORCID (если имеется),
адрес электронной почты.*
10. **Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
11. **Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
12. Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение (Introduction) – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования (Results) – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательны подзаголовки.
Заключение (Conclusion) – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
Список литературы (на русском языке) – формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском. Должен содержать не менее 10 источников. Необходимо минимизировать цитирование учебных пособий, справочников, диссертаций, текстов, размещенных на сайтах. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org/>).
Варианты оформления:

Автор, А.А. (2018). *Название книги*. Издательство.

Автор, А.А. (2018). Название статьи. *Название журнала*, 22 (3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Автор, А.А. (2018, 12 января). Название документа [Формат документа]. Взято с URL.

Формат даты на русском языке (год, день месяц). Формат даты на английском языке (год, Месяц день). Если дату установить невозможно, в скобках указывается (без даты) или (n.d.).

Пример:

Author, A.A. (n.d.). *Title of document* [Format description]. Retrieved from URL.

References (список литературы на английском языке) – формируется в алфавитном порядке. Англоязычные источники остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации. Варианты оформления:

Author, A.A. (2018). *Nazvanie knigi* [Title of the book]. Moscow: Gnosis.

Author, A.A. (2018). *Nazvanie stat'i* [Article title]. *Nazvanie zhurnala*, 22 (3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Author, A.A. (2018, January 12). *Nazvanie dokumenta* [Document's name]. Retrieved from URL.

Примеры оформления списка литературы

Тип источника	В списке литературы
Книга, монография	Автор, А.А. (2018). <i>Название книги</i> . Место: Издательство. Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Книга, монография (организация указана в качестве автора)	Название организации. (2003). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.
Книга, монография (без указания авторов)	Название книги (6-ое изд.). (2005). Место: Издательство. Merriam Webster's collegiate dictionary (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Книга, монография (с указанием редактора)	Редактор, А.А., Редактор, Б.Б., Редактор, В.В. (Ред.). (2012). <i>Название книги: подзаголовок</i> . Место: Издательство. РусакOVA, О.Ф. (ред.) (2015) <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: And subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Статья	Автор, А.А. (2015). Название статьи. Название журнала, том (номер), страницы. doi: xx.xxxxxxxx. Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отделения Рос. акад. наук</i> , 18 (1), 43–58. doi: 10.17506/ryip.2016.18.1.4358. Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6 (1), 106–138. doi: 10.1007/s11516-011-0124-4.
Электронный ресурс (статья)	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15 (2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 .

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Электронный ресурс (газета, журнал)	Автор, А. (2015, 12 января). Название статьи. Название газеты, том (выпуск). Взято с URL. Author, A. (2012, January 12). Title of article. The Sunday Times. Retrieved from http://www.sundaytimes.com .
Электронный ресурс (веб-страница, есть автор)	Если страница имеет нетипичный формат (например, блог, очерк и т. п.), укажите его в квадратных скобках. Автор, А. (2018, 9 марта). <i>Название документа</i> [Формат документа]. Взято с URL. Author, A. (2011, March 9). <i>Title of document</i> [Format description]. Retrieved from URL.
Электронный ресурс (веб-страница, нет автора)	<i>Название веб-страницы</i> (дата). Взято с URL. <i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ <i>Oxford Electric Bell</i> (n. d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell .

Примеры оформления списка литературы на английском языке (References)

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004) <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
Статья (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук</i> , 18 (1), 43–58. doi: 10.17506/ryip.2016.18.1.4358.	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk</i> , 18 (1), 43–58. doi: 10.17506/ryip.2016.18.1.4358.
Электронный ресурс	Караганов, С. (2017). О новом ядерном мире. Как укрепить сдерживание и сохранить мир. <i>Россия в глобальной политике</i> , 15 (2), 8–19. Взято с https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 .	Karaganov, S. (2017). O novom yadernom mire. Kak ukrepit' sderzhivanie i sohranit' mir [About New Nuclear World. How to Strengthen Deterrence and Keep the Peace]. <i>Russia in Global Affairs</i> , 15 (2), 8–19. Retrieved from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-18644 .
	Пучков, П. (2017, 10 апреля) <i>Современные «революции» / Революция и современность</i> . Взято с http://gefter.ru/archive/21809#anchor1 .	Puchkov, P. (2017, April 10). <i>Sovremennyye «revolyutsii» / Revolyutsiya i Sovremennost'</i> [Modern «revolutions» / Revolution and Modernity]. Retrieved from http://gefter.ru/archive/21809#anchor1 .
	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято с http://government.ru/news/37355/ .	<i>Rabochaya poezdka Tat'yany Golikovej v Murmanskuuyu oblast'</i> [Working visit of Tatiana Golikova to the Murmansk region] (2019, July 12). Retrieved from http://government.ru/news/37355/ .

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in «Discourse-P» scientific journal.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. The article should be sent to the editorial office by e-mail: rusakova_mail@mail.ru. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2010 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA style is used (<https://apastyle.apa.org/>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a «quoted text» (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the typographic version «» is used. A dash is indicated by the symbol «-» (middle dash); hyphen «-».
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number in the text of the article. The numbering of illustrations should be continuous. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If financial support was provided to the author when writing an article, this should be mentioned in a footnote.
4. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Smith Jonh**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 240–280 words. It is desirable that the following information be reflected in the annotation: purpose, research methods, results, scientific novelty.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words.
Russian part of the article:
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Surname, name, patronymic** of the author – right alignment; bold font (example: **Смит Джон**); the following are aligned to the right of the page:
*place of work,
academic degree (if any), post,
city, country,
ORCID (if any),
E-mail address.*
10. **Abstract** (abstract in Russian) – width alignment.
11. **Keywords:** (keywords in Russian) – width alignment.
The main text of the article (in English):
12. The main text of the article should be divided into sections. It is desirable that the following information be reflected in the text of the article:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, the degree of research in science, the purpose of the article, the research technique and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were undertaken both by the author and other researchers. Subheadings are desirable in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
References – is formed in alphabetical order. First come the sources in Russian, then in English. Must contain at least 10 sources. It is necessary to minimize the citation of textbooks, reference books, dissertations, texts posted on websites. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA style: <https://apastyle.apa.org/>.
Design Options:

Author A.A. (2018). Title of the book. Publisher.

Posted by A.A. (2018). Article title. Journal Title, 22 (3), 123–231. doi: xx.xxxxxxxx.

Author, A.A. (2018, January 12). Name of the document [Document format]. Retrieved from URL.

Date format (year, month day). If the date cannot be set, in brackets is indicated (without date) or (n.d.).

Example: Author, A.A. (n.d.). Title of document [Format description]. Retrieved from URL.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (2018). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S. L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization indicated in as an author)	Name of the organization. (2003). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Book Title</i> (6th ed.). (2005). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., Editor, C.C. (Ed.). (2012). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (ed.) (2015) <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Publ. House «Discourse-P». Editor, J.J., Editor, A.A., & Editor, P.P. (Eds.). (2012). <i>Book title: subtitle</i> . Abingdon: Routledge.
Article	Author, A.A. (2015). Article title. <i>Journal name</i> , volume (number), page. doi: xx.xxxxxxxx. Fishman, L.G. (2018). Undereducated community. <i>Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law Ural. branches of the Russian Academy of Sciences</i> , 18 (1), 43-58. doi: 10.17506 / rypl.2016.18.1.4358. Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6 (1), 106–138. doi: 10.1007 / s11516-011-0124-4.
Electronic resource (article)	Karaganov, S. (2017). About the new nuclear world. How to strengthen containment and maintain peace. <i>Russia in global politics</i> , 15 (2), 8-19. Taken from https://globalaffairs.ru/number/O-novom-yadernom-mire-1864 .
Electronic resource (newspaper, magazine)	Author, A. (2015, January 12). Article title. <i>Newspaper name</i> , volume (issue). Taken from URL. Author, A. (2012, January 12). Title of article. <i>The Sunday Times</i> . Retrieved from http://www.sundaytimes.com .
Electronic resource (web page, author presents)	If the page has an atypical format (for example, a blog, essay, etc.), indicate it in square brackets. Author, A. (2011, March 9). <i>Document name</i> [Format description]. Retrieved from URL.
Electronic resource (web page, no author)	<i>Webpage name (date)</i> . Taken from URL. <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell .